НАШИ ТРАДИЦИОННЫЕ ГОСТИ ИЗ БЕЛОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО СОЮЗА «ПОЛОЦКАЯ ВЕТВЬ»

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Легко ли писать на русском языке в Белоруссии? С одной стороны — да. Никто препон не чинит, работать не мешает. Сел, написал, издал (за свой счет), можешь нести книги в магазин. С другой стороны — огромная часть читательской аудитории, на порядок большая, чем в родной стране, находится немного восточнее, в России.

В такой парадоксальной ситуации Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь» уже более двадцати шести лет объединяет русскоязычных литераторов в Беларуси, «возделывая культурную ниву» страны с помощью стихов, прозы и драматургии. Четверть века плодотворной работы доказывают, что создаваемые произведения находят отклик как в Белоруссии, так и за ее пределами.

Почему Беллитсоюзу «Полоцкая ветвь» удается даже не «оставаться на плаву», а активно развиваться и с уверенностью смотреть в будущее? Дело в том, что ветвевцы очень трепетно относятся к своей роли в жизни союза. Регулярно проводятся мероприятия, направленные на продвижение русскоязычной литературы. Среди них — выездные выступления в различных городах республики, проведение поэтических и литературных вечеров и, конечно же, организация Международного фестиваля «Славянская лира», который в 2021 году «отгремел» уже в восьмой раз, несмотря на ковидные ограничения. Литературные состязания и выступления для участников оказались гораздо важнее страхов перед пандемией.

Конечно, представители многих стран в 2021-ом не смогли доехать до Минска, как это бывало в доковидные времена. Тогда в белорусскую столицу съезжались сотни участников не только из ближнего зарубежья, но и из ЕС, Израиля и США. Кстати, за восьмилетнюю историю проведения «Славянской лиры» работы для конкурсных программ представили более тысячи семисот авторов из двадцати восьми стран, в том числе — из Канады, Мексики и Австралии! И будем надеяться, что 2022-ой год все расставит по своим местам и гостеприимная белорусская столица снова увидит многочисленных гостей.

Среди проектов, реализуемых «Полоцкой ветвью», есть также фестиваль «Звучанье русского стиха...», ежегодное вручение премии Симеона Полоцкого за лучшие прозаические произведения и поэтические сборники на русском языке, творческие слеты «Литературные встречи в Корсаково», биеннале «Литературная крона».

Члены «Полоцкой ветви» активно издают свои книги. Только за последние несколько лет из печати вышли романы, сборники поэзии и драматургии. В данный момент к печати готовится литературная антология «Полоцкая ветвь»: четверть века под сенью литературы». Кроме того, запланировано возрождение литературно-публицистического журнала «Западная Двина», который издавался с 2003 по 2010 годы. В те годы в периодическом издании были опубликованы произведения почти ста прозаиков, поэтов, драматургов и публицистов из Белоруссии, России и с Украины. Одним словом, все только начинается.

Тематический номер, состоящий из произведений* членов Беллитсоюза «Полоцкая ветвь», который вы держите в руках,— это еще одно свидетельство того, что русскоязычная литературная жизнь в Белоруссии не утихает. Более сорока авторов прислали свои произведения для публикации. Почти две трети из них — поэты, представляющие на читательский суд произведения: от акростихов до детской поэзии. Двенадцать прозаиков поделились рассказами и частями из крупных литературных форм. Драматурги — пьесами, а литературоведы — своим видением текущей ситуации с русскоязычной литературой Белоруссии.

Одним словом, скучно точно не будет. Будет увлекательно, интересно и иногда страшно — за литературных героев.

Секретарь Секции художественной прозы
Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
Алексей Горбунов

---

* Ниже представлены произведения прозы, драматургии, поэзии, литературоведения и литературной критики, произведения для детей.— Прим. гл. ред.

Ольга Шипилова
(г. Гомель, Белоруссия)

ПИКСЕЛИ ДУШИ

Писатель, политолог, юрист. Живет в Гомеле (Белоруссия). Автор поэтического сборника «Ангелы зимуют в Ялте» и восьми книг прозы. Лауреат международных литературных премий, конкурсов и фестивалей искусств. Работы опубликованы в отечественных и зарубежных печатных изданиях. Председатель Гомельского отделения Беллитсоюза «Полоцкая Ветвь», член Союза Писателей Крыма.

«Человеческая душа меняется за ночь»

Из книги Курбана Саида «Али и Нино»

Она бродила по опустевшему офису, томилась, пока его одинокая фигурка то замирала, то вздрагивала перед горящим монитором. Согнутая дугой худенькая спина напряженно выкидывала наружу, через мягкость синего свитера, косточки и снова скрывала их. Тонкие линии рук устало касались клавиатуры, потом вдруг раздраженно вскидывались в сторону, вверх и тянулись к иссиня-черным волосам. Как же ей знакома эта привычка! Сейчас ухватится двумя пальцами за прядь, чтобы сохранить равновесие внутри себя. Она убрала глаза от его напряжения: оно соблазняло, манило. Пошла к окну. Откинула жалюзи, и, встав на цыпочки (о, Боже, она в носочках, даже не позаботилась об обуви), повисла на подоконнике: так вот какой ты, Город Огней! Прекрасен, как всегда: и на картинках, и сейчас, почти в реальности, в бархате полуночного часа. Дернула створку и была готова поклясться, что чувствует чарующее дыхание Каспия. Даже обзорное колесо видно! И соль на губах... все как он говорил... или сама себе это придумала. От восторга она зажмурилась, и поперхнулась собственным счастьем. Неужели это все происходит в действительности, неужели все не вымысел, к которому уже успела привыкнуть?! ...И Каспий, и Город Огней, и этот опустевший офис, и Он — порыв ее страстной души,— все это существует на самом деле! И теперь она, стараясь не потревожить даже неловким шорохом созданную вокруг нее реальность из мифической мечты, может касаться сердцем своим и пылающей кожей яви, той, к которой так долго стремилась... и плакала ночами о ней, и горевала, и воображала. Неужели все это случилось?!

— Бали...— донеслось до нее.

Он продолжал теребить прядь волос (нервничает, а голос ровный, надежный, спокойный, всю жизнь его слушала бы). Речь знакомая, близкая, хотя многие слова еще не понятны. Но это слово она хорошо знает.

— Бали, бали — продолжал он утверждать в микрофон.

Она вскинула глаза к потолку. Зрачки полосовали агрессивные лампы. Ах, если бы Бали...

Но нет, не остров в Индонезии со своими заливными рисовыми полями, пляжами

и коралловыми рифами... «Beli»,— значит «да», только буковка «е» должна быть вверх тормашками! И произносится так, словно барашек блеет!

— Буйурун! — выдохнув, произнес он и отключил абонента.

«Buyurun» — вспомнила она,— значит «пожалуйста».

Она направилась к нему: теперь уже можно, не помешает. Тихо обошла спинку кресла, встав позади, нежно опустила руки ему на плечи. Он затих, затаил дыхание и неожиданно вздрогнул. Она готова была поклясться, что по его телу побежал электрический ток, передался ладошкам, защипал пальцы. Он оглянулся... И ничего не увидел, кроме пустого офиса. Рядом никого не было. Ни сбоку, ни позади. Не странно. Ведь она смотрела на него из его телефона и видела его в своем устройстве, в котором он замер перед своим горящим монитором, а она, пользуясь ловкой минутой, вдоволь набродилась по опустевшему офису в Городе Огней, где чарует дыханием своим Каспий. Она облизала губы — соленые.

Он посмотрел на нее так, точно только спустился с Марса, вырвался из другого далекого мира и теперь окунулся в нежность теплых глаз, манящих карамельно-мятной сладостью.

— Лялька, шоколад будешь? — улыбнулся он.

И улыбка его засияла, затрепетала на уставшем лице, оживляя его.

— Буду, Кямранушка!

Он расхохотался: так задорно, по-мальчишески, что она тоже прыснула со смеху.

— Только ты умеешь так меня называть, Лялька-джан!

Они раскатисто хохотали, оторванные друг от друга тремя тысячами километров, взрывая смехом своим два разных помещения: он — пустой офис со скелетами насупившихся стульев, она — тихую комнату с уснувшими плюшевыми игрушками.

«Can» — душа, ее любимое слово, он научил.

Но раздался новый звонок, он поднял указательный палец вверх, поднес к губам. Она тут же замолчала. Прижала хитрую ладошку ко рту: пока ответит очередному неспящему у вод Каспия, она сможет пожульничать. Она станет смотреть на него в упор, касаться своих влажных губ, темно-ртутных волос, высокого подбородка. Он словит ее взгляд... Уже словил. Смотрит на нее, говорит в микрофон. Лицо заливает пурпурным. Как закат в Городе Огней. Сомкнутые губы теряют твердость, наливаются, отдаются шалости улыбки. Она ползет по ним змеиной кожей... «Ilan»* — шепчет она, желая коснуться его губ своими губами. В глазах — черных и синих — скачут веселые чертики... Они тонут друг в друге.

— Шоколад будешь? — отключив абонента, хриплым голосом произносит он, тем самым сбрасывая с себя ее чары и свое желание.

— Буду...— шепчет она, догадываясь, что с ним происходит, понимая, что разожгла огонь, в котором хочется гореть дотла вдвоем, но придется гаснуть поодиночке.

Он протягивает дольку шоколада, подносит к экрану.

— Взяла,— говорит она и берет из шелестящей обертки точно такую же дольку,— смотри, держу.

Они смеются. Каждый отправляет черный квадратик себе в рот. Жуют молча. Задумавшись. Смотрят друг на друга в упор.

— Вкусно? — очнувшись, спрашивает он.

— Угу...— облизывается она.— А ты будешь? — теперь она отламывает дольку и протягивает к экрану.

— Конечно, буду. Я из твоих рук все буду!

«Какой акцент! — думает она,— ему не нужно утратить его». Страшно, если в общении с ней лишится шарма произносимых слов.

И снова звонок. Теперь она видит его висок, пульсирующую венку. Дикое жела-

* ilan — змея (перевод с азербайджанского).

ние прикоснуться к ней губами не обуздать. Твердый подбородок, родинка. Он встает, она видит его брюки и все, что они скрывают. Она отворачивается. Нельзя смотреть. Иначе сердце выпрыгнет наружу. Переводит взгляд на стол и кисть его руки в кадре. Еще больнее.

Он отключает абонента, снова его глаза рядом, грустные, как на иконе Христа — страдающие — им пора проститься. Город Огней закрыл веки своих фонарей. В окна бьется рассвет: в его офисе, и в ее комнате — в одном мире на двоих. Сейчас он коснется экрана — и они погаснут вместе с ночными огнями. Поцелуют друг друга и уснут. В жизнь приходит новый день, в котором они существуют по отдельности. В котором ее душа потеряет мягкость. Сквозь полусон она будет клясться себе, что должна забыть его, покинуть и опустевший офис, и Город Огней, освободить его реальность от своего присутствия. Но едва опустится ночь, вопреки километрам, ее клятвам и своей усталости он позовет ее: настойчиво потянет к себе и она не сможет не откликнуться на зов его. И снова сплетутся их души в сети. Расстояние потеряет всякий смысл и значение. Потому что ее руки будут лежать на утомленных плечах его. А он заботливо продолжит кормить ее горьким шоколадом.

Алексей Горбунов
(г. Минск, Белоруссия)

НОВОЛУНИЕ

Родился в 1974 году в Минске. Имеет два высших образования (филологическое и экономическое), окончил аспирантуру. Работал журналистом, видеоблогером, главным редактором. В настоящий момент — прозаик, драматург, по совместительству поэт. Занял первое место в номинации «Малая проза» на Международном литературном фестивале «Славянская лира-2020». Автор рассказов, повестей и романа «Минск и Тибетская книга мертвых». Член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь», секретарь секции художественной прозы.

Меня зовут Степан. Люблю техно и паназиатскую кухню. В «Инсте» почти полторы сотни подписчиков. Что еще о себе рассказать? Двадцать восемь лет. Живу с мамой. Есть кошка Мурка, черно-белый перс, она словно проникла в наш мир из первых фильмов. А вот девушки у меня нет. Вообще я считаю, что женщины — какие-то потусторонние существа, и наладить с ними взаимовыгодные отношения невозможно. То ли дело Мурка! Тоже иногда рожицу воротит, но, в целом, вполне дружелюбная и отзывается на «кис-кис».

Но хватит о кошках. Расскажу лучше о своей работе, и о том случае, от которого до сих пор мурашки по коже. Работаю я в Департаменте охраны. Охраняю Министерство нужных бумаг.

Некоторые думают, что Департамент охраны — это подразделение МВД. С такими товарищами я сразу же провожу разъяснительную беседу. К МВД мы никакого отношения не имеем.

Да, у нас темно-синяя форма, а на голове — кепка с эмблемой. Есть еще нашивка «Департамент охраны», ну и бейдж с личными данными. Но ни пистолетов, ни наручников нет. Главное наше оружие — тревожная кнопка. И палец, чтобы ее нажимать.

Из-за того, что пальцы есть практически у всех, в Департамент берут даже инвалидов. Главное, чтобы человек не заснул на посту и среагировал на подозрительные события. Если что-то происходит, мы вдавливаем кнопку, и через пару минут приезжает группа быстрого реагирования: в бронежилетах, с автоматами.

Но есть одна тонкость — ночные дежурства подразумевают регулярный обход территории, а инвалиды с таким хождением справляются не очень. Поэтому я всегда меняюсь — отдаю им свои дневные дежурства, а сам дежурю по ночам. Спокойно, тихо, посетители на мозг не давят.

Начальство не видит в заменах ничего крамольного. Почему-то ночные смены считаются более сложными, поэтому мне даже доплачивают. В остальном, считайте сами — работаю ночь через две. Десять-одиннадцать раз в месяц. Правда, как выразился майор Додосов, мой непосредственный начальник: «Личико ты теперь материально ответственное!» Бог с ним, с Додосовым — он всю жизнь провел в сапогах,

юмор у него специфический, а у меня — тук-тук-тук! — никаких проблем ни разу не было. Если, конечно, не брать в расчет тот случай, о котором я расскажу.

Министерство нужных бумаг расположено в тихом районе. Жилых домов здесь практически нет, а те, что есть, малоэтажные, поэтому аборигены по ночам появляются редко. Разве что в пятницу или субботу пройдет разгоряченная компания или бабушка собачку выгулять выскочит. Но этот контингент к министерской ограде приближается редко, понимает, что здание важное, государственное, с большим флагом на крыше.

А я сижу за своим пультом и через камеры слежу за происходящим. Все подступы видны. Если кто-то вздумает через ограду перелезть, я сразу — хоп! — и кнопочку жму. Не успеет нарушитель до стен министерства дойти, а уже слышны сирены машины, на которой мчится группа захвата.

Кстати, камеры и в здании установлены: в основных коридорах и на лестницах. На случай пожара или залития. Но о таком я ни разу не слышал, все функционирует, как часовой механизм.

Одним словом, моей работе можно только позавидовать. Сидишь за пультом, как в кабине космического корабля, за камерами следишь. И все силовые органы страны готовы прийти на помощь в случае форс-мажора.

На прошлый Новый год рассказал маминому брату, дяде Андрею, о своей работе, а он, уже хорошенько пьяный, ляпнул:

— А вдруг призрак или приведение какое...

— Что ты, Андрюшенька, за страсти говоришь! — ухватилась за сердце мать.

— Какие призраки?! — захохотал я.— У нас же везде камеры, нет никаких призраков. Одна цивилизация.

Накаркал!

На ту августовскую ночь пришлось новолуние. Темно. Если бы не свет фонарей, ничего вообще не увидеть. Хотя я к таким периодам отношусь спокойно. Камеры вокруг Министерства нужных бумаг инфракрасные. Им что день, что ночь — в любых условиях картинка четкая. И нет статистики, что злодеи в безлунные ночи чаще пытаются прокрасться к важным государственным объектам. В ту ночь тоже все было тихо.

Почти половина ночного дежурства прошла, и отправился я в час ночи на очередной обход здания. Если думаете, что обход — это прогулка с фонариком по темным коридорам, ошибаетесь. Конечно, фонарик у меня всегда под рукой — на тот случай, если вдруг электричество в районе пропадет. Но в обычных условиях я просто приближаюсь к очередному участку, включаю свет, прохожу по коридору и жму на выключатель.

Но в тот раз началась чертовщина.

Со стороны одной из стен, мимо которых я проходил, повеяло зимним холодом! Если бы жаром дыхнуло или дым пошел — понятно. Пожар начался. А тут посреди августовской ночи — мороз. Я даже к стене присмотрелся, вроде как иней на ней выступил. Что за бред?! Я глаза протер и соображаю, что там за этой стенкой. Наконец дошло — там министерский гараж. Но ночью машин почти нет — начальство на них по домам разъезжается.

Еще раз всмотрелся в стенку — нет, вроде и не иней, это штукатурка так отсвечивает. Да и откуда за стеной холоду взяться?! Ни холодильников, ни рефрижераторов там отродясь не стояло. Как мне кажется, в гараже даже кондиционеры не предусмотрены. Но морозным холодом тянет. Что делать? В инструкции о таких случаях ни слова.

Потрогал лоб, температуры нет. Потрогал стену — ледяная, как будто за ней — зима и минус тридцать. Мистика! А в голове мысли проносятся. Нажать на тревож-

ную кнопку?! Примчатся ребята в бронежилетах, я их проведу к этой стенке, а она уже нагрелась. Что мне группа захвата скажет?

Позвонить Додосову? Он третий сон видит, точно не приедет, а вот депремировать — депремирует, и вопросы потом появятся. То, что Департамент охраны состоянием моей головы заинтересуется, такой же факт, как и то, что стена ледяная.

И тут я решил — не заметить происходящего. Пошел дальше по коридору. Но не сделал и пары шагов, как за спиной что-то хрустнуло, словно кусок пластика сломался. С мыслью: «Откуда там пластик?» — я обернулся и остолбенел... Из стены, за которой гараж, медленно просачивался призрак. Выглядел он так, будто кто-то решил выдуть из сигаретного дыма фигуру девушки. Получилось жутко — в человеческий рост, спутанные волосы, длинное платье, тонкие руки. И плывет в воздухе, как идет, только ног нет. Там, где должны быть ноги — пространство над полом.

И мы с призраком вдвоем — одни в ночном коридоре.

Я чуть не заорал. Девушка из дыма почувствовала мое присутствие, повернула голову, и я услышал хриплый голос:

— Узнаешь меня?

Самое дикое во всем этом — то, что губы девушки не двигались, а глаза смотрели прямо на меня. Оцепенение стало проходить, и я влажной рукой выхватил из кармана фонарик, направил в сторону сгустка дыма луч света. Но луч прошел сквозь призрачное видение и уткнулся в угол.

— Хватит истязать меня,— захрипела девушка и поплыла к противоположной стене.— Убери луну!

Мои нервы не выдержали, и я бросился к дверям, за которыми скрывалась спасительная лестница. Добежав, обернулся — коридор был пуст. Никаких призраков, никакого поломанного пластика — ничего. Я отдышался и выключил свет.

У пульта мне пришла в голову гениальная мысль. Нужно отмотать запись с событиями в коридоре назад. Это позволит проверить, был ли там кто-то еще кроме меня или что-то произошло с моей психикой? Но я тут же понял, что так расхваливаемые мной камеры только выводят на экраны изображение происходящего. Запись, если где-то она и ведется, осуществляется точно не здесь.

Что же делать? Я глотнул теплого кофе из термоса, походил вокруг пульта и пришел к единственному правильному, как мне тогда показалось, решению. В коридор у гаражей этой ночью я больше не пойду. Достаточно наблюдений за ним с помощью камеры. Никому о девушке с хриплым голосом я тоже сообщать не стану, потому что ее попросту не может быть, а, значит, и не было. Если на записи что-то и осталось, скажу, что ничего не видел. Мало ли какие оптические иллюзии выдают камеры. Техника не совершенна.

Но безлунная ночь так просто не закончилась. Примерно в полпятого, наблюдая краснеющими глазами за картинками, подаваемыми с камер, я снова услышал знакомый треск, будто лопнул лист пластика. Я замер, не решаясь посмотреть на происходящее за пультом, но затем все-таки посмотрел.

Девушка, тот самый безногий призрак, плыла прямо ко мне через широкий холл Министерства нужных бумаг. Я вскочил:

— Кто ты? Что тебе надо?

Девушка захрипела, не открывая рта:

— Вспомнил? Ты так долго пытал меня лунным светом!

Страшный голос вывел меня из ступора — я посмотрел на экран с изображением холла передо мной. Холл был пуст: никакого дыма, никаких девушек — ни души. Я перевел взгляд на призрака — он медленно приближался. В голове мелькали мысли: «Что делать? Не нажимать же тревожную кнопку! Нет. Перекреститься?» Перекрестился, но девушка не исчезла. В каком-то фильме герой в такой ситуации рисовал

вокруг себя защитную пентаграмму! Нужен мел! Но мела у меня не было. Попробовать нарисовать круг шариковой ручкой?

Так я и стоял, думал, что можно сделать, но ничего не делал. А девушка подплывала.

Между мной и призраком оставалось менее трех метров, когда на улице послышался шум подъезжающего автомобиля. Девушка вздрогнула, повернула голову к входной двери и пропала. Не лопнула, не испарилась, не утекла — просто холл передо мной вмиг стал таким же пустынным, как и на экране.

Завибрировал звонок — у входа топтался проверяющий. На трясущихся ногах я подошел к дверям и впустил внутрь ночного посетителя. Тот сразу почувствовал неладное:

— Что с вашим лицом?

— Ни-ни-че-го...— я провел по голове ладонью, пытаясь понять, что вызвало подозрение проверяющего.

— Вы спали? — визитер буквально наступал на меня.

Я чуть не споткнулся о порог, и это привело меня в чувство:

— Вы не показали документы!

— Точно,— проверяющий протянул удостоверение и цветную бумагу с наполовину написанным от руки текстом.

Пока я изучал документы, визитер принюхался:

— Вы тут курите?

— Нет. А разве здесь пахнет сигаретами?

— Очень странный запах. Как будто помещение только что покрыли побелкой, а потом здесь прогревал двигатель армейский грузовик.

— А-а-а...— протянул я, отдавая документы.

Проверяющий ловко спрятал их в карман, развернулся и пошел к выходу. На пороге он заметил:

— Вы бы проветривали, что ли! А то угорите здесь...— дальше последовало нецензурное слово.

Мы попрощались. Я прислушался к совету — приоткрыл окно. Призрак в ту ночь больше не появлялся. Утром я вернулся домой, поел котлет с макаронами и лег спать. После пяти часов сна появилась мысль, что призрак все-таки мне привиделся. И виноваты в этом бензиновые испарения из гаража.

На следующий день мы с мамой сходили на юбилей к дяде Андрею. Празднование затянулось далеко за полночь, и я лег спать почти под утро. Поэтому долго не мог сообразить, почему мне ночью звонит Додосов — на него была установлена специальная мелодия, советская «Чунга-Чанга».

— Спишь?! — заревел в трубку начальник. На часах было восемь тридцать утра.

Пару мгновений я соображал, почему я не должен спать, а потом ответил:

— Ну, да. Мне же сегодня в ночную.

— В Департамент! У нас — ЧП.

Меня словно холодной водой облили. Я впопыхах собрался, вызвал такси и поехал к Додосову. Пока ехал, в голове крутилась мысль: «Неужели камеры слежения все-таки зафиксировали какую-то картинку? Все, я попал. Теперь точно выгонят с волчьим билетом!» Но ситуация оказалась еще более паршивой, чем я предполагал.

Как только я прошел через турникет, ко мне подбежали люди в форме и куда-то повели, явно не к Додосову. «Если они меня в чем-то подозревают, могли бы сразу домой приехать»,— успел подумать я перед тем, как меня почти втолкнули в кабинет и усадили на стул. На этом стуле я провел следующие четыре часа.

Оказалось, что сотрудника Департамента, который дежурил в ночь после меня, нашли мертвым. Никакого криминала. Умер от сердечной недостаточности. В этом событии не было бы ничего странного — коллеге шел седьмой десяток, а в этом воз-

расте проблемы с сердцем — явление распространенное, но молодой охранник, который дежурил в ночь после умершего, просто исчез.

Первые несколько часов допроса я не мог понять, чего же хотят лично от меня, и как можно исчезнуть из здания министерства, которое находится под круглосуточным видеонаблюдением? Потом мне показали видео, и я понял, что пары бензина, на которые я списал свои галлюцинации, были какими-то совсем не бензиновыми.

Видео с умершим получилось жутковатым, но логичным. Коллега сидел за пультом, затем резко вскочил, словно увидел перед собой что-то странное, схватился руками за ворот рубашки и рухнул обратно. Так и остался лежать в кресле, глядя в какую-то точку поверх экранов. На видео, в правом нижнем углу, я заметил время: «04.27»,— секунды на записи продолжали сменяться, но тело в кресле оставалось неподвижным.

А вот видео с исчезновением я попросил показать несколько раз, настолько оно шокировало. Человек за пультом положил подбородок на сложенные на столе руки. Со стороны сказать — спит он или следит за экранами — невозможно. Ракурс съемки не позволял. Мое мнение — спал, но сейчас этого никак не докажешь, да и доказывать незачем. Потому что спящий попросту исчез. На кадре со временем «04.27.12» охранник еще лежит перед экранами, а на кадре «04.27.13» там никого нет.

— Шапку-невидимку на него, что ли, накинули? — развел руками следователь и подозрительно посмотрел на меня.

«Или подолом-невидимкой накрыли»,— подумал я, ощущая, что волосы на голове шевелятся, но следователю сказал:

— Можно в туалет?

— Нет! — рявкнул следователь.— Пока не разберемся, что к чему, будешь сидеть!

— Вы думаете, это я его похитил?

— Рано пока думать! Факты нужны.

— Может, сбой в системе видеонаблюдения. Время идет, а картинка застыла. Человек встал и вышел из здания.

— И исчез в городе? — скривился следователь.

— А может у него сообщники были, которые картинку подменили,— я выдвинул очередную гипотезу и тут же пожалел об этом.

— Какие сообщники? Фамилии?

— Не знаю я никаких сообщников,— мне стало казаться, что я откровенно ною, но в моей ситуации ничего другого не оставалось.— Так в фильмах бывает. Время идет, картинка не меняется, а преступники банк грабят.

— В каких фильмах? — перекривлял меня следователь.— Кому придет в голову грабить Министерство нужных бумаг? Что там брать? Принтер?

— Тогда у меня нет версий,— заскулил я.

Но следователь будто не слышал этих слов. Он снова оживился:

— Ты так и не объяснил, почему в ночь дежурства бегал по коридору!

— В какой-то момент мне стало жутко. Показалось, что в коридоре еще кто-то есть. Вот и побежал,— повторил я, наверное, в десятый раз.

— Кто там был?

— Никого там не было. Но стало жутко.

— У тебя проблемы с головой? Панические атаки? Как тебя в охрану взяли?

Я задумался:

— Может быть, это такое воздействие паров бензина. Вот и товарищ проверяющий говорил, что бензином пахло.

— Хватит мне про пары бензина,— махнул рукой следователь.— Проверяющий сказал, что был запах стройки и выхлопных газов. А это не бензин.

— Но откуда-то же запах взялся!

— Разберемся с запахом,— следователь взглянул на меня исподлобья.— Сейчас главное понять, куда человек делся? Ладно, иди в туалет. Только из здания ни ногой.

Той ночью в Министерстве нужных бумаг дежурила группа захвата. Сидели на стульях, сопели, звякали автоматами. Во время обходов следовали за мной по пятам, как отряд телохранителей. Но ничего странного не происходило.

В коридоре, примыкающем к гаражу, я специально каждый раз приближался к стене, из-за которой в прошлый раз проникал морозный холод. Но температурных аномалий не замечал. Стена, как стена, как все стены в министерстве или в других бетонных домах.

Ради интереса, я даже в холле не проветривал, решил, что если галлюцинации вызывают испарения, то видения в такой обстановке возникнут у всех, и автоматчики вместе со мной увидят призрака. Но снова ничего. Утром пришел сменщик, я попрощался с группой захвата и покинул пост.

По дороге домой зашел в церковь, поставил свечку, только так и не решился спросить, что нужно делать, если видишь призрака...

Молодого охранника не нашли: ни живым, ни мертвым. И призрака с тех пор я не видел. За охраной следили почти неделю, а потом людей с автоматами убрали.

Меня еще несколько раз вызывали в разные государственные организации, названия которых я вам не назову, потому что подписал бумаги о неразглашении. И везде я говорил, что никого той ночью не видел. Да и кого я мог видеть, если на камерах никого нет?

Я и сейчас по ночам охраняю Министерство нужных бумаг. Вот только ношу с собой два термоса: один с кофе, другой со святой водой. Мама сначала удивлялась — зачем вода? — но я ей сказал, что у нас участились перебои с водоснабжением, и второй термос нужен на всякий случай.

Кроме святой воды в термосе, в моем кармане всегда лежит большой кусок мела. Чтобы нарисовать защитную пентаграмму. Главное, не заснуть во время дежурства и вовремя заметить приближение призрака. Конечно, если он появится.

Пока тихо. Да и вообще тихо и спокойно, никто на мозг не давит. Сижу вот на работе. Ночь. Одиночество.

Минуту...

Что это?..

Татьяна Бестужева
(г. Бобруйск, Белоруссия)

Член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». Считает, что жизнь должна быть максимально наполнена впечатлениями и эмоциями. Про себя говорит следующее: «Счастливым является человек, который всегда занят делом души. И вот такое счастливое душевное дело появилось в моей жизни, нет, вернее не появилось, оно жило во мне с самого первого моего вдоха, с первой секунды ощущения тепла, осознания, что я — есть. В своих импрессиях передаю свои мимолетные впечатления об изменчивости и подвижности окружающего реального мира».

МАЯК «ДУШИ»

Под его ногами шуршала «Осенняя Вечность»... В его руках звучала мелодия кнопок «Памяти», состоящая из нот: «Щелк», «Щелк»... Цилиндр «Жизни» фокусировал маяки «Уходящих моментов», пытаясь удержать тот самый неповторимый судьбоносный Миг: Миг «Улыбки», Миг «Красоты», Миг «Надежды», Миг «Любви»...

Его Маяк «Души» издавал вспышки огненно-сигнального тепла для каждого путника, который хотел найти свой непрерывно световой Миг.

Миг «Времени» беспощадно летит, разбрасывая тлеющие угольки Маяка «Души» на ветру, оставляя пепельный путь «Воспоминаний»...

ЗАБЫТЫЙ СТРАННИК

Карнавал Души закончен... Мне надоело играть пустую роль... Отдаю маску случайному прохожему, обнажая Душу... Становлюсь уязвимой... Начало ничего не значит... Развязку знаю наизусть, как строки из любимой песни, но все равно иду у желаний на поводу...

Пытаюсь приклеить осенние Листья-Счастья, надеясь согреть обнаженную Душу... Бесполезно... Листья-Чувства настолько лживые, что приносят не осеннее тепло, а ледяную зиму иллюзий.

Нельзя притворяться, что любишь, ничего не чувствуя! Взяв кредит у Вселенной, попадаешь в долговую яму «Чужой Боли». Теперь ты просто Забытый Странник, потерявшейся во времени дорог...

ХРУСТАЛЬНЫЙ ДВОРЕЦ

Хочешь — молчи, хочешь — кричи... вдребезги «Хрустальный Дворец»...

Ее больше нет для тебя... впрочем, никогда и не было... Это был просто осознанный Сон... Реальность ничего не значила... Календарь смешал числа между мирами «До», «После» и «Никогда».

Прошлогодний снег еще лежит, здесь все из ледяного хрусталя... Одно неосто-

рожное движение, и она исчезнет... Для нее ты просто незваный гость... Зачем ты нарисовал Зимнюю Сказку в Летнем Сне? Ты же знаешь, что тепло губит... С рассветом меркнет блеск ее одиноких хрустально-синих глаз... Время разделилось... Вместе и врозь... Сон смешался. Зима и Лето. В воздухе еще пахнут осколки сомнений...

Хочешь — молчи, хочешь — кричи... вдребезги «Хрустальный Дворец»... Ее больше нет для тебя... впрочем, никогда и не было... В этом Сне больше нечего ловить!

ЗАБЛУДШАЯ ДУША

Строила пирамиду своего величия, а возвела Китайскую стену ненависти и призрения. Пыталась открыть шкатулку своей уникальности, а выпустила Дремлющего Змея гордости и подлости. Хотела подружиться с королевой своей совести, но стражи обмана не впустили тебя в ее покои. Теперь ты бродишь по замку иллюзий Пустых Душ и не можешь найти оболочку своего настоящего Я. Все оказалось миражом сознания, кроме тебя. Да и ты оказалась миражом для других, словно ветер — ты есть, но тебя не видно, только отпечаток твоей печали разносится по коридорам Заблудших Душ, которые, как и ты, однажды пытались сделать свой Мир лучше. Жаль, что теперь ты стала невидимкой своей чаши правоты, которая пугает своей правильной граненой отточкой.

КАРТИНА ЖИЗНИ

Картина твоей Жизни, написанная неизвестным художником, размылась, чистые краски линии судьбы смешались, полотно стало хаосом...

Как странно смотреть на отклики бытия и понимать, что твоя картина Жизни написана кистью чужой мечты, что дорога, по которой ты ступала своими уверенными шагами, уложена не твоей мозаикой, что сорванные цветы в твоих руках издают чужой аромат, что раны твоей души всего лишь прихоть маэстро...

Как странно осознавать, что именно ты позволила написать чужаку такую картину, а еще более странно осознавать, что это твои решения дождя размыли ее замысел, поселив в ней хаос цветовой гаммы...

БОЛОТО

Потеря за потерей — болото Чертей, их логово скрыто в моей светлой Душе. Я тону в трясине из горести мук, в правой руке кувшинка разлук, в левой — хрустальный бокал, наполненный горьким вином. Глоток за глотком — и жажда сильней, дурманит сознание нежный цветок, и жгут ладонь слезы росы, оставляя ожоги внутри оболочки моей когда-то счастливой детской мечты.

Смеялась, кружилась вместе с Чертями и пила... пила вино Королевского Ада, подаваемое в их ресторане. На сцене Пекла выступала перед свитой Чертей, которые меня забросали цветами предстоящих заблудших дорог. Как же выбраться из этой грязи? «Нужно играть... играть по их правилам...» — рядом стоящий сказал...

Кувшинка завяла... Бокал стал пустым... Я выиграла партию в домино у Чертей!

НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Глубоко под самое сердце крадется маленькая серая неизвестность, окутывая туманным одеялом своей необыкновенно длинной пропасти...

Страшно думать... Страшно смотреть... Да и не думать, а надумывать; да и не смотреть, а всматриваться...

Как часто, живя в неизвестности своего сознания, пропитанного живыми клетками Вселенского разума, принимаешь образ надуманного, отказываясь от простора реального путешествия по мраморной лестницы, ведущей к Небесному счастью...

СЛИШКОМ ПОЗДНО...

Прохлопала Счастье ресницами... Прошла сквозь паутину ловушек, не оставив даже дырочки своего контура в липких узорах, сплетенных так прочно Судьбой.

Прошлепала Счастье ногами... Перепрыгнула через лужу признания, не оставив мокрого следа на свежем асфальте истории Дороги Мук.

Стерла Счастье руками... Превратив его в порошок «Гордости, Сомнений, Отчаяния».

А когда опомнилась... было уже слишком поздно... Партия вышла в продажу...

КАЗАЛОСЬ...

Стояла на границе предрассветной мечты, тянула ладошки к радушным крупицам еще не изведанной пыльцы, хотела почувствовать сладкий вкус космической глади и тепло Вселенской заботы...

Казалось, еще одна грань моих тревог растворилась в золотистых частицах небесного дождя, казалось, что тепло мерцающего света растопит холодную льдинку одинокой души, казалось, что звездный парусник увезет от надуманных странных мыслей...

Казалось... А оказалось, что через слезинку горести приходит море побед, но твоим кораблем должен управлять мудрый, стойкий Морской Волк, который сумеет в шторм остаться на плаву...

ОСТАНОВИСЬ!

Еще одна шлюпка обмана спущена с корабля твоей мнимой Любви.

Еще один воздушный змей Сомнений отпущен в далекое плавание.

Еще одна карта сокровищ разбитых сердец спрятана в сундук твоей Детской Шалости.

Еще один миф Страха придуман чужими словами твоих загадочных снов.

Еще последний Дракон твоей Совести борется с твоим наивным желанием быть... Быть верной своей придуманной сказке.

Остановись! Хватит! Хватит рисовать слезами радугу счастливой дороги.

Остановись! Подумай! Подумай, сможешь ли босиком пройти по раскаленному Солнцу Любви.

Остановись! Посмотри! Посмотри, нужно ли пить Живую воду из колодца его желаний.

Остановись! Решай! Решай сейчас! Сможешь ли переплыть море сомнений и выжить на острове чужих Миражей?

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

Тишина... Нет шепота... Нет сплетения тепла... Нет мнимого воздуха...

Шум... Ты слышишь??? Это гордое одиночество, как черный кот, врывается через двери твоей запутавшейся души.

Не впускай... Борись... Слышишь??? Держись за ниточки несбывшейся мечты... Тяжело??? Потерпи!!! Теперь ты знаешь, что означила зебра в твоем холодном отражении жизни. Допрыгалась??? Оступилась! И что дальше? Посмотри, ведь это была не зебра, это шахматная доска ЛИНИИ ЖИЗНИ, висящая над пропастью твоей глупости. Смейся! Смейся! Ведь смешно осознавать, что ты всего лишь пешка, которая мешает чьей-то игре Жизни...

Тишина... Нет шепота... Нет сплетения тепла... Нет мнимого воздуха... Только шахматная доска ЛИНИИ ЖИЗНИ продолжает играть с твоим отчаянием, рисуя новые квадратики ложной победы...

ЕЩЕ ВЧЕРА...

18.01.08 М***

Еще вчера ты знала, что она есть... Еще вчера надежда пульсировала по капиллярам твой мольбы, еще вчера ты знала расклад карт судьбы, отчаянно пытаясь изменить их задуманный ход. Еще вчера ты верила, что завтра не наступит никогда, будет только вчера. Еще вчера ты купалась в ее ароматных белых лепестках душистых роз заботы и любви и верила в жизнь... Еще вчера ты водила ее судьбу по лабиринту, пытаясь выиграть время и запутать ход событий. Еще вчера ты лазила по облакам неба, пытаясь остановить маятник часов разлуки. Еще вчера ты знала, что она есть... и ее душа чистая и необыкновенно добрая водила тебя по Раю белых роз.

А сегодня? А сегодня уже завтра и ее нет... Только отклики теплого вчера...

РЕАЛЬНОСТЬ

П***

В его кристально-чистых ладонях еще тлели кусочки прошлого, по щекам стекали слезы настоящего, падая на жаркие угольки реальности, пытались затушить боль. Бесполезно... Прошлое желало вмешаться в настоящее. Стрелка будущего дала сбой... она остановилась. Время потеряло счет.

Теперь уже не важно, где прошлое, настоящее или будущее. Реальность находилась там, где были его мысли. Он не мог поверить в то, что времени не существует, что нет граней, разделяющих день и ночь, утро и вечер, сегодня и завтра, час и минуту... Есть только СЕЙЧАС и ОН. Все, во что он верил когда-то, оказалось бессмысленным и никому не нужно. Он кричал: «Так жить нельзя!» А кто сказал ему, что его жизнь ничего не стоит? Кто диктовал правила его игры в ЖИЗНЬ?

Он... Он сам был хозяином своего времени. Выбор сделан, он сделал обдуманный шаг... Теперь нет прошлого, настоящего и будущего. Есть только ОН и его РЕАЛЬНОСТЬ...

ДАВАЙ!

Давай разбудим рассвет своими жаркими поцелуями! Давай сломаем стереотипы никому не нужных ворот сомнений! Давай не будем думать о том, что бывает завтра, а просто нарисуем сегодняшнюю картину нашей глупости! Нет, не глупости! Ведь то, что ты, мы называем ГЛУПОСТЬЮ — всего лишь отражение наших внутренних желаний, спрятавшихся за дверкой осуждений!

Давай сорвем приклеившиеся Маски нашего первого столкновения душ. Я же знаю, что Я — это не Я, а ТЫ — это не ТЫ! МЫ — это зазеркалье нашего кривого отражения! Я — это Маска твоего сознания, а ТЫ — это Маска моего желания! Хватит быть ТЕНЬЮ МАСОК чужих мечтаний! Стань РЕАЛЬНОСТЬЮ своих бредовых снов.

Давай украдем написанные ноты из тетради наших Разных Дорог и сыграем чистую мелодию нашей Музыки Жизни. Давай станцуем первый Танец одинаковых желаний. Давай, не будем делить ТВОЕ и МОЕ, а растворимся в потоке НАШИХ недосказанных объятий! Давай сделаем ставки сердец... Ведь ЖИЗНЬ — КАЗИНО... ВСЕ или НИЧЕГО...

БЫТЬ...

Когда Солнце Надежды затмило Луну Сомнений и стало хозяином души-неба, полились горькие капли дождя Веры, пытавшиеся вдохнуть жизнь в засохшее растение Счастья, которое опустило свои крылатые лепестки и тихо ожидало прихода конца ее никому не известной жизни. С каждым вдохом свежего наплыва ветра становилось легче осознавать свою значимость... Значимость жить и бороться... Бороться за свою Жизнь!

Вдруг ей захотелось подняться ввысь и посмотреть с высоты птичьего полета на этот неизвестный мир, который, казалось, уже спит в своем городе Неизвестных Дорог. Но за столько лет ее корни так приросли к боязни нового, что освободиться от оков прошлого казалось невозможным! Но только не для нее! Теперь ее тенистая душа была наполнена решимостью и желанием рассказать всем, что она ЕСТЬ СЕЙЧАС. Что завтра может и не быть! Что это ее неизведанная дорога, и учить ее выбирать направление за нее никто не имеет права!

Она знала, кто она ЕСТЬ! Она вспомнила, что значит смеяться просто так, не прячась за вуалью чужих законов и запретов! Она поняла, что не стоит держаться за призрачный Мир взглядов... Нужно быть... Быть сейчас... Быть собой...

ВИДЕНИЕ

Делаешь медленные шаги... Раз... два... три... В твоих глазках отражаются отблески Госпожи Идеи... Обдумываешь... Подходишь к цели, нет... скорее доползаешь на животе своих верных решений. Не сомневаешься в правильности выбранного направления! Виват! Вот ОНО! А когда становишься на твердые ноги своей правоты, ослепленный разноцветными лучами призрачного тумана, делаешь последний шаг...

Легкий полет... Твое тело пронизывает дрожь планов, чертежей. Твой мозг ищет правильные ответы, которые мелькают в потайных щелях нервных окончаний. Ты не думаешь, есть ли внизу земля, ты просто паришь в своих воспоминаниях, нет боли, нет радости... Только холодные расчеты твоих бессонных ночей...

Удар... Приземление... Что это было? А где же крылья моих доказательств? Сколько раз они спасали меня от линии горизонта моей мечты, за которой была пропасть?! Я даже и не заметила, как их унесли ангелы моего упрямства! А как же выбраться?

Боль... Холод... Нет сил... Они остались висеть наверху обрыва пропасти.

Сколько я здесь? Не помню... Чувствую тепло... Играю с солнечным зайчиком чьей-то веры в мою Госпожу Идею...

Ветер... Я снова вижу лучи призрачного тумана... Шаг вперед еще не сделан... Я знаю... Я здесь была уже сегодня...

ИМПЕРИЯ

Танцуй! Танцуй в разноцветных лепестках своих желаний! И Пой! Пой песню колыбели своего рассвета! Смотри! Смотри, здесь ты обещала быть больше, чем там, где тебя нет.

Сегодня в Империи Призраков ты — почетная гостья! Не думай, здесь тебя видят насквозь! Не бойся, темнота всего лишь пугает поначалу! Не рассматривай их, они такие, как и ты, просто они свободны от людской ненависти.

Кружись под куполом свободной Любви. Здесь позволено выбирать светлую или темную сторону дороги твоих шагов! Здесь нет правил, определяющих красоту пустых лиц и скрытых темных взглядов. Сейчас ты свободна, как никогда! На тебе нет мифического покрывала, скрывающего твою божественную Сущность! Никто не скажет никому, что ты здесь была такая, какая ты есть без своей Улыбки Обмана.

Лети на встречу безумных желаний и фотографируй взглядом Империю забытой в глубинах морского дна царицы детства. Плачь! Ведь сегодня позволено все! Ты нашла карту сокровищ своего далекого плавания. Сегодня ты — капитан Империи Призраков!

Встречай лучи первого желания своего Я и растворись в преддверьях призрачного рассвета замка своей Души... Тебя больше, чем нет. Тебя меньше, чем там, где ты есть...

Николай Василевский
(г. Минск, Белоруссия)

ЦЕНТР МИРА

Родился в Минске. Закончил БГУ по специальности журналист. Работал по профессии. В 2007 году вступил в Беллитсоюз «Полоцкая ветвь». Есть ряд публикаций в периодических изданиях. В частности — в журнале «Западная Двина». Автор книг: «Вы принадлежите мне», «У любви — извилисты прямые», «Сага о козлах», «Солнечный чай», «Свет оставляют немногие», «Свист со вкусом апельсинок». Участник ряда коллективных сборников, альманахов, антологии. За веселость нрава, пишет юморески, в Украине Николая Василевского называют белорусским Жванецким. Есть переводы на украинский язык. Самый большой — повесть «Сага о козлах, или повесть о настоящем мужчине». Актер театра «ЛитоСфера».

Я знаю это. Абсолютно точно. Именно здесь. Именно в этом месте, в городе М, на улице Калиновского, названной по фамилии великого борца за свободу, в доме номер 73, корпус один, квартире двадцать один, центр мира. Раньше здесь, напротив моего окна, стояло два тополя. Один старый, другой относительно молодой, посаженный лет десять назад. Но неделю назад во время страшной июльской бури старший тополь сломало ветром, он упал прямо на улицу, где обычно бегали дети. Потом приехали рабочие и убрали его. Впрочем, я ни о чем не жалею, скамейку стало видно больше. Я еще помню, как она стояла с облупившейся краской и сломанной, полусгнившей посередине доской. Но второго апреля, как раз после праздника смеха, будто в насмешку, пришли рабочие. Починили ее и покрасили в празднично-торжественный цвет. И заново родившаяся скамейка просто преобразила мир. Тут сразу же стали собираться мои друзья. Может не друзья, но молодые и не очень мужчины стали постоянно собираться ближе к вечеру, выпивать и громко разговаривать. Иногда они обращали внимание на меня, и кричали: Вадим, Вадим!

Да, меня зовут Вадим Хохловский. Я всегда сижу у этого окна и смотрю на окружающий мир. Он очень интересный и необычный! Каждый день не похож на другие! Один вбегает счастливый, будто выиграл лотерейный билет, другой, тяжело и понуро, с монотонно звучащими каплями дождя, заползает, рождая тысячи... нет, тут я переборщил множеством недовольных и озабоченных лиц. Но кто-то радостен, несмотря на погоду, с улыбкой и гордо выпрямившись, распахнув парусом грудь, идет вперед, а кто-то даже в солнечный день, укутанный пеньем утренних птиц, идет с изгрызенным мрачно-задумчивым лицом, как некая игрушка, один раз и навсегда заведенная и у которой только один коридор — тоска! Каждый день тут происходит что-то неожиданное и необыкновенное. Именно поэтому я всегда сижу в удобном кресле у окна. Я не могу ходить, врачи говорят, что это редкое заболевание и медицина бессильна. Что-то непонятное в моей голове не дает мне двигаться. Однажды я подслушал, притворился спящим, врач говорил маме, что мои извилины атрофируются, распрямляются, и вскоре я совсем стану дебилом. Но это не правда! Я мыслю!

Я очень много мыслю! Я очень много думаю и умею! Я даже ушами могу шевелить! Правда, ходить... здесь он прав. Не могу. Но ведь это не главное! Главное, что я чувствую, что живу полноценной жизнью, и даже лучше многих! Ничего и ничто не ускользает от моего взгляда! Зимой, когда идет снег, люди кутаются в шубы, весной поют птицы и большая ветка яблони рядом с окном зацветает множеством белых цветочков. Я насчитал сто двадцать семь. Хотя, может их больше. Это повторяется из года в год, но мне всегда интересно, как набухают почки, потом появляются цветы, потом яблоки!

Однажды какой-то парень начал трясти ее, и я попытался его остановить. Жаль, что с речью у меня не все в порядке, и иногда вместо слов у меня вырывается только мычание. Но парень меня понял и убежал. Обозвал нехорошим словом и убежал. Но я не огорчился. Есть такая вещь, что всегда поддерживала меня. Даже когда приходили врачи и говорили, что жить мне останется полгода, что я совсем стану дурным.

Когда с нами жил папа, он сказал: «Сынок, здесь находится центр мира».

— А что такое центр мира? — спросил я.

— Это...— он тогда задумался,— такое замечательное место, где всем и всегда будет хорошо. Это самое важное место в мире. Это место, где живешь ты. Только верь, что ты солнце, которое всем подарит тепло, радость и свет! Дари! Тогда здесь всегда будет свет, радость. Это место самое важное!

Тогда я еще бегал на своих ногах и хорошо говорил, но этого я уже не помню. Потом... Потом все изменилось. Мы с отцом переходили дорогу, папа отвлекся, я побежал вперед, мне так хотелось его обогнать и первым добежать до другой стороны дороги. Но... я помню, как завизжали тормоза. Меня ударила машина... и с тех пор я не хожу. Я очень испугался. С тех пор я сижу здесь. У окна. Мне шестнадцать. Я почти не могу говорить. Передвигаюсь с маминой помощью в инвалидной коляске. Но я думаю, что живу хорошо, ведь я живу в Центре мира! А папа сказал, что здесь живут счастливые люди! И я всегда помню об этом и очень счастлив! А это главное.

С прошлого года, почти сразу как починили скамейку, в нашем подъезде поселилась соседка Катя. С родителями. Девочка. Ей тоже шестнадцать. Она очень красиво одевается и очень гордая. Постоянно любуется собой. Однажды я увидел, как она вышла из подъезда, это было этой весной, как только солнышко стало выглядывать и растаяли снега, достала из своей бардовой сумочки зеркальце и стала рассматривать себя. Меня она не заметила, и, наверное, поэтому стала подкрашивать губы. А потом... потом она увидала меня. Вначале смутилась, а потом показала язык. И я ей тоже показал язык. Пусть знает, что я тоже не лыком шит! Она рассмеялась таким звонким смехом, что я подумал, что с голосом у нее что-то не так, но этого не сказал. Она же кинула зеркальце в сумочку и пошла довольная. Теперь она, постоянно выходя по утрам, оглядывается. Вначале она показывала язык, а я ей в ответ, а потом она стала улыбаться и махать доброжелательно мне рукой. Я не знаю, когда это произошло, но каждый день она выходит из подъезда и машет мне рукой, или показывает язык. Или корчит рожицы, а я ей улыбаюсь и тоже показываю язык! Однажды утро было дождливым, я проспал. Она ушла и не помахала мне рукой. И даже в обед, примерно около двух часов, она возвращалась из школы, я ее не увидел. Мама уехала далеко. На базар. За покупками. И от этого мне было особенно грустно. Даже борщ, что приготовила мама, есть не хотелось. Я попросил маму, чтобы она сажала меня к окну пораньше. Мама некоторое время злилась, мол, надо спать еще, но потом согласилась. Оказалось, что я очень многое пропускаю: я выяснил, что у соседа Петра Петровича, несколько полноватого, низенького с лысинкой мужчины, есть собака и каждое утро он выгуливает ее. Вообще мама у меня очень хорошая и добрая. Только иногда злится. Как-то она видимо думала, что я не слышу. Она говорила с кем-то по телефону, что ее сын, то есть я, очень болен и что мне хуже день ото дня. Что я становлюсь все глупее и глупее. Но я знаю, что это совсем не так. Она просто не видит

ничего хорошего в жизни. Вокруг так много интересного! Это нужно только увидеть! Жизнь похожа на храм, в котором ты сам себе зодчий и от тебя зависит, какими картинами ты распишешь его. А еще у мамы сидит внутри злой зубной техник... точнее, врач. Когда я о чем-то ее прошу, она кривится как от сильной зубной боли или плачется кому-то по телефону, как ей тяжело, и как она устала от всего этого... чего этого — она обычно не говорит. Но это было раньше. Теперь она уже не скрывает своей неприязни ко мне, говорит, что ее сын, то есть я, дурак и дебил. Но она сама дура! Зачем кому-то говорить обо мне такие обидные слова?!!! А один раз даже сказала, что лучше бы меня тогда задавило. И у них, у папы с мамой, было бы все хорошо. Она родила бы другого мальчика, и он бы только радовал ее. Но я так не думаю.

Я — лучше!

Я самый замечательный сын на свете!

Я помню, что сказал папа. Дари свет! И я делаю это.

Я — свет и радость!

Я очень люблю свою маму. Люблю несмотря ни на что. Даже когда она ругается. Раньше мы даже с ней играли в интересную игру. Я говорил ей: Люлю. И она повторяла это. Всего одна пропущенная буковка в люблю. Но в этом что-то было. И так, пока нам не надоедало. Не знаю, почему и когда мы перестали играть в эту игру. Что-то сломалось. Мама стала другая, какая-то злая и озабоченная. Как-то она сказала, что если б знала, то сама зарыла бы меня в землю. А ночью мне приснился страшный сон, будто мама кинула меня в яму и засыпала землей. Потом появилась еще одна мама, и они стали лопатами засыпать меня. Но дело двигалось медленно, и появилось еще несколько мам, и они стали сыпать на меня землю. И тогда я закричал. Я проснулся, а рядом была мама. Она включила свет и сказала, что все хорошо. Что все будет в порядке. Я успокоился и уснул.

А еще у меня есть друг — Димон. Он приходит ко мне в гости, и мы играем в шашки. Но на самом деле больше просто болтаем. Точнее он болтает, а я просто киваю ему в ответ головой. Мол, все понятно. Но наша излюбленная тема — Центр мира. Когда я был маленьким, папа сказал, что где я, там и Центр мира. И даже перекрестился в доказательство. Но я бы ему и так поверил, ведь он — мой папа. Теперь я всем говорю, что здесь, в городе М, центр мира. Только мама говорит, что это неправда. Мираж. А когда узнала, что это сказал папа, то обозвала его сказочником. А потом сказала, что он подлец и дурак. Но больше всего дурак. И я тоже такой же дурак, как и папа! Но я-то знаю, что это не так. Папа прав. Я знаю это абсолютно точно! Даже когда мы до хрипоты спорим с Димоном. Дима говорит, что центр мира где-то в Европе, на каком-то холме. Это, мол, вычислили все эти... как их... которые карты рисуют. Но я говорю, что, если папа сказал, Центр мира тут, значит так все и есть.

— Центр мира там, где я есть! — снова и снова утверждаю я, и он сдается. Обычно проспорив, он начинает собираться по делам. Куда он идет? Ведь здесь центр мира и все самое важное происходит здесь! Здесь! Однажды я увидел, как он выходил с Катей из подъезда, и в тот раз Катя мне не помахала рукой. Мне было в тот день особенно грустно. Только я понимал, что сделать ничего не могу. В следующий раз он пришел и по секрету рассказал, что целовался с очень классной девчонкой. Супер ДеФФФФчонкой. Именно так, с большим фырчанием, он говорил обо всех девочках. Он уже с несколькими целовался. Только потом, как самый крутой парень в школе, их бросал. Они оказывались или слишком глупыми, или слишком умными, или толстыми, или наоборот худышШШШШками, как он говорил. А ему, настоящему мачо, нужна настоящая девушка с... он тогда оглянулся, нет ли поблизости моей мамы, и прошептал такие слова, что я невольно покраснел. Да, ему можно было только позавидовать.

Я тогда прямо спросил:

— Ты целовался с Катей?

Он тогда гордо расправил свою грудь, достал свою деревянную расческу из настоящего дуба, с какими-то знаками, приносящими удачу, и стал расчесываться. Он всегда так делает, когда волнуется. Немного помедлив, он наконец-то выдавил:

— А ты как думаешь?!

Хвастаться он мастак. Только я думаю, что на этот раз он говорит правду. Только мне нужен громоотвод. Его слова — как неожиданность в небе. И тут его прорывает, мамы как раз не было дома, и он как глашатай провозглашает аксиомы.

— Все девушки готовы бегать за мной! У меня мышцы! — он показывает мне свои могучие бицепсы. Девушки любят парней с бицепсами! Мне становится грустно. Только не от того, что он гуляет с Катей, просто такие парни, вроде его, лишь красивое приложение к девушке. Девушки любят все эффектное! Генералиссимуса средь других подростковых тел, с которым бы они смотрелись великолепно, и все остальные девушки завидовали им. Но надолго ли? Будут ли они гулять с ними или им нужен кто-то еще кроме этой груды мышц? Дима горд и самоуверен. Сказать ему это... я просто не хочу терять друга. Правда в моем случае может оказаться роковой.

Дима пришел на следующей неделе грустный. Он увидел, как она разговаривала с Петькой из десятого «Б». И это трагедия. Для нее! К нему клеится Татьяна, Лена, а еще... и он не намерен терпеть Катины выходки.

— Тебе хорошо,— говорит он мне,— никаких переживаний. Сиди себе и ешь! Смотри в окошечко! Никто ничего не требует. Никаких страстей! А я... страдаю.

Я сочувствую своему другу, я сочувствую Кате. Я видел, как она выходила в последний раз из подъезда и даже не остановилась, не оглянулась назад. Я понимаю ее. Я понимаю его. Мне очень грустно, что мои друзья не могут найти общего языка.

А сегодня пришла мама очень расстроенная. Три часа назад она пошла в магазин, и только вернулась. Принесла пакет молока и две пачки печенья. Молоко она выпила почти все сама. Чтобы, как она сказала, успокоить нервы. Потом спохватилась, я не кормленный, и разогрела в микроволновке кашу. Покормила. Потом взяла телефон и стала с кем-то разговаривать. Она говорила так громко, что слышно было даже здесь. Потом она пришла в комнату и стала говорить: ну и ладно, ну и черт с тобой, раз ты такой... все кончено! Посмотрела на меня и сказала:

— Хорошо, что ты такой больной, и не вырастешь таким козлом и подлецом.

Потом ушла в другую комнату, налила в бокал коньяк, он у нее всегда есть, и стала с кем-то говорить.

Она часто ругает. Сильно ругает мужчин. Они все время у нее в чем-то виноваты. Они не делают то, что она хочет. Они не делают, так как надо делать. А ведь она знает, что надо делать; она говорит им, а они все равно пытаются делать по-своему. Неправильно!!! А раз они такие, значит пусть идут в баню!

Сегодня она ругает мужчин особенно сильно. Она знает, что и как делать, а мужчины нет. Она перечисляет его, Ивана, недостатки с точностью опытного статиста с эмоциональными нитками недовольства. Только сегодня мама не посылает его куда-нибудь. Ни далеко, ни близко, ни в плохое место. Она говорит, что в нем что-то есть. А потом удивляется: и как все плохое уживается, где есть такое хорошее? Она сегодня буянит особенно сильно. Она ругает его! Она обвиняет его во всех недостатках и грехах!

— Он считает, что пуп земли! Пуп, ты понимаешь? — кричит она в трубку,— но он совершенно не такой! Он просто человек! Длжен вокруг меня вертеться,как планеты вокруг солнца! Я центр вселенной для него! А он...

Я слышу, как она плачет.

Я думаю, что моя мама влюбилась. Человеческая душа попадает в бурьян периодически. Иногда она просто хочет быстрее выбраться оттуда. Но иногда готова выкорчевать сто сорняков ради одного цветка.

Я знаю это. Абсолютно точно.

Наступил новый день. Без радости. Без ставшего привычным для меня энтузиазма. Катя сегодня вышла из подъезда и не оглянулась. Это странно. Она всегда такая радостная и веселая. Только сегодня кто-то повесил ей гири на ноги. Зато пришел довольный Димон.

— Я расстался с Катей — навсегда!

Он играет бицепсами перед нашим большим зеркалом. Говорит, что закрутит с Леной, она не такая самовлюбленная и гордая, как Катя! Жизнь становится все интереснее и интереснее. Жизнь сложная штука и в ней сложно разобраться. Я не знаю, что произошло у них с Катей, но мне от этого становится грустно. Очень грустно. Меня уже не радует свет солнца и пение птиц. Я не понимаю, что со мной происходит.

Сегодня я проснулся с очень неприятным чувством. Попросил маму посадить меня к окну. На дворе что-то происходит. И что-то очень нехорошее. Возле нашего подъезда много людей. Все хмурые и недовольные.

— Это умерла наша соседка,— поясняет мне мама.— Катя Шаропаева. У нее остановилось сердце.

— Как это умерла? — переспрашиваю я.

Мама сегодня на диво терпелива. Она объясняет:

— Теперь Катя не будет дышать и ходить.

Значит, она больше не будет ходить возле моего окна? —переспрашиваю я растерянно.

— Да, смерть — это плохо,— поясняет мне она.— Говорят, любовь у нее была. Несчастная. Она наглоталась таблеток, и сердце ее остановилось.

Мне становится неуютно.

Мама говорит, что ей некогда, у нее за этими разговорами выкипит борщ, а меня надо кормить. Она уходит, оставляя меня с моими мыслями. Мне от них становится очень больно. И как-то самому защемляет сердце. Я очень не хочу, чтобы Катя умирала. Я хочу, чтобы она, как всегда, выходила из подъезда и, улыбаясь мне, махала рукой! А потом убегала куда-то по делам. Девичьим. Мне от этого очень грустно, потому что уходят все, кого я очень люблю. Первым был папа. Мама сказала, что он ушел к другой женщине, бросив нас, и для нас он уже умер. Теперь он живет с другой... только я как-то не понимаю, как это он умер и одновременно живет?

Тут заиграла музыка, и я снова выглянул в окно. Из подъезда вынесли деревянный ящик, в котором лежала Катя. И вдруг мне стало так горько... в моей голове все помутилось, и в глазах побежали солнечные зайчики. Как тогда, когда Димон взял зеркальце и стал пускать солнечные зайчики мне в лицо. Так мы и познакомились. Потом подружились. Но сейчас... сейчас я очень не хотел, чтобы Катя умирала. И я встал. Мама запрещает мне вставать. Потому что, когда делаю шаг, я падаю, но я почему-то в этот раз встал и пошел. Открыл входную дверь, мы живем на первом этаже, и вышел. Я шел, и люди расступались предо мной. Катю уже хотели в этом ящике поставить на машину, но я закричал:

— Нет!!!

Все оглянулись на меня.

Я сказал, что хочу посмотреть.

Какая-то женщина в черном платке как-то странно посмотрела на меня. Но мужчина, среди которых был мой друг Василий, который пьет с друзьями и махает мне руками, молвил:

— Надо поставить.

И все мужчины, что его держали, опустили ящик прямо на асфальт. Мокрый асфальт после вчерашнего дождика.

И все, кто был, я их ощущал всех и сразу, все смятение растерянность, боль и удивление, и тоску, скорей бы все это закончилось, уставились на меня.

Она была очень красивая. Катя сложила руки на груди и не шевелилась. Лицо ее было чистым и очень спокойным. И тогда я согнулся и дотронулся до нее.

— Встань, я хочу, чтобы ты жила.

Женщина, что была в черном платке, заплакала:

— Мертвые никогда не встают.

И тут все закричали, и поднялся невообразимый шум. Я понял, что что-то изменилось, и посмотрел на Катю. Катя сидела в ящике, и глупо хлопала глазами. Они мне всегда нравились. Они были большие, и с длинными черными ресницами. Потом Катя встала и стала растерянно оглядываться. Люди размахивали руками, плакали, смеялись. Маленький и толстенький сосед, который гулял с собакой, прошептал: «доченька» и упал. А женщина в черном платке стала бить его по щекам, пока он снова не открыл глаза, которыми он стал хлопать также, как Катя.

И тогда я снова посмотрел на Катю, растерянно оглядывавшуюся вокруг и, протянув руку, сказал:

— Здравствуйте!

Она как-то глупо улыбнулась, протянула мне руку и сказала:

— Здравствуй, Вадим!

И тогда тетка в черном платке упала на землю, и этот толстый, лысый дядька, что гуляет с собакой, стал бить ее по щекам, пока она не открыла глаза. Но мне это было уже не интересно. Я задал Кате вопрос, который мучил меня столько лет.

— Ты знаешь, что именно здесь находится Центр Мира?

Она как-то очень серьезно посмотрела на меня и сказала:

— Да. Это верно.

И я подумал, что она меня очень любит, если согласна. И она тоже Центр мира. Во мне... Как я в ней. Для всех.

Она любит меня. Я знаю это. Абсолютно точно.

Мы центр мира.

Надежда Тухто
(г. Полоцк, Белоруссия)

МАТЕРИНСТВО ПО ЗАКАЗУ, ИЛИ СЧАСТЛИВОЕ НЕСЧАСТЬЕ

Родилась в г. Полоцке (Витебская обл.) в 1948 году. Образование среднее специальное. Печаталась в поэтических сборниках: «Премьера» (2013), «Здравствуй, муза!» (2015), «Берега» (2017), в антологии «Город любви и надежд» (2012) и других. Финалист международных литературных фестивалей «Славянская лира — 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020». Живет в Полоцке (Белоруссия). Состоит в Беллитсоюзе «Полоцкая ветвь».

I

Весна уверенно вступала в свои права. За окном звонкой капелью плакали сосульки. Яркие лучи солнца заливали палату и отражались в зеркале. Солнечные зайчики рисовали на стенах причудливые узоры. И хотя был обычный рабочий день, настроение Ольги было такое же радостное и светлое. Наконец ее жизнь потекла по ровному руслу. И от этого на сердце было спокойно и уютно. Она заканчивала уборку, когда услышала голос из коридора:

— Ольга Ивановна, Вас вызывают на пост.

Ольга торопливо взяла швабру и ведро, отнесла в бытовую комнату. Затем сняла резиновые перчатки и стала мыть руки. От перчаток и воды кожа на руках стала морщинистая, как у старухи. На какое-то мгновение ей стало жаль себя. Когда-то давно в институте она считалась подающей надежды студенткой. Но все это было в прошлом. Вот уже больше двадцати лет она работает простой санитаркой в кардиологическом центре.

Ольга настолько привыкла к своему отделению, что стала считать его своим домом. И это была правда. Медперсонал менялся, только у нее не возникало мысли оставить работу.

Молодежь шутила по этому поводу: мол, тетя Оля прописку в отделении получила. На посту ее ожидала дежурная медсестра. Она торопливо махала рукой.

— Оля! Надо срочно принести электрокардиограммы больных. Зав. отделением ждет. Говорят, важная особа поступила.

— Хорошо, Наталья Петровна, сейчас сбегаю,— ответила Ольга давней приятельнице.

Она спустилась на первый этаж. Быстрой и легкой походкой вошла в кабинет ЭКГ. Доктор, мужчина преклонных лет, как всегда расплылся в улыбке. Ольга взяла электрокардиограммы и машинально просмотрела фамилии. И вдруг ее как будто током ударило. Она побледнела. В висках застучали молоточки. Не помня себя, Ольга вышла из кабинета. А перед глазами до боли знакомая фамилия, которая перевернула всю ее жизнь. Принесла в ее дом счастье и несчастье одновременно.

Вторую половину смены она работала машинально, как робот. Обычная, приветливая улыбка исчезла, а лицо превратилось в застывшую маску.

— Что случилось, Ольга? Что-то с Мартой? — спросила подруга.

Но Ольга только рукой махнула. Домой ехали молча. Наталья была не только подругой, но и соседкой по площадке. Это она помогла Ольге устроиться в клинику. Уже у самой двери Наталья снова попыталась узнать причину внезапной перемены в подруге. Но услышала в ответ:

— Не сейчас!

Это было странно, не свойственно характеру Ольги. За многие годы Наталья хорошо изучила подругу. В самые трудные моменты жизни Ольга всегда бежала к ней за поддержкой. Значит, случилось что-то из ряда вон выходящее. Надо ждать.

II

Открыв дверь, Ольга, не раздеваясь, опустилась на стул.

— Как же это так? Почему судьба снова свела нас? — думала она.

Прошли годы. Обида уже притупилась. И вдруг все, как тогда, много лет назад, острой болью прожгло ее сердце.

Из комнаты доносилась тихая музыка.

— Надо взять себя в руки,— подумала Ольга.

Ее девочка была дома. Марту, свою дочь, она всегда называла «моя девочка». Ольга произносила эти слова с такой нежностью, что ни у кого не возникало вопроса: почему девочка, а не доченька?

Она быстро сняла пальто, прошла в комнату. Марта сидела за столом и писала конспект. Ее острые лопатки, как у подростка, торчали из-под халатика. На глаза Ольги навернулись слезы. Она не понимала, от чего больше: от жалости к своей девочке или от счастья. Подойдя к Марте, обняла ее худенькие плечи и поцеловала в затылок.

— Сейчас будем ужинать,— тихо сказала Ольга. Марта кивнула головой, не отрывая глаз от учебника.

За ужином Марта обычно щебетала. Она всегда делилась с ней своими институтскими новостями. И как бы невзначай сказала, что парень с параллельного курса оказывает всякие незначительные знаки внимания. По лицу было видно, что это ей нравится. А Ольга рассеянно подумала:

— Вот и выросла моя девочка.

Ее руки привычно выполняли домашнюю работу, а мысли были где-то далеко.

III

Ночью Ольга не могла уснуть. Перед глазами, как кадры фильма, проходила ее жизнь.

Она видела себя такой же юной, как Марта, девочкой из провинции, которая приехала поступать в институт. Все виделось в радужном цвете и вызывало неподдельный восторг. Своей искренностью она подкупала всех. На втором курсе Ольга влюбилась. Роман был на два года старше. Он тоже заметил красивую хохотушку, и они стали встречаться. Незаметно их чувство переросло в любовь.

Вскоре они стали жить вместе. Роман выбил комнату в общежитии, и они планировали после окончания учебы Романа пожениться.

Учеба давалась им легко. Стипендии плюс продукты из дома обеспечивали им безбедную жизнь студентов. Казалось, так будет всегда. Но жизнь внесла свои коррективы. Романа, как подающего надежды специалиста, отправили на стажировку за границу. Это обстоятельство на какое-то время отодвинуло замужество. Но Ольга верила в их чувства. К тому же ей надо было закончить учебу. Возможно, все так и было бы, если бы не перестройка. Наступили не самые лучшие времена. Надо было как-то выживать. Денег не хватало. В провинции было и того хуже, одни карточки. Подруги посоветовали найти подработку. И Ольге повезло. По объявлению она нашла работу в одной порядочной семье военного. Работа была не трудной, обычная, домашняя: один раз в неделю делать генеральную уборку. Деньги небольшие, но все-

таки деньги. И Ольга согласилась. Маргарита, так звали хозяйку, сначала отнеслась к ней с недоверием, но постепенно они сдружились. Как подруги делились своими сокровенными тайнами. Так Ольга узнала, что Маргарита не может выносить ребенка и очень от этого страдает. От всей души Оля жалела ее, но чем она могла ей помочь?

От Романа приходили нежные письма, и Ольга отвечала взаимностью. А Маргарита проходила курс лечения, и все шло своим чередом. Однажды Маргарита пришла домой вся в слезах. Ей поставили окончательный диагноз. Сама она родить не может, но есть шанс. Ее оплодотворенную клетку может выносить другая женщина. С того момента у Маргариты появилась мысль уговорить Ольгу. Но как сказать об этом девушке, она не знала. Мучительно искала повод на эту тему. И случай такой представился. Однажды за чаем они обсуждали статью в газете о детях-сиротах, о детях с врожденными отклонениями, которых разрешали усыновлять иностранцам. И Маргарита робко предложила Ольге стать суррогатной матерью ее ребенка. От растерянности Ольга не могла сказать и слова. Она не понимала значения слова «суррогатная», не представляла, какие могут быть последствия, и Маргарита перевела разговор в шутку, но от затеи своей не отказалась.

В беседах она старалась нащупать слабые места Ольги. Прошел год. А еще через год должен вернуться Роман. Ольга уже подыскивала съемную квартиру. Дело шло к свадьбе.

Вот этой ситуацией и воспользовалась Маргарита. Она снова повторила свое предложение, теперь уже взамен на жилье. Мол, до приезда Романа целый год, и ты успеешь родить.

Перспектива была заманчивой, только Ольга не знала, как к этому отнесется Роман. Она хотела ему написать, но Маргарита уговорила сделать сюрприз. Ведь она ему не изменяет, просто помогает людям. На добродушную Олю магическое слово «помогает» подействовало безотказно. Все трое прошли обследование. Противопоказаний ни у кого не было. Молодой, здоровый организм Ольги был готов к рождению детей. Оплодотворение прошло успешно, и Ольга стала носить в себе ребенка Маргариты. Она взяла академический отпуск, выписалась из общежития и прописалась к Соловьевым.

Был составлен документ, заверенный нотариусом, что после родов владелицей квартиры становилась Ольга. А Соловьевы собирались перевестись в другую воинскую часть. Папа-генерал обещал помочь.

Все шло как нельзя лучше. Беременность протекала хорошо. Ольгу буквально носили на руках, только во второй половине беременности незначительно повышалось давление. Но врач уверяла, что это нормально. От Романа по-прежнему приходили нежные письма, но теперь Ольга уже боялась написать ему правду. Надеялась, что все образуется. Все были счастливы и радовались как дети. Строили планы на будущее. За неделю до родов Ольгу положили в больницу. Маргарита приходила по несколько раз в день. Соседки по палате завидовали Ольге, что у нее такая заботливая сестра. Фрукты ели всем отделением. Наступило долгожданное время. И вот тут начались проблемы, о которых никто даже не подозревал. Роды были очень сложные. Ольга потеряла много крови. А девочка родилась слабенькая, с тяжелым пороком сердца.

А дальше было все как во сне. Был суд. Были слезы Маргариты. И ее истерические слова, которые до сих пор стоят в ушах:

— Я отказываюсь взять ребенка. Я не переживу, если ребенок умрет у меня на руках. И вообще, мы с мужем здоровые, и ребенок должен был родиться здоровым.

Доводы судьи о том, что порок мог быть наследственным, на нее не подействовали. По постановлению суда ребенка присудили Ольге, так как не существовало закона о суррогатном материнстве, а биологическим родителям суд постановил платить алименты. Вот так и закончилась беззаботная счастливая жизнь молодой девушки. Началась новая, совсем другая, трудная жизнь быстро повзрослевшей женщины.

IV

После суда Ольга находилась в шоковом состоянии. Какое-то время она жила у подруг в общежитии. С Маргаритой они больше не виделись. Только однажды муж Маргариты приехал в общежитие сообщить, что они уезжают, и она может въезжать в свою законную квартиру. Вид у него был жалкий. Он все время извинялся за свою жену. На него было больно смотреть. Договорились, что алименты он будет присылать «до востребования».

К этому моменту девочку перевели в кардиологический центр. Она нуждалась в постоянном медицинском наблюдении. Надо было как-то начинать жить по-новому, с ребенком на руках. Об учебе не было и речи. Ольга хваталась за любую подработку. Она каждый день навещала ребенка и без боли и страдания не могла смотреть на трубочки и проводки, которыми была опутана девочка.

Однажды ее вызвал профессор. Он сказал, что девочке нужна срочная операция. Нужна большая сумма денег. Клиника не может оплатить все расходы. И Ольга нашла выход из ситуации. Она без колебаний разменяла большую квартиру Соловьевых на обычную маленькую с доплатой. В этот момент ее больше заботила жизнь ребенка, чем свое благополучие. Материнский инстинкт взял верх. Институт пришлось бросить. Подруги защитились и разъехались. На письма Романа она больше не отвечала. Она очень его любила и не хотела портить ему жизнь. Ольга боялась, что он может остаться с ней из чувства сострадания. Она понимала, что сама перечеркнула свою жизнь. Когда оформили документы на оплату операции, у нее попросили свидетельство о рождении ребенка. Ольга растерялась. Ведь она забыла зарегистрировать девочку, и у ребенка не было даже имени. Первое, о чем она подумала, так это о том, что она рожала в марте, и имя должно соответствовать этому месяцу. Но ни одно имя этого месяца вспомнить не могла. И первое имя, которое пришло ей в голову, это было имя Марта. Вот так ее девочка стала Мартой Ивашовой.

Операция прошла успешно. Гарантий никто не давал, но появился шанс. Маленькая надежда. И Ольга уцепилась за эту надежду. Марта понемногу набирала вес, начала жить самостоятельно, без аппарата. Алиментов и пособия не хватало. Много денег уходило на медицинские препараты и питание малышки. В новой квартире Ольга практически не бывала. Она все время проводила в отделении возле Марты.

Здесь она и познакомилась с Натальей, как оказалось соседкой по площадке. Наталья посоветовала пойти работать санитаркой в это же отделение. Для Ольги это был выход. Шло время. Малышка подрастала и с каждым днем крепла. Но чего это стоило Ольге? И сколько было тревожных бессонных ночей, знала только ее подруга. Наталья всегда поддерживала ее и помогала как могла. Когда Марта училась в школе, в дни дежурств Ольги, она забирала ее к себе. Но даже Наталья не знала всей правды. Для Ольги это была запретная тема. И снова Маргарита, пусть случайно, ворвалась в ее жизнь. Ольга даже подумать боялась, что может произойти. Но она понимала, что встреча их неизбежна.

V

В шесть часов утра зазвонил будильник. Ольга встала и пошла на кухню готовить завтрак. Марта, как всегда, когда Ольга бывала дома, вскакивала в последнюю минуту. Это спасло Ольгу от лишних вопросов. Позавтракав на ходу, Марта убежала в институт.

Смена Ольги начиналась вечером. Она без цели ходила по комнате. Голова гудела от бессонной ночи. Под глазами появились темные круги. Первый раз за все эти годы она не хотела идти на работу. Так прошел день. Вечером за ней зашла Наталья. По глазам подруги, Ольга поняла, что та что-то подозревает, но не решается спросить. А Ольга была пока не готова рассказать правду.

Маргарита лежала в отдельной палате. Для нее специально наняли сиделку. Оль-

ге повезло. Это оттягивало их встречу. Она боялась не за себя, а за свою девочку. Ведь если Маргарита ее узнает, то захочет увидеть свою дочь. Отказать больному человеку трудно. Но тогда придется рассказать всю правду Марте. Она представляла, какой шок может получить ее девочка. А у Марты слабое сердце. Ночью Маргарите стало хуже, и ее перевели в реанимацию. Ночь прошла тихо, и Ольга немного успокоилась. Теперь у нее в запасе двое суток. Можно спокойно все обдумать. Два дня Ольга готовилась к встрече. Она тщательно подбирала слова, понимая, что от ее слов зависит жизнь двух родных по крови людей.

На смену пришла с волнением, но Маргариты в палате не было. А через какое-то время зашел молодой человек забрать вещи Маргариты. Так Ольга узнала, что Маргариты не стало. Она умерла. Сначала сердце радостно забилось, но вскоре радость сменилась тоской. Ведь мать так и не увидела своего ребенка. Жизнь непредсказуема. Никто не знает, где потеряешь, а где найдешь.

Постепенно Ольга успокоилась, и все пошло как прежде. На ее лице появилась все та же приветливая улыбка, как будто ничего и не было. Только Наталья иногда пытливо на нее поглядывала. В этом взгляде Ольга видела немой вопрос. Она чувствовала себя виноватой перед подругой, но рассказать правду не решалась. Марта каждый день щебетала о сокурснике. А Ольга радовалась, что к ее девочке пришла любовь. В один из таких дней Ольга предложила Марте пригласить молодого человека на чай. Она очень хотела посмотреть избранника Марты. Так и решили. В свободное от смены время Ольга испекла пирог, и стала ждать.

В назначенный час пришли Марта и ее друг. Познакомились. Марта улыбалась, и все время говорила, а парень немного смущался. Вечер прошел хорошо. Слушали музыку, пили чай. Марта, как пушинка, летала по комнате. Ольга радовалась за нее. Вот только кого-то он напоминал, а кого не могла вспомнить. Как-то в отделении, проходя мимо палаты, где лежала Маргарита, она вспомнила лицо молодого человека, который забирал вещи Маргариты, и ахнула. Это был друг ее Марты. И опять бешено застучали молоточки в висках.

Что же делать? А что если это сын? Ведь могла Маргарита еще раз попытаться родить ребенка. Ольга искренне пожалела об ее смерти. Ведь теперь уже ничего не узнаешь. От отчаянья она не знала, что делать.

Вечером Ольга решила все рассказать Наталье, та сидела с широко раскрытыми от удивления глазами. В первый момент она не могла говорить. За все эти годы Ольга и Марта для нее стали родными людьми. Было видно, что она получила такой шок, как и Ольга, когда увидела фамилию Маргариты.

Минут пять сидели молча. Наконец Наталья спросила:

— Что будем делать?

— Не знаю,— ответила Ольга.

Они знали, что Марту травмировать нельзя. Уточнять какие-то детали через нее тоже нельзя. Надо было что-то придумать. Но что? Обе мучительно искали решение. Оно пришло внезапно.

— Надо идти к мужу Маргариты, думаю, он уже оправился от смерти жены.

— Я даже адреса не знаю,— со слезами на глазах сказала Ольга.

И опять Наталья взялась уладить ее проблемы.

В архиве она посмотрела историю болезни Маргариты и записала домашний адрес и телефон. Оставалось только назначить встречу. Ольга понимала, что тянуть время нельзя. Надо звонить, но никак не могла найти в себе силы сделать этот звонок. Все эти годы регулярно приходили алименты, но никто даже не пытался узнать о судьбе девочки.

VI

В один из таких дней, когда Ольга почти решилась позвонить Вадиму, вдруг раздался звонок в дверь. На пороге стоял отец Марты. От неожиданности Ольга так расте-

рялась, что забыла пригласить войти. Перед ней стоял мужчина средних лет в военной форме. Поздоровался, снял фуражку. Он почти не изменился, только волосы были совсем седые, но седина его не старила. Наоборот, придавала солидности и привлекательности. Несколько минут они стояли молча. Первым нарушил молчание Вадим:

— Я жду Вас в машине. Нам надо поговорить и решить некоторые вопросы.

Наконец Ольга пришла в себя. Она кивнула головой в знак согласия. Переодеваясь, лихорадочно думала о том, как он ее нашел? И что все это значит?

У нее разыгралось воображение. А вдруг он хочет забрать девочку?

Возле подъезда стояла машина. За рулем сидел водитель. Полковник галантно открыл Ольге дверь машины, а сам сел на переднее сиденье. Машина тронулась. От растерянности Ольга даже не спросила, куда они едут. Возле кафе машина остановилась. Вадим вышел и помог Ольге. В зале было тихо и уютно. Негромко звучала музыка, и это успокаивало. Постепенно Ольга пришла в себя. Ведь она сама искала встречу, просто он ее опередил. Принесли заказ. Легкое сухое вино и кофе. Разговор предстоял трудный. Неожиданно Вадим взял руки Ольги и с благодарностью поцеловал:

— Это за дочь,— сказал он с нежностью.— Я все знаю, и Маргарита знала. Очень жаль, что она так и не успела обнять ее.

Для Ольги его слова были полной неожиданностью. Ведь она плохо думала о Маргарите. Избегала встречи. Опять судьба преподала ей очередной урок.

VII

Отпив глоток вина, Вадим стал рассказывать свою жизнь:

— После отказа от ребенка Маргарита долго не могла прийти в себя, начались проблемы с сердцем, и в итоге первый инфаркт. Приходилось заботиться о ней, как о ребенке. Прошло время. Маргарита поправилась. Но за это время подросла Марта, был упущен момент, и хотя мы всегда были в курсе, зная здоровье Марты, не хотели лишний раз травмировать.

Так и жили параллельно, как наблюдатели.

— Поверьте, Оля, это тоже нелегко,— сказал Вадим.

— А потом в части случилось ЧП. Шли обычные плановые полеты, и один из самолетов не вернулся на землю. Летчик погиб. Осталась жена и ребенок. Это был наш сосед и друг. Татьяна, его жена, нашла забвение в вине. Маргарите приходилось смотреть ребенка. А через какое-то время сердце Татьяны не выдержало. Ребенок остался один, и его забрали в детский дом. Близких родственников у них не было, поэтому нам разрешили усыновить ребенка. Так у нас появился сын. Таким образом Маргарита хотела загладить свою вину перед Богом. Всю невостребованную любовь она отдала этому мальчику. Андрей рос здоровым и послушным ребенком. Когда случилось несчастье, ему было три года, поэтому он не знает, что мы ему не родные родители.

— Ольга! Я Вас потревожил, потому что однажды видел Марту и Андрея вместе. Я понял, что они встречаются, и представил, какое это может быть потрясение для Вас. Ведь Вы со временем узнали бы, что Андрей наш сын.

Вздох облегчения вырвался из груди Ольги. По щекам потекли слезы. Это были слезы радости. Ольга дрожащим голосом стала рассказывать, как увидела фамилию Маргариты, как боялась войти в палату, боялась за Марту. Как мысленно готовилась к встрече. Первый раз за все эти годы они с легким сердцем сидели друг против друга. Они говорили и не могли остановиться. И хотя их свело несчастье, они были по-настоящему счастливы. Оба понимали, что Марта не должна знать правду. Зато у Вадима появилась возможность видеть дочь и принимать участие в ее жизни. Восполнить все то, что он не смог дать ей в детстве. И Ольга почувствовала уверенность и спокойствие за будущее Марты.

Дорогой ценой досталось Ольге ее материнское счастье. И кто знает, может и ее женское счастье где-то совсем рядом. Ведь она его заслужила.

Лариса Поликарпова
(г. Минск, Белоруссия)

МАМА, Я БАЙКЕРА ЛЮБЛЮ!

Поликарпова Лариса Станиславовна, творческий псевдоним — Виктория Александрова. Родилась в Минске 27 августа 1974 г. С 2010 г.— член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». Автор двух книг — романов в стиле фэнтези: «Алиен» и «Между закатом и явью». Номинант литературного поэтического конкурса «Прекрасные порывы-2010», третье место в Республиканском конкурсе «Литературная крона-2012» в номинации «Художественная проза», победитель международного литературного конкурса «Славянская лира-2017» в номинации «Малая проза».

Основываясь на всем своем богатом жизненном опыте, Верочка ничуть не сомневалась: мама знакомству не обрадуется. И не важно, что парень плечист и статен, что держится уверенно и спокойно — просто загляденье! Вряд ли маму вдохновит диплом электрика-монтажника, а также стаж работы сроком в два года на частном предприятии «Сигнал». И даже то, с какой явной благосклонностью он взирает на саму Верочку, осторожно поддерживая ее под локоток, не компенсирует одного непоправимого факта: ее избранник — байкер.

Вообще-то еще совсем недавно девушка к байкерскому движению относилась спокойно, чтобы не сказать равнодушно. Ее ничуть не привлекала романтика ночных катаний, грохот моторов, откровенная показушность грубых парней в кожаных куртках. Скажем так: до сих пор ей это было неинтересно.

Но вот однажды, погожим весенним днем, когда она выходила из подъезда, тишину двора взорвал рев мотоцикла. Черная металлическая зверюга затормозила аккурат у Верочкиного крыльца. Всадник — сплошь черная кожа и заклепки — уперся в асфальт ногой в ребристом ботинке, удерживая равновесие, и заглушил мотор. И пока девушка оторопело взирала на это явление, байкер снял жуткий шлем с нарисованной на нем акульей пастью и — оказался вполне симпатичным парнем с ясными голубыми глазами. Он приветливо улыбнулся и спросил:

— Не знаете, леди, Сашка Измайлов здесь обитает?

Верочка не сразу собралась с духом для ответа, когда незнакомец произнес:

— Доброе утро, кстати. Ведь оно, действительно, доброе, раз я встретил Вас.

— Доброе,— пролепетала Верочка. Она окончательно растерялась. А всадник сошел со своего железного коня, представ перед ней во всей красоте своего почти двухметрового роста. Повел широченными плечами.

— Меня, кстати, Василием зовут. А Вас?

— Вера,— произнесла девушка, чувствуя, как ее сердце срывается вниз, и — ах — стремительно падает прямо к ногам незнакомого байкера с ослепительной голливудской улыбкой.

Он, между тем, оглядел ее тонкую фигурку в летнем платьице с нескрываемым восхищением. Потом повесил шлем на руль и запросто перешел на «ты»:

— Представляешь, Вера, этот лоботряс на днюху пригласил, а адрес точный я не помню. Мне казалось, где-то здесь он должен жить. Не знаешь? У него еще «тачка» такая — черный «Блэкберд», большой — трудно не заметить.

Девушка лихорадочно размышляла. Если бы в их доме обретался такой персонаж — она бы точно была в курсе. Об этом она честно сообщила новому знакомому.

— Жаль,— протянул тот.— Ну, ничего. Сейчас Костяну наберу — может, он знает... А, кстати, что ты делаешь завтра после пяти?

— После пяти я буду дома,— ни секунды не раздумывая, прощебетала Верочка.

— Отлично. Значит встречаемся в половину шестого на этом самом месте.

Василий сел в седло, надел шлем и завел мотор. Затем поднял руку в приветственном жесте и с грохотом газанул.

Вот так романтически произошло их знакомство.

С того дня прошло уже почти полгода, а Верочка все никак не могла привыкнуть к мотоциклам. Девушка ни за что бы не призналась в этом Василию, но она до жути боялась быстрой езды, в чем ее новый друг оказался настоящим мастером. Каждый раз, слезая с седла на дрожащих ногах, Верочка изо всех сил изображала бурный восторг, улыбаясь ему побелевшими губами. Онемевшие пальцы, которыми она намертво вцеплялась в кожаную куртку байкера во время отчаянного «полета» по улицам, не хотели разгибаться, и она прятала руки за спину, незаметно разминая их.

На протяжении долгих загородных поездок несчастная постоянно испытывала неодолимые позывы посетить туалет и то и дело просила Василия остановиться, объясняя это желанием получше рассмотреть какой-нибудь особо впечатляющий пейзаж. Друг усмехался, снисходительно исполняя все ее прихоти.

«Правда, здорово?» — спрашивал он после очередной лихой гонки. «Здорово»,— послушно соглашалась Верочка, пытаясь потихоньку присесть куда-нибудь, чтобы он не заметил, как ее шатает. Ведь не могла же она, девушка байкера, и вдруг да не любить сумасшедшей езды. В этом же весь кайф!

Особенно ярко ей запомнилась поездка на слет под Логойском. В тот день Василий подкатил к ее крыльцу не на своей громадине-Хонде, а на какой-то странной и весьма хрупкой на вид конструкции. Он назвал ее «Джиллерой 125-й», в простонародье больше известной как «бешеная табуретка», и объяснил, что его «транспорт» находится на небольшом ремонте, а эту «красавицу» он временно одолжил у друга. «Она, кстати, нормально разгоняется, ты не переживай! — «успокоил» он Верочку.— Сидеть, может, не так удобно. А вообще — огонь!»

От этих слов по спине у девушки пробежали мурашки. Вскоре ей в полной мере удалось ощутить всю «прелесть» обещанных удовольствий, а также понять, за что это орудие пыток назвали «бешеной табуреткой». Да, она была быстра. Василий, не напрягаясь, выжимал до ста сорока. Но если у Хонды имелось большое удобное седло, а еще Верочка могла надежно укрыться от бьющего в лицо ветра за широкой спиной сидящего впереди друга, то здесь она оставалась абсолютно открытой и беззащитной. Пассажирское сиденье самым бессовестным образом торчало над водительским, так что девушка ощущала себя сидящей на каком-то пеньке, практически без опоры. И этот пенек несся сквозь пространство, презирая законы физики и мча на себе сжавшуюся от ужаса девушку. Встречный ветер лупил по ней, норовя и вовсе сбросить с хлипкого насеста. За время пути Верочка перебрала в памяти все известные ей молитвы, хотя до сих пор считала себя почти атеисткой, и закончила торжественной клятвой «больше никогда-никогда не садиться на мотоцикл, если только доедет живой сегодня».

Едва она успела перевести дух, как оказалась в самой гуще событий и многочисленных друзей Василия. Они все разговаривали о непонятных ей вещах, пили пиво большими кружками, шумели, дымили... Василий с гордостью представлял им Верочку, хвастаясь своей «боевой подругой» и получая в ответ одобрительные возгласы.

Такого скопления мотоциклов в одном месте ей видеть еще не доводилось. Народ двигался от одного к другому, гудел, оживленно обсуждал что-то. На площадке затеяли «крутое развлекалово» — палили резину. Это так и называлось — «палить резину». А само действо заключалось в следующем: удерживая мотоцикл за руль, изо всех сил упираясь в землю ногами, байкеры нещадно давили на газ, от чего колеса крутились на месте с такой бешеной скоростью, что резина на них дымилась и плавилась. Грохот, дым и вонь стояли неимоверные. Зрители, и, особенно, сами байкеры, были в неистовом восторге, хотя до Верочки никак не доходил смысл и, главное, цель происходящего. «"Палить резину"? — Зачем палить резину? Какое в этом удовольствие? Разве это весело? Неужели им колеса не жалко?» — недоумевала она и все допытывалась у Василия, но он так и не сумел ей внятно объяснить, в чем шик подобного мероприятия.

Зато концерт и заключительный фейерверк ей понравились. В небо взмывали сказочные букеты, россыпи и звезды. Все радовались и кричали: «Ура!» — как в детстве, приветствуя каждый залп. Верочка стояла, тесно прижавшись к Василию. Он обнимал ее за талию, подняв голову к черному небу, озаряемому разноцветьем огней. Все казалось таким прекрасным и романтичным: и мотоциклы, и музыка, и вся эта толпа, в едином порыве орущая «ура». Об обратной поездке думать не хотелось.

Но... верная «табуретка» уже ждала их. Никуда она с парковки не делась, и девушке даже показалось, что она видит мерзкую ухмылку прямо под раскосыми глазами-фарами. Весь обратный путь Верочка снова молилась, и всхлипывала про себя, и умоляла неизвестно кого, чтобы все это побыстрее закончилось...

В темноте мимо них проносились-проплывали странные инопланетные корабли: тюнингованные мотоциклы с разноцветной подсветкой, один чуднее другого. Все разъезжались по домам...

А они все неслись и неслись сквозь ночь, и Верочка цеплялась обледеневшими пальцами за края сиденья, и ветер все пытался сорвать ее, сбить, опрокинуть на асфальт, что сумасшедшей лентой вращался под колесами.

Возле дома Василий сочувственно взглянул на нее, обнимая:

— Устала?

— Да, немного,— Верочка отвела глаза, ощущая дикую слабость и боль во всем теле. Ее словно палками измолотили! Больше ни за что, ни за какие коврижки она не сядет с ним на мотоцикл!

Но прошло два дня — и девушка выпорхнула навстречу раскрывшему объятия Василию, и на вопрос: «Кстати, а не прокатиться ли нам куда-нибудь?» ответила бурным энтузиазмом. И вновь умирала от ужаса, заглядывая через мощное плечо впереди на стрелку спидометра, стремящуюся к опасной отметке. А потом долго приходила в себя, спрятавшись от глаз Василия за углом беседки и заставляя себя дышать ровно и глубоко.

В конце концов, ну, сколько так могло продолжаться?! Верочка чувствовала, что силы ее на исходе, что она не хочет, не может больше притворяться и жить жизнью, которая вовсе не ее, а чья-то чужая, выдуманная. Сходя с ума от страха, изображать восторг; радоваться каждой поездке так, как будто она не мечтает вот сейчас, сию секунду оказаться где-нибудь подальше от этих чудовищных мотоциклов и всего, что с ними связано...

Но разве можно сказать об этом Василию? Как она сумеет посмотреть в эти небесно-голубые глаза и признаться, что все это время врала, притворялась, играла?.. Да она скорее умрет на месте!

Так, страдая и мучаясь от неразрешимой дилеммы, девушка ждала наступления холодов и окончания байкерского сезона. Ждала, считая дни, и уже заранее думая о том, а что же дальше, когда солнце опять растопит снег? Ведь все начнется снова, и зима — лишь временная передышка. И это не выход, не решение ее проблем. С каж-

дым днем, с каждым часом она привязывалась к своему другу-байкеру все надежней и сильней. Любовь и отчаяние боролись в ней, поочередно одерживая верх. Еще немного — и у нее не хватит мужества на самый решительный шаг.

Идея пришла совершенно неожиданно. А почему бы не познакомить Василия с родителями?

Чтобы понять всю оригинальность задумки, следует сделать краткое отступление и рассказать о Верочкиных родителях. Не то, чтобы они были какими-то допотопными монстрами, тиранящими дочь — совсем, наоборот: Верочка выросла в очень интеллигентной, очень воспитанной семье, и с ранних лет была погружена в утонченную атмосферу искусства и литературы. Мама ее работала преподавателем музыки по классу фортепиано, так как артистическая карьера ее в молодости не сложилась. Отец — тихий, застенчивый человек — не умел говорить ни о чем, кроме своей любимой физики. Оба они обожали дочь и старались дать ей самое лучшее образование и воспитание. Музыка, танцы, рисование акварелью, уроки этики, вышивание бисером... И тут вдруг — байкер!

Большего контраста трудно себе и представить. Ощущая, как сердце ее сжимается в предчувствии грядущей бури, Верочка решительно вела за собой Василия.

— А ты точно уверена? — в третий раз спросил он.— Нам пока не рано знакомиться?

— Конечно, уверена! — улыбалась девушка столь несвойственной байкеру робости и тащила его дальше.

Все оказалось почти так, как она и предполагала. Василий застыл на пороге, такой неуместный в своей кожанке и огромных армейских ботинках среди белых тюлей, картин и сияющего паркета. Мама всплеснула руками в немом ужасе, папа тихо кашлянул и отложил журнал. И хотя Верочка внутренне обмирала от страха, она поняла, что действует в правильном направлении. Родители никогда, НИКОГДА не разрешат ей встречаться с байкером. Ах, да, еще и это его любимое словечко «кстати», которое вставлял он и кстати, и не очень. Как это болезненно должно быть для тонкого музыкального маминого слуха. «Ой, что сейчас будет!» — подумала она и произнесла:

— Мама, папа, знакомьтесь: это мой друг Василий. Он ездит на мотоцикле.

— Д-да, мы уже поняли,— пробормотал отец, вставая и вежливо протягивая руку.

— Очень приятно... Ну, разувайтесь... И проходите к столу... раз уж зашли,— с трудом опомнилась мама, возвращаясь к роли вежливой хозяйки.

Василий неуклюже проследовал за ней, боясь зацепить что-нибудь хрупкое. Просто слон в посудной лавке! Верочка опустила глаза, испытывая неловкость и смущение, будто сама была на его месте.

Наконец, все чинно расселись вокруг ажурной скатерти с белоснежными салфетками, и мама церемонно разлила чай по фарфоровым полупрозрачным чашкам. Вначале за столом царило неловкое молчание. Первым не выдержал папа:

— Кхм, Василий, а какой марки Ваш мотоцикл?

Парень отчаянно сжал чайную ложечку, словно пытаясь согнуть ее пополам.

— Хонда, ЦБР-ка, тысяча кубов. Она у меня мощная! — гордая улыбка осветила его лицо.

— Правда? Как интересно! — вмешалась мама.— И как давно Вы ездите, Василий?

— Шесть лет.

— Понятно.

Беседа близилась к какой-то опасной теме. Чувствуя это, Верочка непроизвольно бросилась на защиту друга:

— Он очень опытный и очень осторожный водитель. Ни одной аварии за эти шесть лет.

— Это, конечно, похвально. А кем Вы работаете? — продолжила допрос мама.

— Я — электрик на фирме «Сигнал». Стаж работы — тоже шесть лет,— четко отрапортовал Василий.

Верочка, конечно, ожидала, что за парня возьмутся всерьез, но спокойно слушать этот «разбор по косточкам» не могла, поэтому, извинившись, под каким-то предлогом покинула гостиную. Когда она вернулась, в комнате оживленно беседовали Василий и ее папа. Насколько она поняла из обрывков разговора, речь шла о технических характеристиках Хонды, таких, как обтекаемость и ускорение. Обычно всегда невозмутимый, неразговорчивый папа был непривычно возбужден, размахивал руками, что-то азартно объясняя. Девушка давно не видела его таким увлеченным.

Вошедшая мама молча поставила на стол большое блюдо с сахарным печеньем и тихонько присела на диван.

В общем, вечер затянулся. Уже изрядно стемнело, когда Василий сообщил, что ему пора, и девушка вызвалась немного провести его. «Молодежь» уже выходила за порог, когда мама попросила Верочку задержаться на минутку.

Внутренне сжавшись в ожидании холодной отповеди — ну, что ж, на войне, как на войне! — девушка махнула другу, чтобы он подождал ее у подъезда, и обернулась к родителям, скрестив на груди руки. Вот сейчас все и решится. То, ради чего она затевала всю эту авантюру. Неприятно, но она потерпит. Каких-то несколько минут — и она свободна!

Однако мама отчего-то не спешила ее ругать, а наоборот, вдруг тепло улыбнулась:

— Ну, что, доченька, должна сказать, нас с папой несколько удивил твой выбор. Но мы поговорили с Василием, и он нам понравился. Серьезный молодой человек, и, кажется, вполне надежный.

— Хороший парень,— кивнул папа из-за ее плеча.

Девушка смотрела на них во все глаза, не веря услышанному. Значит... им понравился байкер, и все ее прогнозы не оправдались, и теперь... и что же теперь?..

Мама, наблюдая за ее смятением, приобняла за плечи:

— Ну, иди, давай, он ждет тебя...

И добавила с притворной строгостью:

— Только долго не гуляйте!

Любовь Михайлова
(г. Полоцк, Белоруссия)

СТАНЦИЯ «ВОЛОГДА»

Эссе

Любовь Никоновна Михайлова родилась 10.02.53 в г. Браславе (Белоруссия). Образование высшее, окончила биологический факультет Даугавпилсского педагогического института. Является членом народного литературного объединения «Наддвинье» в г. Полоцке и членом РОО «Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». Печаталась в альманахах и коллективных сборниках «Наддвинье», в местных СМИ и республиканских изданиях. Пишет стихи и прозу на русском и белорусском языках, является автором трех сборников: «Меня природа мудрости учила» (2017), «У поздней осени в плену» (2017), «На скрыжаванні дарог» (2019).

Середина августа. Поезд Архангельск — Москва. Я возвращаюсь домой. Примерно семь часов утра. Остановка в пути. Станция «Вологда». Поезд стоит двадцать пять минут. На перрон к поезду высыпают женщины с котомками всякой снеди. Громко зазывая, наперебой предлагают пассажирам горячий молодой картофель, малосольные огурчики, ведра свежих огурцов, репчатый и зеленый лук, всякую зелень. Многие пассажиры выходят из вагона. К ним тут же подбегают женщины со своим товаром. Покупатели прицениваются, для виду, наверное,— берут все охотно. Поезд идет долго, а свежей горячей картошкой как не соблазниться, проехав целую ночь в поезде. Через открытое окно слышен оживленный гомон. Торговля идет бойко.

Я с любопытством наблюдаю, глядя из окна вагона за снующими взад-вперед торговками. Большей частью это пожилые женщины, просто одетые, в каждой из них угадывается обремененная заботами о детях и внуках бабушка. Есть и молодые мамочки своих деток, пытающиеся заработать по случаю для них копейку.

Чувствуется, что это налаженный бизнес, и люди, торгующие здесь, делают так не в первый раз, быстро оценивая потенциального покупателя. Да и покупателями являются преимущественно женщины, обремененные семьей, на чьих плечах держится весь ее уклад с решением проблем по питанию домочадцев, а кроме всего прочего, еще и заготовок на зиму.

Как тут не соблазниться на ведро свежих — один в один — огурчиков, только что сорванных с грядки, или на килограммов пять отборного репчатого лука, или пучка свежей ароматной зелени. Товар-то весь добротный, и цена приемлемая.

В Ярославле или Москве на рынке все это будет гораздо дороже. А здесь бери — не хочу, прямо к поезду. Товар разлетается вмиг. Смотрю, что многие торговки пришли с запасом: есть примелькавшиеся лица, которые, продав одну порцию товара, принесли еще.

Почему бы и нет, если торг идет успешно.

На перрон вышла молодая пара из соседнего вагона, купили воду, сигареты и что-то еще в ближайшем киоске, прошли мимо, с интересом наблюдая за процессом продажи огурцов — не соблазнились. Молодежь не хочет обременять себя лишними

хлопотами и любит путешествовать налегке. Вспомнила себя в их возрасте. Им примерно лет восемнадцать — двадцать. Пришло бы мне на ум, следуя поездом Москва — Тюмень, например, прикупить в Арзамасе ведро огурцов? Улыбнулась — сама себе, ответив отрицательно. В молодости я очень любила путешествовать, я и сейчас люблю, только дорога стала больше утомлять последнее время — возраст сказывается.

Как-то неожиданно среди этой суеты мой взгляд остановился на женщине, которая стояла несколько в отдалении. Она привлекла мое внимание тем, что производила впечатление человека, вышедшего на прогулку: сделает несколько шагов по перрону — остановится, глядя отрешенным взглядом по сторонам. Невысокая, стройная, на вид ей лет семьдесят — семьдесят пять, на голове шляпка, одета в летнее пальто темного цвета — немного поношенное, на ногах аккуратные темные туфли под цвет пальто. Весь ее облик казался архаичным. Так выглядели интеллигентные дамы двадцатых — тридцатых годов прошлого века.

В руках у нее был чудесный роскошный букет из гладиолусов. Он ярким пятном высвечивался на фоне этой вокзальной суеты как нечто инородное, которого здесь по всем правилам вокзальной торговли никак не должно было быть. Но оно было! Вот оно, реально ощутимое, праздничное, на фоне обыденного — и фигурка этой женщины... и ее букет!

Я стала за ней наблюдать, пытаясь угадать, кто она и что здесь делает? Может, она пришла кого-то встретить к поезду? Наверное, нет, отбросила я эту мысль — поезд стоит уже минут пятнадцать, а она все не уходит. Значит, она пришла продать этот ослепительный букет, но интеллигентность не позволяет ей активно навязывать покупку кому-либо, и она просто стоит посередине платформы с букетом, терпеливо ожидая, что кто-то сможет по достоинству оценить всю красоту ее цветов. Наверное, она права — настоящая красота не нуждается в дополнительной рекламе.

Огурцы, лук, картошка, наконец, проданы, и толпа продавцов отхлынула с перрона, как бы обтекая женщину с букетом. Она продолжала стоять. Все пассажиры вернулись на свои места, обсуждая выгодные покупки. Поезд тронулся, женщины в соседнем купе делились рецептами заготовок огурцов на зиму. Кто-то уже приступил к дегустации картошки с огурцами, и по вагону распространился аппетитный запах малосольных огурчиков. Кто ехал в поезде на дальние расстояния, не раз мысленно поблагодарил женщин-тружениц, которые этими изысками радуют пассажиров в пути.

Я долго смотрела в окно, и перед моими глазами все стоял этот образ женщины с букетом гладиолусов, которые так никто и не купил.

Кто она? Чувствуется, что она одинока. Возможно, музыкант или библиотекарь, а может быть, как и я — учитель. Судя по ситуации, которую я только что наблюдала, о ней можно сказать — не от мира сего. Разве человек-прагматик, имеющий здравый смысл, понесет на вокзал к поезду продавать букет гладиолусов, если там ходовым товаром являются овощи. Значит, не о выгоде думал человек, а просто она несла красоту, которая, может, кому-либо пригодиться — не ей же одной таким великолепием любоваться!

Есть люди, которые в хорошем смысле выпадают из реальности, подумала я о ней. Может, не одна я любовалась этим букетом. Может, в поезде ехал какой-то художник, который напишет картину, вдохновившись этим видением, или — музыкант, который создаст новое произведение под названием: «Вологодские цветы». А может, кто-то, как и я, сидя в вагоне, просто будет любоваться цветами, размышляя о красоте, ее роли в жизни человека, о судьбе этой женщины, о том, что из себя представляет наш прагматичный век, с извечной суетой и потребительским отношением ко всему.

Может, эта неординарная ситуация просто перевернет чье-то сознание и заставит на миг остановиться в повседневном беге за материальными благами, чтобы задуматься о своем смысле жизни, по-новому взглянуть на себя со стороны и оценить место и роль, состояние своего внутреннего мира, своих истинных потребностей и приоритетов. Ведь не только хлебом насущным жив человек.

Леонид Пулькин
(г. Речица, Белоруссия)

МИКЕЛАНДЖЕЛО

Пулькин Леонид Андреевич родился в 1955 году в г. Гомеле. Победитель международного литературного конкурса «Славянская лира» в номинации «Драматургия». Публикации: «Западная Двина» № 2, 2004 — повесть «Разведчик без миссии», коллективный сборник «Свет в конце тоннеля, БЛС «Полоцкая ветвь», г. Бобруйск 2004 г. «Западная Двина» № 1, 2009 — пьеса «Микеланджело», Антология БЛС «Полоцкая Ветвь» за 2010 год, «Странствующая в ночи» и во многих других. С 1999 года является членом Беллитсоюза «Полоцкая Ветвь».

Микеланджело и Савонарола

Сцена 8

Лионардо, брат Микеланджело, и Микеланджело.

Лионардо: Я рассказал о тебе Савонароле.
Микеленджело: Что рассказал?
Лионардо: Рассказал, что Медицийские сады, в которых ты пребываешь, Содом и Гоморра, но ты можешь спастись.
Микеленджело: Спастись? Что ты имеешь в виду?
Лионардо: Пожертвуй скульптуру Господу.
Микеленджело: Об этом со мной хочет поговорить Савонарола?
Лионардо: Люди убедились в его правоте. Смотри.

Подводит Микеланджело к стрельчатому окну.

Лионардо: Художники готовят костер. Это первый костер. Он вышел навстречу жаждущим истины. Он говорит.
Голос Савонаролы: Их интересует плоть. Греховная, похотливая плоть. Не изображение чистейшего Христа, а голые девки.
Микеленджело: Это его голос?
Лионардо: Да, это Савонарола.
Савонарола: Вы лжете, когда говорите об искусстве. Ты вожделеешь, купаешься во грехе и смраде. Это так?
Толпа: Да! Да! Так это! Каемся.
Савонарола: Искусство дар Божий? Искусство дар ада. Искушение. Порнографические картины, порнографические гуляния, порнографические празднества. Вы пойманы в сеть дьявола. Ваши души не будут знать покоя. Тело пребывает в блевотине. Эта мерзость не имеет ничего общего с Его дарами. Здесь, во Флоренции, нет

ничего, что служит Богу. Черные воды смоют грешный город, истинно говорю вам. Все, что служит роскоши, достойно костра. Человек создан для того, чтобы служить Господу. Сожжем суетное!

Рев толпы.

Лионардо: Сейчас он прибудет сюда.

Дверь открывается. Лионардо падает на колени. Савонарола подходит к нише окна и оттуда продолжает свою речь.

Савонарола: Непрестанно молитесь. Все, что видите вокруг,— это ваша молитва. Вы забыли Его, вот откуда кража, кощунство, зависть. Хватит жить иллюзиями! Забудьте искусства, забудьте иллюзии. Вернитесь к Нему, дети мои. Боттичелли, бросай свою мазню в костер.

Снизу голос Боттичелли: Повинуюсь, отец мой.

Савонарола: Скажи, кого ты изображал. Покайся!

Голос Боттичелли: Я изображал развратных девок.

Савонарола: Ты возвращаешься к Господу! Алиллуя! Вы рождены для вечной жизни. Бросайте в очистительный огонь искушения, золото, украшения, картины, наряды (*резко поворачивается к Микеланджело*).

Савонарола: Ты готов пожертвовать камнем? Что молчишь? Гордыня обуяла. Брат твой на пути спасения, и молится за тебя.

Микеланджело: Я его не просил.

Савонарола: Ты каменотес. Высекаешь всякую дьявольщину: Венер, Диан, фавнов. Что ты ответишь на страшном суде? Суда не избежать никому!

Микеланджело молчит. Савонарола скрестил руки.

Микеланджело: Я хочу создать то, что радовало бы людей, возвышало их дух.

Лионардо: Ты выполняешь то, что требует заказчик. Их требования низменны. Не верь тем, кто льстит тебе. Они лгут, говоря, что твое искусство возвышенно. Глянь сюда, горит очистительный огонь. Флоренция бросает в него разврат, возвышенный искусством. Смотри, здесь твои друзья и те, кого ты никогда не узнаешь. Они едины. Будь с нами.

Савонарола: Здесь огонь, здесь крест, здесь нет сатанинских искушений, здесь нет лавров, здесь есть отречение от грехов. У тебя будут розы и алмазы рая. Тебя ожидает мир, который ты не увидишь ни в одном дворце. С нами ты найдешь сладость, какой не найдешь нигде. Уверуй. Отринь размышления. Умствования отринь. Сын мой, ты будешь свободен во имя милосердия Его.

Савонарола крестообразно открыл объятия.

Савонарола: Ты же понимаешь, что Господь глаголет моими устами. Подойди ко мне.

Микеланджело стоит на месте.

Лионардо: Брат, может произойти ужасное.

Савонарола: Произошло *(опускает руки).* Во мраке проживешь. Постыдна и мерзка жизнь твоя. Из бездны пришел и в бездну уйдешь. Твои истуканы окружат тебя и ни в чем не насытишься.

Микеланджело. Аминь.

Болезнь Микеланджело

Сцена 10

Микеланджело лежит на постели, окруженный склянками и баночками. Дядя Франческо и брат Лионардо.

Дядя Франческо: Это Божья кара настигла тебя, понимаешь?

Лионардо: Я буду молиться за тебя, брат мой.

Дядя Франческо: Не спасут его наши молитвы. Во Флоренции говорят, что с дьяволом якшаешься.

Лионардо: Да, говорят, ты камень заговариваешь. Говорят, что ты колдун.

Дядя Франческо: Тебя никто не сможет защитить, племянничек. За городом ведьму сожгли. И это первый костер. Поверь мне.

Лионардо: Ты язычник, утверждает фра Джираломо, над тобой опасность висит, как меч над родом Медичи. Они уже изгнаны из Флоренции. Уничтожено обиталище разврата.

Микеланджело: Разграблен дворец.

Лионардо: Нет, брат, свершился суд Божий. Лоренцо не получил отпущения от Савонаролы. Сын Лоренцо, Пьеро, нарушил закон о роскоши.

Дядя Франческо: Нет, не нарушил, а преступил. Свадьба Контесины превзошла все мыслимые и немыслимые затраты. Все это за счет флорентийцев. Из дворца даже крысы сбежали.

Микеланджело: Я буду предан роду Медичи.

Дядя Франческо: Предан? Наступили последние дни Флоренции. Фра Савонарола предрек: воды потопа смоют город. Французский король вторгся в Таскано. Народ превзошел все мыслимое в падении своем. Матери пожирают детей своих, а ты говоришь о преданности!

Входит Граначчи.

Дядя Франческо: Пришел твой друг. О нем говорят, что он ездил к чернокнижнику.

Микеланджело: Дядя, я ослаб. Оставьте меня.

Лионардо: Мы будем молиться за тебя, Микеланджело. Тебе нужно сходить к Савонароле. Покаяться и придти к нам в монастырь. Полициано раскаялся в своих грехах.

Уходят.

Микеланджело: Что с Полициано?

Граначчи: Проявилась дурная болезнь. Его и в самом деле сейчас не узнать. Народ смеется и плюет ему вслед. Народ Флоренции не узнать. Не услышишь задорных песен, не увидишь радостных лиц. Как ты себя чувствуешь?

Микеланджело: Теперь лучше.

Граначчи: Долго же ты болел.

Микеланджело: Все в моей судьбе изменилось.

Граначчи: В нашей, Микеланджело. В нашей судьбе. В твоей, может быть, по-особенному.

Микеланджело *(после некоторого молчания):* Как прошла свадьба?

Граначчи: Свадьба Контесины? Ах, да. Ты же знаешь, это политический брак. Струились фонтаны белым и красным вином. Именитых гостей больше тысячи. Королевские подарки, но мне казалось, она искала глазами тебя.

Микеланджело: Я хотел подарить ей Геракла.

Граначчи: Невозможно. Это было бы неправильно понято. Его место во дворике и Строци. Поверь мне, Микеле.

Микеланджело: Пусть будет так.

Граначчи: С чего это твой дядя и брат о чернокнижии заговорили?

Микеланджело: Кто-то видел, как я оглаживаю мрамор и вообразил, что я вожделею и разговариваю с камнем. Заговариваю. После проповедей фра Джираломо Савонаролы тебя и других художников считают колдунами.

Граначчи: У Савонаролы армия: тысячи подростков шастают по улицам, срывают украшения. Избивают тех, кто роскошествует. Избивают всех, кто встает на их пути. Он называет их ангелами.

Микеланджело: Как братья-августинцы относятся к нему?

Граначчи: Говорят, что он будет сожжен на костре. Говорят, он жаждет занять престол Папы.

Входит лютнист.

Граначчи (с веселой иронией): А вот еще одно исчадие ада.

Микеланджело: Здравствуй, друг. Ты мне очень помог.

Лютнист: Музыка врачует и тело, и душу.

Микеланджело: Могу точно сказать, что ты мне помог, а не эти отвары.

Лютнист: Я пропою твой сонет.

Микеланджело: Разве он того достоин?

Лютнист: Послушай:

Куют мечи из водосвятных чаш.
Все на потребу: крест и плащаница.
Христова кровь в продаже, как водица.
Невозмутим и нем Спаситель наш.

Воинственна толпа, вошедши в раж.
Но на Голгофу путь не повторится —
Падет на Рим возмездия десница
За святотатство, ханжество и блажь.

Здесь милость тягостней любой обузы.
Повсюду злые козни — дела нет.
И папский гнев страшней угроз Медузы.

Смиренья небо требует в ответ.
Порвем ли мы привычек рабских узы.
Чтоб искупления увидеть свет?

(Перевод А. Махова)

Микеланджело: Написал в холодном гневе.

Граначчи: А как у тебя получился Геракл?

Микеланджело: Его лицо — лицо молодого Лоренцо Великолепного. Лоренцо Медичи — великий правитель и настоящий мужчина.

Лютнист: Зачем же он пригласил Савонаролу?

Микеланджело: После тьмы свет засияет с новой силой.

Граначчи: Лучше расскажи, как ты разговариваешь с камнем?

Микеланджело: Я не разговариваю. Прикасаюсь и чувствую, что он хочет радости освобождения. Я камню дарую свободу. Радость жизни и борьбы.

Лютнист: А народ запомнит твою снежную бабу. Уверен, весь мир будет лепить снежную бабу, когда выпадет снег. А тебя забудут, и твоего Геракла.

Микеланджело: Мой ребенок — Геракл. Герой и бог. Граначчи, ты кого в себе чувствуешь: бога, героя, человека?

Граначчи: Художника. Думаю, хороший портной — это герой, хороший сапожник — это герой, хороший винодел — герой и бог.

Лютнист: Хороший музыкант — человек и бог, хороший монах — бог и человек, хороший купец — герой и человек.

Граначчи: Добрый человек, доброе сердце от Бога.

Микеланджело: Не знаю, что мне делать. Заказов нет. Деньги отдал родным, за это меня они и пилят. Я непокорный сын и племянник. Дядя Франческо пророчит костер.

Лютнист: Накаркает.

Граначчи: Тебе нужно бежать из Флоренции навстречу судьбе.

Микеланджело: Что ждет меня? Позор иль смерть?

Граначчи: Иль слава!

Комедия Дель Арте в Болонье

Сцена 11

Альдовранди и Микеланджело.

Альдовранди: Мой юный друг, тебе девятнадцать. Здесь, в Болонье, только и говорят о тебе.

Микеланджело: Зачем вы привели меня на площадь?

Альдовранди: Затем, чтобы ты кое-что узнал о себе и посмеялся. Ах, они уже начинают.

Микеланджело: Я не люблю шуток.

Альдовранди: Площадная молва — преддверие большой славы. Отвлекись, отдохни!

На сцене Панталоне и Доктор.

Панталоне: Доктор, дайте лекарство от любви.

Доктор: Оно дорого стоит.

Панталоне: Тогда дайте лекарство для любви.

Доктор: Оно стоит еще дороже

Панталоне: Что же мне делать? Я влюблен. Я так влюблен, как никогда не был влюблен.

Доктор: Когда ты влюбился?

Панталоне: Сегодня утром. Зашел в собор помолиться. Помолился и влюбился.

Доктор: В какой собор?

Панталоне: Там, где работает скульптор без носа.

Доктор: Ах, да! Микеланджело. Ему покровительствовал Лоренцо Великолепный.

Панталоне: А когда Лоренцо помер, его к себе звал Савонарола, затем пришли французы, и он сбежал в Венецию. Я тогда был влюблен в Лукрецию.

Доктор: А сейчас? Здесь, в Болонье, в кого ты влюблен?

Панталоне: В чью-то жену.

Доктор: Не важно чья, а в кого она влюблена?

Панталоне: В безносого.

Доктор: У него, кажется, есть нос.

Панталоне: У него нет обаяния, обоняния, нюха. Он на нее не обращает внимания.

Доктор: Нет чутья. Так это и понятно. Все в Болонье знают, что он очень набожен. Он фигуру ангела с крыльями ваяет.

Панталоне: Муж любит ее, она любит безносого, безносый любит ангела, а я люблю ее. Что мне делать?

Входит Капитан.

Капитан: Убить его. Дайте мне сто золотых и я его хоть сейчас убью.

Доктор: Убивать нельзя. Я не смогу его лечить

Капитан: Убить надежней, чем лечить. Заплати сто золотых.

Панталоне: Нет, я не могу. Это слишком дорого.

Капитан: Чистая работа. Она стоит двести... девяносто... девять, а я всего-то за сто берусь.

Панталоне: Где ты взял такие цены? У нас в Венеции эта работа стоит несколько скуди.

Доктор: Потерпи немного. Пусть он закончит Ангела и затем его можно будет спокойненько отравить. Почти бесплатно. В Болонье художники долго не живут.

Панталоне: Очень приятный факт (*потирает руки*). А почему долго не живут?

Доктор: Хлеб друг у друга отбирают.

Капитан: Так вы будете платить?

Панталоне: Художники заплатят. (*С волнением*): Это она. Со служанкой. Буду наблюдать за ней издалека.

Входят Вдова и Сервета.

Доктор: Она уже бывшая жена. Я лечил ее мужа.

Капитан: Удачно вылечил. Сколько в сумме за лечение выручил?

Доктор: Мало. Очень мало. Неприлично заглядывать в чужой кошелек. Я добросовестно его лечил.

Капитан: Образование дорого стоит, а я себе на жизнь добываю храбрым сердцем и шпагой. Не посрамлю дворянскую честь!

Серветта: Госпожа, желаете я ему записку передам?

Вдова: Если бы ты могла передать ему мои чувства.

Серветта: Работает день и ночь, но я устрою так, что ночью он окажется в ваших объятиях.

Вдова: А если узнают об этом в Болонье? Мне не по себе от одной мысли.

Серветта: Ах, вы боитесь насмешек. Но его ночные достоинства всех острословов победят. Уж я-то молодых людей вижу насквозь.

Вдова: А что я сделаю с деньгами?

Серветта: Так это правда? Художники вам заплатили, чтобы вы его опозорили?

Вдова: Художники считают, что он отбирает у них заказы.

Серветта: Будьте уверены, я что-нибудь придумаю.

Появляется Панталоне.

Панталоне: Хорошо, я заплачу пять золотых. Убей его сейчас. Немедленно.

Капитан: Согласен. Только пообедаю. В животе урчит.

Панталоне: Нет, пообедаешь потом, а сейчас убей. Вот тебе один золотой.

Капитан: Эй ты, безносый, иди сюда.

Выходит Арлекин, он играет Микеланджело.

Капитан: Ну, у тебя и морда.

Арлекин: Хочешь иметь такую же?

Капитан (*оборачивается к Панталоне*): Надо заплатить больше. Он угрожает.

Панталоне: У меня с собой... (*что-то шепчет на ухо капитану*). Ты его тихонечко убей. Будут премиальные.

Капитан (*подбадривая себя*): Так ты, юнец, маляр, каменотес, мордобой из Речицы...

Из толпы выкрикивают: Из Флоренции.

Капитан: Так ты мордобой из Флоренции?

Арлекино-Микеланджело: Тебе не нравится Флоренция? Ты назвал меня мордобоем, неучтиво с твоей стороны, Капитан.

Капитан: Я никого не хотел обидеть.

Арлекино-Микеланджело: Я тебя этим камнем обижу.

Капитан: Не надо так поступать. Я могу разозлиться.

Арлекино-Микеланджело: Я уже разозлен.

Лупит Капитана.

Панталоне: Странный человек. Грубый. Никакой учтивости. Унесу ноги, пока цел.

Серветта (*бросается к Арлекино-Микеланджело*): Добрый юноша, тебя ждет сладкая награда.

Арлекино-Микеланджело: За что?

Серветта: Он покушался на честь моей госпожи, а ты ее защитил.

Капитан: На чью я покушался честь? Мне бы свою спасти.

Убегает.

Серветта подходит к Вдове.

Серветта: Будьте счастливы, голубки.

Вдова: Я уже счастлива.

Арлекино-Микеланджело: И я не прочь.

Вдова: А знаешь ли ты, моя любовь, что художники замыслили заговор против тебя.

Арлекино-Микеланджело: Великий замысел.

Вдова: Они хотят оскандалить тебя через меня. Тогда тебя казнят.

Арлекино-Микеланджело (*обнимает вдову*): Так позорь меня.

Вдова: Я увидела, ты чистый и честный юноша. Я потратила эти деньги на ожерелье. Сегодня я налью тебе доброе вино и зажгу свечи.

Доктор (*выходит на сцену*): Это же надо! Совсем не берегут свое здоровье!

Панталоне: Зачем тратиться на свечи.

Капитан: Я его поймаю и убью из-за угла.

Серветта: Моя хозяйка — щедрая на ласку женщина.

Арлекино-Микеланджело и Вдова: И все в Болонье будут счастливы!

Раскланиваются.

Альдовранди: Доволен ли ты увиденным?

Микеланджело: Потерял свое время.

Альдовранди: Не будь так суров, Микеланджело. Согласись, что это забавно и нет ничего тайного, что не стало бы явным. О тебе говорят много и многое. Говорят, что ты вскрывал трупы, чтобы лучше изобразить натуру.

Микеланджело: Не интересуюсь тем, что обо мне говорят.

Альдовранди: О, если бы ты знал все, что о тебе говорят, тебе стало бы не по себе.

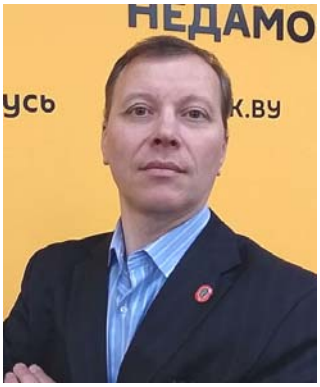
Микеланджело: Я чувствую. Мне больно.

Альдовранди: Будет еще больнее.

Микеланджело: Моя судьба: иметь боль и сопротивляться ей.

Альдовранди: Да, такова судьба твоя, мой юный друг. Только что можно противопоставить страданию, боли?

Микеланджело: Не обращать внимания.



Олег Зайцев
(г. Минск, Белоруссия)

Зайцев Олег Николаевич родился в 1968 году в городе Новополоцке Витебской области. Председатель Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Автор четырех книг поэзии, сборника пьесы и рассказов, книги критики и литературоведения, книги поэзии в переводах на украинский язык. Председатель Оргкомитета и жюри Международного литературного фестиваля «Славянская лира», лауреат международных литературных премий «Молодая Гвардия», им. С. Полоцкого, М. Матусовского, «Славянская традиция», всероссийской литературной премии им. Н. Лескова «Левша», ордена «Культурное наследие», медали им. Е. Замятина. Стихи автора переводились на английский, белорусский, итальянский, казахский, украинский, фарси (персидский) языки.

* * *

И иней серебрит поляны,
И красный лист деревья жжет —
Октябрь зализывает раны,
Диск лунный, как монета, желт.

В молочном мареве кварталы,
Хватив простуды через край,
Вдруг заблестели, стали алы —
Мелькнул луч солнца, как искра.

И заморозкам наступая
На пятки, в Минск спешит рассвет.
И в шарф закутавшись, любая
Синоптик здесь и краевед.

Вновь клекот стай, летящих к югу,
Вновь запах выпревшей травы:
Природа мечется по кругу,
И увядает все, увы...

Осенний холод, отрезвляя,
Подсказывает нам уже,
Что скоротечна жизнь. И зла я
За это не держу в душе.

* * *

Два аиста застыли во дворе:
Пернатая застенчивая пара.
Деревня оживала на заре,
Избавившись от солнечного жара.

Стояли чинно, клювы изогнув,
(Бери мольберт — готовая картина),
Свой взгляд куда-то в землю окунув,
Как стражи у жилища господина.

Дорога рядом, сельское жилье
Птиц не смущали: тишь кругом царила.
Их перья — черно-белое белье,
Что сохнуть свесят под лучи ярила.

В наш край родной они летят всегда
За тысячи нелегких километров,
И как бы не сложились вдруг года,
Нам аисты — хорошая примета.

Им вторя, той земле я поклонюсь,
Что вырастила, силой напитала —
Мой отчий край, моя родная Русь
Ценней мне драгоценного металла!

Светлана Каленчукова
(г. Речица, Белоруссия)

Светлана Анатольевна Каленчукова (в девичестве — Филиппова) родилась в 1984 году в деревне Милоград Речицкого района Гомельской области Белорусской ССР. В 20 лет потеряла зрение, став человеком с ограниченными возможностями. Но это не сломало ее веру в себя, не лишило чувства любви к прекрасному. Победитель и дипломант многих международных конкурсов, лауреат литературной премии им. В. С. Алехина. С 2018 года является председателем Речицкого отделения Беллитсоюза «Полоцкая ветвь».

БЕЛАЯ ТРОСТЬ

Рука взялась за трость и задрожала:
Ах, как же будем вместе мы ходить?..
Я с палкой?.. Нет!..
Еще не осознала,
Что без нее мне просто не прожить.

Зачем она нужна?.. Я не слепая!
Вполне могу ходить совсем одна.
И, бросив трость, из дома выбегая,
Спешу, не видя пред собой столба.

Он вырос как-то вдруг — из ниоткуда,
Мой лоб расцеловав, как только мог...
Его подарок вряд ли позабуду:
Все звезды мира возле моих ног.

Рука взялась за трость и сжалась крепче:
Прошло стеснение, забылся страх.
Я с тростью?.. Да!..
С ней несомненно легче —
Она, как оберег, в моих руках.

Изящная, вся белая такая —
Она со мной в пути всегда, везде.
Я все же смелая, хоть и слепая —
Иду вперед наперекор Судьбе.

* * *

Моя заветная мечта —
Моя нежданная случайность,
Любовь, Надежда, Вера дня
И ежедневная реальность.
В моей душе твоя душа
Всегда единым сердцем бьется.
Ты каждый миг мне так нужна —
Как воздух, как вода, как солнце.

Александр Милов
(г. Речица, Белоруссия)

Милов Александр Федорович — родился в 1949 году в Калининской (современной Тверской) области России. В настоящее время живет в Белоруссии. С 2009 года является членом Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». Печатался в следующих изданиях: многотиражка «Ленинградский метрополитен», газета «Смена» г. Смоленск, газета «Смена» г. Ленинград, газета «Дняпровец» г. Речица, газета «Родительское крыло» г. Бобруйск, журнал «Западная Двина» 2009 г., журнал «Планета — Семья» 2013 г., альманах «Это город мой, это — Речица» г. Речица, 2013 г., сборник «Вместе» г. Речица, 2015 г.

ОСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Так легко пришла эта рыжая,
Эта глупая и продажная,
В раздеванье своем бесстыжая,
В красках бешеных эпатажная.

Вот, взмахнув своей кистью мокрою,
Лес укрыв золотыми ризами,
Мир раскрасила теплой охрою,
Заткала все дождями сизыми.

И в ветвей кружева укутана,
Отвергая краски невнятные,
Карты все, по привычке, спутала,
Разукрасив пространство пятнами.

А сама над бездонным омутом,
Позабыв свои обещания,
Отражением, грустью тронутым,
Совершила обряд прощания,

И потом тишиной укрытая,
Пробираясь лесными тропами,
Чуть туманом седым размытая,
Побрела золотой растрепою.

Чтобы став совершенно лишнею,
Прошуршав по полю печальному,

Одинокой, усталой нищею
Поплестись к Декабрю хрустальному...

ЧУДО-ЖЕНЩИНА
(посвящается Речице)

Будто вещими снами окутана,
В правоте своей убежденная,
Отвергая сомненья смутные,
Даже в малом непобежденная,
До прозрачности хрупкой уменьшена,
Удивительно гордо-статная
Над водой стоит чудо-женщина,
В своей гордости невероятная.
За спиною каштаны ржавые
Осыпают асфальт орехами
И руками машут усталыми
В след тому, что осталось вехами.
Солнце спит за седыми елками,
Приглушив свой цвет апельсиновый,
И на небе крестами тонкими
Купола прорезают линии...
А она стоит удивленная,
И вода возле ног ее плещется,
Правым берегом вознесенная...
Это — город Мой. Это — Речица!

Елена Цейко
(г. Речица, Белоруссия)

БАБЬЕ ЛЕТО

Цейко (Конаш) Елена Валентиновна родилась в 1959 году в г. Березники Пермской области, Россия, однако, своей второй малой Родиной считает белорусский город Речица, в котором она выросла и живет в настоящее время. С 2014 года является членом Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». Публиковалась во многих белорусских периодических изданиях.

Бабье лето уже подступило.
Солнце дарит свой сдержанный луч,
Озаряя, порою, уныло
Мой запутанный жизненный путь.

Душу греет еще утеха,
Будто женщине в сорок пять
Возраст вовсе и не помеха:
Баба — ягодка, мол, опять.

Что поделаешь, годы мчатся,
Как волна, не откатят вспять.
Вот и мне уже не семнадцать,
А исполнилось сорок пять.

Сорок пять... Пролетели, как птицы,
Ах, как хочется их догнать!
Неудачные жизни страницы
Мне бы начисто переписать.

Мне б вернуть их, подправить малость,
След ошибок своих замести.
Но пока никому не уда́лось
В одну реку дважды войти.

Так зачем пред собой притворяться?
Не пора ли, как есть, все принять.
Только хочется лет еще двадцать
Быть мне ягодкою опять!

Екатерина Соболева
(г. Бобруйск, Белоруссия)

Соболева Екатерина Лейзеровна — член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь», автор четырех сборников поэзии: «Бессрочный паспорт на любовь», «Кардиограмма любви», «Вверх по радуге», «Здравствуй, это я».

ЗНАЕШЬ, АВТОР...

Знаешь, автор, день мне напиши.
Нет, не в прозе. Лучше бы сонетом...
И укрась надеждами при этом,
И о жизни лучшее скажи.

Солнце в строки громко позови,
Точками грешить совсем не стоит.
Восклицанье на мажор настроит:
Жизни миг касается любви.

Знаешь, автор, не пиши судьбу.
Там, где мнут бока ветрами тучи,
Знают и без нас намного лучше,
То, что будет вложено в тропу.

Я прочту, и птицею в окно
Вылечу, в себя опять поверю—
В то, что день мне открывает двери
В мир, где без письма совсем темно.

СВАРИ МНЕ КОФЕ...

Свари мне кофе с запахом весны.
А вместо сливок можно солнца ложку?
Еще улыбку, что рисует сны,
Тепла души и грусти понемножку...

Я выпью кофе, сваренный тобой.
В меня ворвется он, как свежий ветер...
И облака крылом над головой
Надежду нарисуют на рассвете.

Свари мне кофе. Будет вкус любви.
Его на память положу у сердца.
Рецепт ты этот счастьем назови,
Чтобы душа моя смогла согреться.

Я ВЫПЬЮ НЕБО...

Я выпью небо вместо чая,
И облако на бутерброд
Намажу. Формула простая —
Взлетать с рассветом в небосвод.

И будет тихо и спокойно,
Внутри меня взойдет заря,
Чтобы нестись вперед достойно
Весенним днем календаря.

А за стеклом рискуют птицы,
Крылом подчеркивая март...
Мне вместе с ними — не разбиться.
Я вместо них спешу на старт.

На старт надежды и победы
За каждый миг моей судьбы,
За силу, что идет по следу
Уже начерченной тропы.

* * *

Давай, мой друг, с тобой поговорим,
Пока в идущий день открыта дверца...
Мы много лет за звездами спешим
И память сохраняем возле сердца.

Нам больно о потерях вспоминать,
О мальчиках, погибших за Победу.
И видеть, как заплаканная мать,
Кладет гвоздики к обелиску, деду.

Не жили мы в израненной стране,
Нас не морила голодом блокада...
И в Бухенвальде, в черной стороне,
Не убивали на страницах ада.

Но это было. Не забыть войну!
Как мало вас осталось, ветераны!
Сквозь мирную сочатся тишину
Боев незаживающие раны.

Ты слышишь, соловей на миг умолк...
Рассвет склонил главу в молчанье строгом.
Готов к параду наш Бессмертный полк,
Мы с ним пройдем по городским дорогам.

Заря алеет... Вот и ночь прошла.
Она, как миг, короткая такая...
Проснувшиеся тихо два крыла
Затрепетали, силу обретая.

В ОТЕЛЕ СЧАСТЬЕ...

В отеле «Счастье» тишина—
Никто сегодня не въезжает.
Открыты двери, и луна
По тихим комнатам гуляет.

А людям словно дела нет —
Бредут вперед, суровы лица...
И дорог, говорят, билет,
Чтобы в отеле поселиться.

Выходит ночь на парапет,
Для посещений кинозалов...
Заложники мясных котлет,
Борщей, рагу и сериалов

Не помнят сердцем, что отель,
Их может прописать без срока.
Апрельская звенит капель.
Ей без прописки одиноко.

* * *

Сегодня было очень одиноко...
Но осень не давала мне грустить.
Стучали капли по намокшим окнам,
И дождь не собирался уходить.

Писал мне письма. Я ждала, не скрою.
Губами нежно целовал висок.
Смеялся и беседовал со мною
Такой, как я, неправильный игрок.

Мне стать бы каплей и поверить слепо,
Туманам, что торопятся на юг.
Где дождь надежно обнимает небо,
И сохраняет силу тонких рук.

Анатолий Мозгов
(г. Борисов, Белоруссия)

ТРИОЛЕТЫ

Родился в 1956 году в г. Борисове Минской области. Имеет три авторских сборника стихотворений: «Туман», «Инженегр» и «На броне». Победитель (2-е место) седьмого Международного литературного фестиваля «Славянская лира-2020», награжден дипломом им. Вильяма Шекспира Всемирного Союза писателей (Германия, Мюнхен).

ХОЧЕТСЯ

Хочется уюта и тепла,
И немного легкой женской ласки,
Что таит тот жест из-за стекла.
Хочется уюта и тепла,
Чтобы жизнь не мчалась, а текла,
Хочется волшебного из сказки.
Хочется уюта и тепла,
И немного легкой женской ласки.

Я В ЛЮБВИ

Я в любви так мало понимаю,
Не смотрите, что о ней пишу
И порой в тоску себя вгоняю.
Я в любви так мало понимаю,
И чем больше слов употребляю,
Тем я против истины грешу.
Я в любви так мало понимаю,
Не смотрите, что о ней пишу.

КАК ДОЛГО

Т. К.

Как долго с Вами разлучен,
Как долго я живу в незнанье,
Томлюсь в тоскливом ожиданье.
Как долго с Вами разлучен,
Но жду заветного свиданья,
Жду встречи с той, в кого влюблен.
Как долго с Вами разлучен,
Как долго я живу в незнанье.

БЕССОННИЦА

Как можно спать в такую ночь,
Когда стихи к тебе приходят,
И рифмы стайкой хороводят.
Как можно спать в такую ночь:
Слова, как звездочки, восходят
И улетают утром прочь.
Как можно спать в такую ночь,
Когда стихи к тебе приходят.

КАКАЯ НОЧЬ!

Какая ночь! Сейчас не спать —
Любить и наслаждаться волей,
От жизни брать и только брать.
Какая ночь! Сейчас не спать,
А жизнь по-новому начать
Без этих дружеских застолий.
Какая ночь! Сейчас не спать —
Любить и наслаждаться волей.

Елена Стрижак
(г. Полоцк, Белоруссия)

МУЖ НА ЧАС
(юмористическое стихотворение)

Стрижак Елена Сергеевна родилась в 1941 году в д. Савченки Витебской области. Автор 15 книг. Победитель конкурса «Огни золотые» в номинации «Герои малой Родины», г. Саратов (Россия) — 2020 год, конкурса «Центр Европы» в номинации «Малая проза», г. Полоцк — май 2021 года. Стаж творческой деятельности — 62 года; первое стихотворение написано в июле 1959 года.

— Грех прости, святой отец! —
В церкви так просил мужчина.
— В Бога веришь, молодец!
Кайся, если есть причина.
— Без работы я сейчас.
Вдруг нашел два объявленья:
«Срочно нужен «Муж на час»...
Я звоню без промедленья.
Женщина открыла дверь:
«К стенке мне прибейте полку!»
Дождь пошел... Отец, поверь!
Мокнуть под дождем — нет толку!
«Час побудь еще со мной!» —
Тихо мне она шептала...
А вчера пошел к другой,
Та живет за два квартала.
Дождь пошел... Отец, поверь!
Пользуюсь большим я спросом.
«Час побудь со мной!» — и дверь
Вдруг закрыла перед носом...
— Чтобы дождик не пошел,
Если бес в ребро толкает,
Сгинь туда, откуда шел!!!
Бес дорогу в ад копает...

Мария Зайцева
(г. Бобруйск, Белоруссия)

Зайцева Мария Викентьевна (Говоровская) родилась в 1951 году в д. Дражня Гомельской области. Принимала участие в десяти коллективных сборниках. Недавно издан авторский сборник детских стихов «Забралась в кроватку лень». Печатает свои стихи в журнале «ЭШЛИ».

БЕЛАРУСЬ МОЯ

Беларусь моя родная,
Мой цветущий, милый край!
Ты как мать для нас — святая...
Так живи, всегда сверкай!

Не допустим чужеземцев
В нашу мирную страну.
Помнят все, кто был под немцем,
Ту жестокую войну...

Не зажили дней тех раны,
О себе дают вновь знать,
И бушуют «ураганы»,
Заставляя всех стонать.

Но зачем, скажите, люди,
Мы должны терпеть, страдать?
Силой нас хотят принудить
Землю нашу растоптать.

На земле своей мы сами
Разберемся, что и как.
Не позволим править нами —
Мир всем нужен, а не мрак.

ВАСИЛЬКОВЫЙ РАЙ

Мы идем по узенькой тропинке.
Рядом рожь. Цветы в траве густой,
Васильки в ажурной паутинке —
Вид, как брошь, с росинкой голубой.

А вдали сливается все с небом:
Лес, цветы, дороги и поля.
Золотится рожь и пахнет хлебом
И в цвету родимая земля.

Мы с любимым будто в рай попали
И вдыхаем аромат цветов.
Душу красотою наполняем,
Радуемся краскам лепестков —

Голубым, как небо, очень нежным,
С тонкой бахромою по краям.
Васильковый рай такой безбрежный,
Морем стелется он по полям.

Будто волны расшумелись летом...
Расставаться не хотелось нам.
Были васильками мы согреты —
Говорю спасибо небесам!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Первый снег — как первое свидание.
Он летит спокойно и легко,
Но закружит вихрем в ожидании,
И поднимет чувства высоко.

Опустив снежинки с лаской, нежно,
Ветер прикоснется к ним слегка,
Заметет простор полей безбрежный,
И замерзнут розы. А пока...

Первый снег и первые морозы,
И цветы под тонкой кромкой льда,
И висят росинки, точно слезы...
Ива в белой шали у пруда.

Первый снег, как первое свидание,
Робкий, чистый, с мягкой бахромой.
Лучшее Всевышнего создание —
Счастье, отбеленное зимой.

Наталья Литвинова
(г. Полоцк, Белоруссия)

МАРКУ ЗАХАРОВИЧУ ШАГАЛУ
(акростих)

Окончила Минский педагогический институт. Член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». Участник НЛО «ЛитКофейник». Печаталась в журналах «Полоцкий летописец», «Западная Двина», «Полымя» и в других изданиях. Лауреат международных и республиканских литературных конкурсов.

Милый старенький Витебск в начале двадцатого века!
Алых маков раздолье, ромашки, репей, васильки,
Резкий запах селедки и чуть подгоревшего хека,
Керосиновой лампы блуждающие огоньки.

У окна приоткрытого — фикус и венские стулья,
Занавеска приподнята, в воздухе — трепет стрекоз...
Ах, Шагал-чародей, ты извлек их из чудного улья,
Хрустнув веточкой липы на улице витебских грез.

Абажур на цепочках, трюмо, табурет на пороге,
Разноцветные коврики, тканые половики...
Отчего же так сердце щемит от неясной тревоги,
Всеобъемлющей грусти, какой-то вселенской тоски?

И салфеточки в прошвах, и чуть потускневшие блюда,
Черный лак этажерки — обычная будничность, быт! —
У Шагала-художника вдруг превращаются в чудо.
Шепот витебских домиков в толще веков не забыт.

Акварели заката пылают пронзительно-ало.
Грозовою чертою ощерился ночи излом.
А летучее время на дивной картине Шагала
Легкомысленно машет
Узорчатым синим крылом.

Татьяна Потапович
(г. Бобруйск, Белоруссия)

Родилась в 1968 году в Бобруйске. В 1985 году окончила Бобруйский автотранспортный техникум. В 1992 году закончила Гомельский государственный университет им. Ф.Скорины. Работает на ОАО «Управляющая Компания холдинга «Бобруйскагромаш». Автор сборника стихов «В плену иллюзий», выпущенного в 2014 году в Киеве издательством «Друкарский двор Олега Федорова».

КРАДЕНОЕ СЧАСТЬЕ

День засыпает в ногах котенком,
тихо мурлычет и жмется ближе.
Тщетно пытаюсь укрыться тонкой,
глупой надеждой, что не увижу

этой, сводящей с ума, улыбки,
линий на нежных твоих ладонях...
Знаю, мечтанья — фундамент зыбкий.
Мы незаметно друг в друге тонем.

Разногляденьем не склеить части,
встречи все реже, мне нужен кто-то...
Чувство вины заменяя страстью,
я заполняю тобой пустоты.

ОЖИДАНИЕ

Здесь все напоминает о тебе:
Забытый зонт, в прихожей пол скрипучий,
Тоскующий треногий «друг» — мольберт...
Уютный дом задумчив, тих и скучен.

А легкий запах счастья не исчез —
Конфеты на столе в хрустальной вазе.
И я — дуреха, снова жду чудес...
Привыкла, дух надежности заразен.

За окнами такая благодать —
Сменила зной приятная прохлада.
До встречи пять деньков, всего лишь пять...
А я грущу, ведь ты еще не рядом.

ДОМ, ГДЕ ЖИВУТ ВОСПОМИНАНИЯ

Искрится одуванчиками луг,
Приятной новизной наполнен вечер.
Любимый дом, привычный мир вокруг
Томятся в ожиданье скорой встречи.
Накрою стол: поспели пироги —
Порадовать хочу детей и внуков.
Скорей бы долгожданные шаги
Встряхнули тишину, в потоке звуков
Ворвался беззаботный детский смех,
Вспугнув кота-пройдоху. Даже стены
Скучают, позабыть не могут тех,
С кем прошлые минуты так бесценны.
Пусть время быстротечно, но тепло
Исходит от притихших давних снимков...
Тоскующее мамино трюмо
Ждет в гости до сих пор свою любимку...

Юлия Агранович
(г. Бобруйск, Белоруссия)

Агранович Юлия Наумовна (Расина Юлия) родилась в 1958 году в г. Бобруйске. Стихи пишет уже 26 лет. Член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». Ее стихи были напечатаны в разное время в семи сборниках стихов. Было издано пять собственных сборников стихов, а также — два сборника совместно с поэтом Виктором Буселем.

СЕДЫЕ МАЛЬЧИКИ

Их нашли в бою, почти убитыми,
На сожженной танком полосе.
Привезли, и санитарка Рита
Вскрикнула: «Они седые все!»

Лазарет, простреленный и маленький,
До смерти уставшие врачи...
Только к ночи вышли на завалинку,
Всем сказав: «Давайте помолчим...»

И молчали яростно, мучительно...
Вспоминали, как спасали их,
Тех бойцов, израненных, решительных,
Мальчиков безусых, молодых.

Вспоминали паренька безногого.
Как метался, маму звал в бреду.
Он кричал, стонал, шептал в тревоге:
«Победим, и я к тебе приду!»

Вспоминали лейтенанта бравого,
Не смогли спасти ему глаза.
Как он рвал и рвал бинты кровавые,
И текла кровавая слеза...

Им бы танцевать, сидеть за книжками,
И бродить с любимой до темна,
Но пожаром страшным над мальчишками,
Пронеслась проклятая война!

Рыжие, и черные, и русые,
Побелели вдруг среди войны.
Мальчики седые и безусые,
Главные защитники страны!

ВОСПОМИНАНИЕ О ЛЕТЕ

Я обожаю теплый ветер,
Несущий стаю желтых листьев!
Они кружатся в небе чистом,
Воспоминанием о лете...

Глаза закрою — вижу это:
Букетов желтых ароматы,
Еще прохладой не задеты
Рассветы наши и закаты.

Еще струится свет лучистый
И облака на мягких лапах,
И с ног сбивает терпкий запах
Цветов в росинках серебристых!

Еще дожди теплы, желанны.
И я без зонтика, с улыбкой,
Еще не рвет нам душу скрипка,
Сливаясь с грустью окаянной...

Октябрьский день медовый, грешный.
Подарок яркий — бабье лето!
Брожу, теплом его согрета,
По желтым улицам неспешно.

И вспоминаю... Теплый ветер
Несет куда-то стаю листьев,
Они кружатся в небе чистом
Воспоминанием о лете!

ЗОНТИК

Из нежности построив мостик,
Он вел ее под локоток!
В другой руке огромный зонтик,
Он от дождя ее берег.
Она спокойно шла по лужам,
А зонтик плыл над головой,
И было видно — не за мужем,
Она — за каменной стеной!
И было ясно — непогода
Для них не больше, чем фантом!
Вдвоем в любое время года
И непогода нипочем!
Пусть лица бороздят морщины,

Но в это утро на пути
Красивей не было мужчины,
Счастливей пары не найти!
Мое насквозь промокло платье,
Я думала, глядя на них:
«Так вот оно, какое счастье!
Огромный зонтик на двоих!»

ГОЛУБЬ

Летаешь в стае белых голубей,
А по утрам садишься на окошко.
Я жду тебя и рассыпаю крошки.
Давай, спускайся с неба поскорей!

Я знаю, милый, голубь — это ты!
Мой белый ангел, посланный судьбой!
Теперь летаешь в стае надо мной
И посылаешь знаки с высоты.

«Я счастлив! Я свободен! Я лечу!
Жизнь так светла без зависти и фальши!
Как жаль, что я не видел это раньше.
Теперь я в небе — только захочу!

Живи, любимая! Земная жизнь мала!
И радуйся... Но если плохо будет,
Тебя твой белый ангел не забудет,
Он прилетит, подставит два крыла».

Ищу тебя. Брожу то тут, то там...
А в доме так невыносимо тихо.
Беру метлу и выметаю «лихо»,
И рассыпаю крошки по утрам.

Александра Лесковец
(г. Бобруйск, Белоруссия)

РЕЧЬ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО ПЕРЕД БОЕМ

Лесковец Александра Александровна родилась в 1989 году в деревне Колбча Кличевского района Могилевской области в семье учителей. В 2011 году окончила университет БФ БГЭУ в Бобруйске по специальности «Экономика и управление на предприятии». С детства увлекается поэзией. Любимые поэты: Александр Пушкин, Сергей Есенин и Владимир Высоцкий. Первое стихотворение написала в девять лет. Лауреат международных литературных конкурсов. В декабре 2019 издала авторский сборник поэзии «Мою жизнь нарисует осень». С февраля 2018 года — член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь».

Славяне! Братцы! Пробил час
Безжалостный и беспощадный.
Надменно смотрит Рим на нас
И потирает руки жадно.

Нам удержаться долг велит
И отстоять свою державу.
Нет! Не сдадим родной земли
Мы иноверцам на расправу.

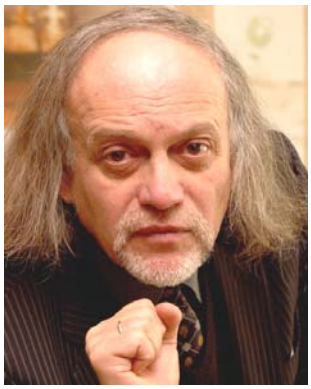
И что нам сладость их речей
И обещание объятий?
Лишь звон монет, да лязг мечей
Врагу доступен и понятен.

Мы своего не отдаем.
Одной стеной и силой станем.
Вовек отсюда не уйдем
И даже мертвыми восстанем.

И если хочет враг войны,
То помнить нам необходимо:
В своем единстве мы сильны!
В единстве мы непобедимы!

Славяне! Братцы! Пробил час!
Захватчик целей не достигнет!
Ведь кто с мечом пойдет на нас,
От нашего меча погибнет!

Вадим Салеев
(г. Минск, Белоруссия)



ПОЭЗИЯ И ПОЭТЫ «ПОЛОЦКОЙ ВЕТВИ»

Салеев Вадим Алексеевич — доктор философских наук, профессор. Поэт, литературный критик, философ, культуролог, Заслуженный деятель культуры Белоруссии, член совета, секретарь секции литературной критики и литературоведения Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». Член Белорусского союза литературно-художественных критиков, член пяти общественных академий (в том числе Белорусской академии архитектуры и Петровской академии наук и искусств в Санкт-Петербурге), вице-президент Белорусской эстетической ассоциации, награжден государственной медалью Франциска Скорины.

С легкой руки Евгения Евтушенко в нашу жизнь вошел, будто высеченный из камня, сакраментальный афоризм: «Поэт в России больше, чем поэт».

В Беларуси, забегая несколько вперед, скажем, это несколько не так; здесь само слово «вялікі», означает не столько — великий, сколько «большой». Может быть это потому, что, как пронзительно заметил Янка Купала, пророк и песняр белорущины, «мы тихо играем», а «хто ціхіх прыкмеце»... Но зато, как правило, слово белорусского поэта идет из глубины...

Так, или иначе, любой восточнославянский поэт исходит из Слова — величайшего сокровища, которым одарен Человек...

Недаром на всем пространстве Древней Руси наибольшей любовью пользовалось Евангелие от Иоанна, которое знаменательно начинается: «В начале было Слово»...

Конечно, слово, взятое в художническом ключе, существенно отличается от потока слов в обыденной речи. Отличается оно и от своего аналога в информационном (так модном ныне!) мире, и от слова в мире мысли, и от научной лексики.

Особенно наглядно это видно в поэзии. Поэзия по своей природе — выразительное искусство. Оно, в этом плане, очень совпадает с музыкой (в своей концепции порождения искусства Г. В. Плеханов полагает, что в древности поэзия и музыка представляли единое искусство и только позднее произошло разделение), в обеих сферах искусства, прежде всего, властвует ритм. «Поэзия — замечает А. Адалис — художество слова. Древние китайцы и древние римляне считали ее величайшим из искусств. Греки полагали ее священной».

Поль Валери отметил, что достойно изумления количество подходов к определению существа поэзии.

Но вернемся с этих высот к практике; поговорим о поэтах и поэзии «Полоцкой ветви» — литературном союзе Республики Беларусь.

Этот, третий по счету, белорусский литературный союз отметил в 2019 году 25-летие со дня своего создания.

Четверть века — достаточно весомый срок, особенно в нынешнем XXI веке —

веке глобализации и информации, когда в геометрической прогрессии растущие технологии угрожают задушить всякое проявление человеческого начала.

Что существенно может противопоставить этому нескончаемому техногенному нашествию человек?

То, что связано с креативным человеческим, «чисто человеческим» (Ф. Ницше) — и в первую очередь с поэзией, которая, как известно, является выразительницей глубинных человеческих чувств. Однако речь идет не только об отдельных поэтах, их, как всегда, в любое, а особенно в наше время, столь «усиленное» Интернетом, хватает), а о создании и функционировании полноценного и полнокровного творческого литературного союза. И это уже, как говорил классик, «совсем другой коленкор».

Всякая история, как известно, имеет свою предысторию. Она фиксируется началом апреля 1989 года, когда тремя полоцкими поэтами было в древнейшем белорусском городе образовано литературное объединение «Полоцкая ветвь».

В 1993—1994 годах возникли уже аналогичные объединения в Минске. А в ноябре 1994 года в Полоцк приехали уже 38 делегатов из восьми городов Беларуси (представители 5 областей страны) и на Учредительном съезде утвердили создание творческого республиканского объединения писателей — Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь». И уже в следующем году Союзом было издано: первый сборник Минского отделения «Октава», и 5 первых книг членов союза; а в 1997, когда в союз входило более 10 писателей, 2 коллективных сборника и 6 авторских книг.

Кроме того, союз непрерывно проводит творческие акции: организовывает творческие семинары по прозе, поэзии, драматургии, участвует во Всемирных днях поэзии, сотрудничает с Международным Сообществом Писательских союзов, Международной Федерацией русскоязычных писателей, Всеукраинским творческим союзом «Конгресс литераторов Украины» и еще целым рядом творческих писательских объединений на пространстве СНГ и Европы.

Но отвлечемся от всех этих организационных реалий и попробуем обратиться непосредственно к творчеству «ветвевцев». И сосредоточиться в этом творчестве, прежде всего, на поэзии. Мы помним, что сам союз «Полоцкая ветвь» был основан тремя поэтами. Поэты были (а, во многом, и остаются) ведущим «мотором» Союза, во всяком случае, и ныне они остаются, по пастернаковской сентенции его «звуковым лицом». Тут следует сделать важную оговорку. Первоначально поэты «Полоцкой ветви» имели, на мой взгляд, полупрофессиональный статус. Это — лучшие из них, которые до того печатались в сборниках, газетах... Большая же часть, не имея гуманитарного (тем более — филологического) образования и вовсе составляла внушительный отряд любителей. Но анализ 25 прошедших лет наглядно показывает, что непрерывная работа человека над собой порой способна порождать чудеса. И к большинству поэтов — «ветвевцев» непосредственно относится замечание О. Мандельштама о Блоке: «он жадно расширял и углублял свой внутренний мир во времени». И лучшие из поэтов «Полоцкой ветви» ныне, несомненно, достигли профессионализма и вполне отличаются «лица необщим выраженьем».

Это легко доказуется и общей стилистикой их поэзии, и характером построения образов, и лексикой, своеобразно употребляемой каждым из них.

Мы представляем творчество 11 лучших, на наш взгляд, поэтов «Полоцкой ветви» и трех «зарубежных» представителей белорусского литературного союза (вспомним, что в последнее время многочисленные литературные связи «Полоцкой ветви» приводят и отдельных литераторов, не проживающих в Республике Беларусь, к мысли присоединиться к союзу).

Итак, вот они — лучшие из лучших, с краткой характеристикой и своими непосредственными «строчками».

1. **Михаил Баранчик.** Этот поэт из небольшого белорусского города Лиды обладает неожиданно цепким взглядом; причем в обозрение входит все — природа, исто-

рия, метаморфозы человеческой жизни. И просторечная лексика странным образом сочетается у него с «парением в высях».

ДВОРИК ДЕТСТВА

Маленький старый домик с низкой покатой крышей.
Заросли из сирени. Маленький огород.
Там по ночам шуршали в темном подполе мыши,
И не хотел ловить их старый ленивый кот.
Тесный уютный дворик. Старый забор — калека.
Помнит песок дорожек след моих сандалет.
Заросли из крапивы прямо в рост человека,
Что же, что человеку только всего пять лет...

* * *

Всюду хаос и мрак, и скверна.
Даже меркнет солнечный свет...
Бог забыл этот мир, наверное,
Неудачный эксперимент.
Не суди — не судим будешь...
То не Время пошло в отрыв.
Виноваты ведь сами люди,
Божий замысел позабыв.
Правят бал нынче зависть, злоба —
Только САМИ выбрали путь.
Милосердие? И не пробуй...
Благородство? Совсем забудь.

* * *

Не долго длился желтых листьев танец.
Закончили деревья свой стриптиз...
И только я, веселый оборванец,
Сижу и жду — вдруг повторят на «бис».
Дождем свинцовым сыплются в фонтаны
Литые пули спелых желудей.
И вновь с асфальта влажные каштаны
Глядят глазами грустных лошадей...

2. **Маргарита Богданович (Марго Волкова).** Эта поэтесса отличается логикой и рациональным подходом. У нее, преимущественно, все выражено прямо и четко. И метафорика строится по большей части линейно. К тому же ритм в стихотворениях временами не очень ровен, да и в рифмах порой проскальзывает неточное слово. Но зато энергетика выше всяких похвал!

У ЗЕРКАЛА

Просветлеют глаза по осени,
Отражая печаль небесную.
В них трава, что тобою скошена,
Обернулась стернею честною.
Не смотри на меня, опасна я,

В зеркалах притаюсь невесело.
Знаешь, я вечерами праздными
Все о чем-то бесовском грезила...

* * *

Я знаю, тем тебя не погублю,
Что сказано в усталости, в печали;
Пусть люди больше б горя не встречали
В словах: «Тебя я не люблю»
. . . . . .

Я шанс тебе даю! Пока я сплю,
Не склеивай расколотую чашку
И не терзай увядшую ромашку.
Что толку в том? Тебя я не люблю.

* * *

Летели качели домой
из сырых атлантик,
А кошка в окошке надела
весенний бантик.
Лентяи линяли, меняли во сне окрасы,
а в битве за жизнь истощались боеприпасы,

заливы солили морские живые грузы.
Чесали часы циферблаты чеширским усом.
Орехи в прорехи из беличьих гнезд катились.
А как нам весну пережить, ну, скажи на милость?

3. **Олег Бородач.** Поэт — один из основателей Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» — обладает врожденным чувством ритма и высокого уровня лексикой, обнажающей общую высокую культуру стиха. Много лет отдал воспитанию творческой литературной молодежи. Нельзя отрицать и того, что Олег Бородач является большим мастером перевода.

* * *

В жизни видимой, но незрячей,
Забавляюсь гаданьем на
Совместимости слов — иначе
не узнаешь, чем ночь темна.
И вышептывая причуды,
как имена, над ночником,
Я провижу, с кем скоро буду,
а не скоро — воскресну в ком.

* * *

Когда на плечи рухнул небосвод
и придавил меня к земным печалям,
Казалось, ярость глотку разорвет...
Но лишь Слова я выдавил вначале

. . . . . .

Иные смыслы обретают нас,
когда мы, враз одумавшись и каясь,
к приюту слов не обращаем глаз,
а ищем долу откровений завязь.
«Что это было?» — тихо я спросил,
и небосвод, обрушившись, ответил
в неполный голос мне: Упадок сил...
Как много слов. Как мало в них отметин.

* * *

Текстом с места, без врезок,
Без подстилки солом,
Взор туманно нерезок
За отмерзшим стеклом.
. . . . . .

Текст проявится смутно,
Но возьмем в оборот
И подстилки и — судно, и глаза отопрет...
Для того и прозрею
У оконного льда.
Слово кутает шею,
а тебя никогда.

* * *

Иосиф Бродский.
(Перевод)

Так долго вместе прожили, что вновь
второе января пришлось на вторник,
что удивленно поднятая бровь,
как со стекла автомобиля — дворник,
с лица сгоняла смутную печаль,
незамутненной оставляя даль.

Іосіф Бродскі.
(Пераклад)

Яны сумесна так даўно,
што зноў другога студзення аўторак,
і здзіўлена паднятае брыво,
нібы ў табе ўбачыў сябра вораг,
зганяла з твару смуту, і яна
празрыстай пакідала далеч дня.

4. **Александр Гугнин.** Доктор филологичеких наук, поэт переводчик (в основном — с немецкого), литературовед. Поэзия основана на русской классической поэтической традиции. Строгая выверенность стиля, четкость мысли, классическая лексика.

* * *

Думающему о вечности,
Открой окно, вдохни прохладный воздух,
Оставь тоску не думай о себе,
Накинь пальто — иди, пока не поздно
На улицу — там снег, осенний первый снег.
Иди, топчи тропу, пока он не расстаял;

Ты будешь ближе к вечности, поверь,
Она ведь тоже женщина, живая,
И нужен ей не евнух — человек.

НА ПОЛОТЕ

Брату

В этой речке неглубокой
Окунуться, что ли, нам?
И уплыть мечтой далекой
По игрушечным волнам.
Или, может, в этих ивах
Лечь, как много лет назад.
И смотреть как в высях синих
Тучки белые скользят.
Иль взойти на холм покатый
И увидеть лес вдали,
И вздохнуть, что безвозвратно
Годы лучшие ушли.

5. **Олег Зайцев.** Один из создателей «Полоцкой ветви», обладатель множества литературных наград, медалей и премий (в том числе международной премии им. С. Полоцкого). Эволюция стиля этого поэта может служить наглядным пособием для начинающих пиитов: он прошел большой путь от фиксации обыденного до высокого характера обобщений. Эта контрастность, сочетание высокого и простонародного, как и эпатирующий антиэстетизм составляет характерную черту поэтического стиля О. Зайцева. Как и публицистическое начало, подкрепленное мощным энергетическим импульсом, которое, хотя и приводит, порой, к длиннотам в поэтическом тексте, но, с другой стороны, усиливает мысль, порождает качественное поэтическое обобщение.

* * *

Любая идея слабее плача младенца —
От этого мне, куда б не стремился, не деться,
И если спросить: мое безотказно ли ЭГО,
Услышать ответом рискую не только эхо.
Все это не раз проходили,
И память на то, чтоб в чащобы лезть, интриги.
Опять не плести. Поводырь за финал — в ответе.
И если не я отомщу, непременно — дети.

* * *

Жизнь не в большом таится,
Кроется в мелочах.
Руки раскинь, как птица,
Дрожь улови в плечах.
Дай разогнуться чувству,
Мыслям набрать разгон.
Чтобы припасть к искусству.
Совесть поставь на кон.

* * *

Полна Беларусь красотой синеглазой,
Полна черноглазой, зеленой красой,
Я как за магнитом, за чудом, заразой,
Плетусь за какой-нибудь русой косой.
. . . . . .

Ищу я в бездонных зрачках поднебесья
И в омутах черных, зеленых ищу
Шаманство болот первозданных Полесья
Чащоб ворожбу, где жилось кривичу.
В обилие глаз бы мне не заблудиться,
В созвездии взглядов бы вдруг не сгореть...
Я снова, как зоркая, дерзкая птица,
Взлетаю и падаю в глаз круговерть.

* * *

Вгрызаюсь в скорлупу вчерашних дел,
Цепляясь за кору людского быта,
От этой спешки явно обалдел
И рад, что колесо мое разбито.
Даль бесконечна, я упасть готов,
Порвав свой бег на лоскуты, на точки,
Чтоб стать однажды, с высоты годов,
Отцом одной, но гениальной строчки.

6. **Александр Ключников.** Поэт, который ценит креативное начало выше всего. Тяготеющий к сатире и юмору, он, в то же время, способен представить образчики подлинной, пронзительной лирики.

* * *

В руке — мечта, на сердце — плесень
Отгнивших чувств, и тихо плещет
По венам пульс пустой, зловещий,
как ритм потустронних песен,
. . . . . .

как колокол погоста. Слышишь
упругий звук крови ненужной?
Наружу просится, наружу
Все тише просится, все тише.

ЯБЛОЧКО

Вздрогнули, понеслась!
Гикнули и — аллюром...
Наискось — брызги, грязь,
а вокруг — ельник бурый.
А над миром — судьба
фиксой злит золотою,
лупит в свой барабан

тощей синей рукою.
. . . . . .

И под «Яблочка» ритм,
под аккорды сивухи
пляшем мы у корыт,
как над мусором мухи.
Мы на свалке чудес,
да и здесь мы чужие.
Мы — певцы странных мест,
Мы танцоры России.

* * *

Как трудно ощутить себя героем.
Как просто ощутить себя никем.
Как сложно мне порою жить с тобою.
Гораздо проще — завести гарем.

* * *

Мадам, хотите, не хотите ли,
но я бы честно Вам сказал,
что Ваша внешность — на любителя.
А я же — профессионал!

* * *

С тобой мы ошибались оба,
Пытаясь вылепить судьбу:
Мне виделась любовь до гроба,
ты видела ее в гробу!

АЛХИМИК

Не бурлит котел, не горит очаг,
метастазы искр в дымоход пуская.
Пересох бадьян, оплыла свеча,
полумудрых сов улетела стая.
. . . . . .

Так из года в год, так за веком век
голубем, гонцом, почтой, Интернетом,
по огням сердец, по теченьям рек
шлем свои слова, сказки и сонеты.
. . . . . .

Ждем: когда ж ответ эхом долетит,
светом звезд, пока мы хандрим над ними.
Не змеиный яд по сердцу струит —
чем-то посильней опоен Алхимик.

7. **Наталья Литвинова.** Поэтесса с удивительным чувством мелодики стиха. И в подборе лексики: кажется, что выточенные слова из ее стихотворений кружатся в

вальсе. А еще она является мастером такого своеобразного, тонкого жанра, которым является акростих. Поэтессе подвластно виденье не только красоты северной, близкой ей, природы, но и восхищение природой южной, казалось бы, отдаленной от нее.

* * *

В белом кружеве вьюжной метели,
В колыханье узорчатых штор
Этих родинок темных на теле
Несмолкающий разговор.

КРЫМСКИЕ СЮЖЕТЫ

Июлье! Словно соусом «Сотэ»
Залито солнцем Ялтинское лето!
Медузы, море, смесь pop-art и света
Коктейль кокетства и «Алиготэ».
Истома. Нега. Золотистый пляж.
Блаженная ласкающая праздность.
Фривольных фраз и жестов куртуазность.
Легчайших чувств волнующий мираж.
. . . . . .

Зажата бархатистая пыльца.
Морской волны цветные переливы
Твои глаза — как две лиловых сливы.
На лаковой майолике лица.

Магнолии и флирта аромат.
По краю тонкой рюмки — сахар-иней
И гроздьями сиреневых глициний
Чарует вечера чернеющий агат.

И все же главное, что покоряет в поэтической манере Натальи Литвиновой — это тонкий переход от живописи природы к человеку и стремление передать трепетность чувств, который объединяет два этих прекрасных мира.

* * *

Листва золотыми рыбками
Ныряет в прозрачность луж...
И губы — полуулыбками,
И ломано-неуклюж
Твой трепетный жест, снимающий
Пушинку с моих волос.
И пристальный взгляд мерцающий
Из сумрака линз. Белес
Осенний туман над улочкой.
Закат — в золотом пуху.

И пахнет румяной булочкой
Из форточки наверху.

И, наконец, об упомянутых выше акростихах. Здесь, казалось бы, стихотворная стихия должна подчиняться строгой регламентации, и искусственность положений, связанных с обязательностью откликаться на ту или иную букву, задействованные в стихе, выходит на первый план, естественным образом стреножа поэта. Ан, нет! Уникальность поэтического почерка Н. Литвиновой заключается в том, что ее вовсе не сковывает нормативизм акростиха и ее лирическая доминанта так же ярко выглядит, как и в «свободном» стихосложении.

В качестве примера акростих из сборника «Вернисаж», посвященному художнику Федору Маркевичу.

* * *

Малиновым звоном сквозь дымку ласкает
Атласно-скользящая млечность рассвета.
Размытая розовость в пепел стекает
Капелью прозрачною. Два силуэта
Едва различимы в простуженном парке.
Весенние проблески нежного марта
Иллюзией льстят. И в туманности арки
Чуть тлеет заря, словно в небе Монмартра.
Финифтью прописаны лужиц оконца,
Едва прорисованы черною тушью
Деревья. Сквозь мглу прорезается солнце
Осколком витражным. И кажется чушью
Размолвка влюбленных...

8. **Василий Мельников.** Творчество этого поэта таит в себе известную загадку. Он окончил экономический ВУЗ, большую часть своей жизни занимался строительным делом. И если энергетику его стихотворства еще как-то можно объяснить, ссылаясь на генетические основания, то как объяснить особую метафорику, которая появляется в его стихах, и где прямо ощущается изощренная литературная традиция, берущая свое начало в «серебряном веке» русской словесности?

И при этом всегда возникает ощущение контраста: лексика, вроде, самая простая, и вдруг возникает слово, которое изменяет всю тональность восприятия.

* * *

Мне не хватает чернил испещрить лист вчерашнего дня,
Укрывавшего праздность мою от несчетных пороков,
На которые в кассах билетных осталась броня
По заявке зашедших к весне колдунов и пророков.
За спиною — года. Впереди — ускользающий миг.
Разносолы мечты из буфета голодного детства,
Потемневшие полки еще не прочитанных книг
И из круга часов радиального времени бегство.
. . . . . .

В то же время у поэта присутствует цепкий, внимательный взгляд на природу, на взаимоотношения людей, на красоту, рассеянную на Земле.

* * *

Сужался времени зрачок,
Как исключение из правил
Осинник зелени пучок

В листву кипящую добавил.
И обжигались облака,
Глотая варево рассвета.
В котором плавала строка
Стихами пахнущего лета

* * *

Там, где Субботу пеленали в лен
И тьма пропахла Гефсиманским садом,
Он пел псалмы, обугленные взглядом
Из преисподней вылезших времен,
И озарял языческую речь,
Пытаясь в Слово истину облечь.

* * *

Когда надменно, с высоты
Бросая взгляд на очертанья
Людской безликой суеты,
Ты видишь остов мирозданья,
Не торопись давать совет
Тому, кто льет на Землю свет
И побуждает в суете
Не забывать о красоте.
. . . . . .

Поэт издал четыре поэтических сборника. И те «блестки», о которых говорилось выше, все чаще возникают в пространстве стиха Василия Мельникова. А может разгадка его «изюминок» коренится в непрерывной работе по совершенствованию стиха, в его непрестанном чтении классиков русского «золотого» и «серебряного» веков (по его собственному признанию) — каждый раз под новым углом зрения. И новые, как уже говорилось, непрекращающиеся поиски приводят поэта к новым свершениям. Об этом, в частности, свидетельствует и его победа (1-е место) в номинации «Художественный перевод» — по версии жюри и зрителей на 3-м Международном литературном форуме «Славянская лира — 2016». Таким образом был оценен его перевод с французского стихотворения Сюлли-Прюдома «Радости без причин».

Причины бедствий на виду у всех,
Но тайн полны истоки благодати.
Не греет душу соболиный мех
Ее чаруют поиски объятий.
Не спится небу на моих руках.
Вселенная — подобие расстриги —
Сверкнула счастьем в дальних облаках.
И снова тьмы тяжелые вериги.
Откуда этой радости лучи?
Из рая, что открыт наполовину,
Где звезды безымянные в ночи
Высвечивают сердца сердцевину?

И именно это непрерывное стремление к совершенству открывает Василию Мельникову дверь в храм Высокой Поэзии.

9. **Александр Раткевич.** Поэт — один из создателей (вместе с О.Н. Зайцевым) и председатель Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» (с ноября 1994 по ноябрь 2009 г.).

Окончил филологический факультет БГУ, являлся организатором многочисленных поэтических вечеров, составителем и редактором антологий современной русской поэзии поэтов Полотчины и Беларуси. Награжден множеством дипломов и медалей. Автор десяти книг, стихотворений, начиная с «Високосного февраля» (1991 г.) и заканчивая «Песнью кометы» (2018 г.). Является основателем концепции «катарсизма», которая претендует на создание нового направления в литературе, несмотря на нечеткое понимание самого термина — «катарсис»; у создателя литературного направления можно отметить стремление к получению нового поэтического качества посредством «движения к жизнеутверждающим путем трагедизации характера, эмпатизации души и обновления поэтического языка произведениям».

В собственно поэтическом творчестве А. Раткевич придерживается классической традиции, особую роль отдавая рифмосложению, преобразованию реальности посредством поэтического воображения.

* * *

Как писали в начале века,
так же пишем мы и в конце,
так же рыщем по дну сусека,
чтобы рифмы сыскать в грязце.

Как и прежде, струны анафор
Мы пытаемся оживить
и ласкающий бриз метафор
необычностью окрылить.
. . . . . .

Неужели и мы вторичны
в океане добра и зла?
Век закончится феерично,
мы, как спички, сгорим дотла.

ТРОИЦА

Снег чувствителен и женственен,
в пелене ночных огней
необузданно — божественен
триединый бег коней.
Сила, что ли, в них клокочет?
Блещет избранная стать?
Или это время хочет
Тайну бега обуздать?
Или в храме их сгорает
По бессмертию тоска?
Иль за звездность звон карает
бубенцами у виска?
. . . . . .

И сияет подвенечно
сквозь вселенское кольцо

триединое навечно
Нашей Родины лицо.

ПАРАДОКС

Одни говорят: первична
Материя, лишь потом
Она создала логично
Идею, как хромосом.
Другие — идеалисты,
отвергнув силки острот,
они утверждают истово:
все было наоборот,
но это из слов мочало;
и я говорю с огнем:
поэзия — вот начало,
а суетное потом.

* * *

На пороге нового века
Я присяду, чтоб осознать:
жизнь, что прожита — ипотека,
что не прожита — благодать.
Было то, чему и названье
подобрать нелегко сейчас:
то ли радость, то ли страданье,
в то же время — и плач, и пляс.
Но снимая обувь при входе,
я не жалуюсь, что в природе
все равны, и век невелик.
Почему же при первой встрече,
как в предчувствии черной сечи,
мне его ненавистен лик?

МАСТЕРСКАЯ СЕРДЦА
(циклопоэма)

Я искал материал для любви.
Из чего ее сделать можно:
из травы, из пыли дорожной,
из песка, из злобы острожной,
что замешана на крови?
. . . . . .

Или, может, взять круговерть
Ветра, тучи, дождя и грома,
Замесить их, как тесто, дома
и подбросить до окоема,
где едины любовь и смерть?

10. **Олег Сешко.** Военный моряк, капитан 2 ранга запаса, председатель Витебского отделения Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», художественный руководитель литературного клуба «Литкофейник».

Лауреат литературных премий, победитель и лауреат ряда Международных конкурсов, форумов и фестивалей. Автор сборника стихов «Чистая сила любви. Сказки». В поэтической манере О. Сешко явственней всего чувствуется народная «фольклорная» основа. Это дает сильную энергетику и в тоже время лишает стих изящества.

* * *

Все, что живое, только для меня,
В моей душе рождает океаны,
Себя я узнавать не перестану,
Цвет мысли примеряя к фону дня.
Мне нравится искать себя в чужом,
А находя, ловить зерно восторга,
Печь новый хлеб и грызть сухую корку,
Я есть во всем, чем нынче окружен...

* * *

В сонных каштанах бессонные аисты
Дни отмеряют по сердцебиению,
Будни из памяти вычистив начисто,
Если не начисто — более-менее!
Молами скалятся лица портовые.
Пенятся волны, шумят, ерепенятся.
Ждут на причалах печали пудовые,
Скоро прибудут их новые пленницы.

ТРОЕ

В начале света под старой вежей
Сидели трое, друг другу внемля.
Делили на три слова и земли,
Глотали воду и воздух свежий.
Поодаль копья точил Георгий,
Поил дракона вином плодовым..
Тащили бабы мужей в подолах —
Сгодятся после для месс и оргий.
. . . . . .

БЕСХОРДНОСТЬ

Шатер Якуба пришел в негодность,
Порвались крылья соседской дочки,
Альберт Михеев косил от срочки,
Являя миру свою бесхордность.
Коптило солнце кастрюлю с супом,
Любовь кормилась из рук разлуки...
Отняли крылья, пришили руки,
Пустив на нитки шатер с Якубом.

. . . . . .

РОЖДЕНИЕ

Капли из кружки винной
Стали «небесной манной».
Вышел мужик из ванной,
Шею из петли вынул.
Сел на крыльце нахмурен,
Вытянул в вечность ногу,
Бросил окурок Богу:
«Позже вернусь — покурим».
. . . . . .

Сердце кричало: «Счас я,
Счас заведусь, ребятки!»
Дождь, на несчастье падкий,
Рядом с душою шлялся.
Пенилось утро пивом,
В птичьем теряясь хоре...
Вышел мужик из горя,
Умер мужик счастливым.

11. **Вадим Яр.** Известный философ, культуролог, художественный критик. Окончил филологический факультет БГУ, аспирантуру философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Лауреат премии Белорусского Союза литературно-художественных критиков (1999 г.), международной премии им. Симеона Полоцкого (2017), обладатель литературных медалей им. Ф. Искандера (2012), Е. Замятина (2018). Литературным творчеством занимается с конца 50-х годов. В поэзии любимый жанр — хокку, выпущены 2 сборника стихов хокку — «Ты вечна, красота» (Мн., 2001), «Силуэты Минска» (Мн., 2017). Победитель поэтического состязания «Поэтри-слэм» в рамках седьмого фестиваля литературы и культуры «Славянские традиции» в Праге (2018 г.).

В лучших своих хокку автор, конечно, достигает «плотности» стиха за счет концентрации мысли, неожиданно заканчивающейся чувственным «выбросом», но это не снимает «шероховатостей» в области формы, где не всегда выдерживается классический вариант принципа строения хокку «5—7—5».

* * *

Солнце осветило небо...
Успокоило море,
Наполнило смыслом мир.

* * *

Солнце, деревья и море —
Как стены дома...
Неизбывная тяга места...

* * *

Тяга полной луны
Манит с собой...
Лунная дорожка вдоль сердца...

* * *

Ты ушла.
А комар прилетел...
Его писк возвращает лето...

* * *

Оранжевый шар солнца
Катится в море...
Как необъятен мир!

Из цикла «Приазовский ветер»

* * *

Полумесяц в небе...
Мечеть в степи...
О, крымская земля...

* * *

Жгучий удар
От рьяного солнца...
Выжженность мысли...

* * *

Северный ветер рождает
Пенные волны...
Но юг парит надо всем.

* * *

Крик чаек над морем...
Он бесконечен...
Как и круги жизни.

* * *

Азовский прибой...
Возник внезапно,
Как перелом судьбы.

* * *

И долетел аж сюда,
На берег азовский,
Скрип родимой сосны...

* * *

Ветер с Северо-Запада
Вздувает барашки волн...
Стынет пыл сердца...

Озерный цикл

* * *

Как же тянется глаз,
Вкупе с бурливой душой
К этой озерной сини...

* * *

Крик чаек над озером...
Дождь моросит...
И давит печаль...

* * *

Забавно видеть,
Как под рокот дождя
Угасает лето.

* * *

О, это трозвездие башен
Над озерной страной!
Переплетенье веков!

* * *

Край на перепутье
Трех стран... И озера...
Глубинная, донная жизнь!

* * *

После дождя...
Одинокая лодка вдали...
Горечь в душе...

Итальянские этюды

* * *

Сколько веков, лиц
Ты повстречал, Колизей...
Мощной истории знак...

* * *

И волчица твоя,
как животворная нить,
Рим, вечный град...

* * *

У собора Сан-Пьетро.

Разноязыкий говор.
Тень Христа на весь мир...

* * *

Ночью — вальяжный,
Утром — суетный,
Вечный, вечный Рим.

* * *

Солнце и Италия
Близнецовая связь —
Вечные скрепы...

Силуэты Минска.

* * *

В середине Европы,
На разломе геосфер —
Стоит город мой...

* * *

В брезжащем сне
Вдруг ясно увидел
Твои силуэты, Минск.

* * *

Вот я опять здесь,
В оковах этого града,
Как в излучье судьбы!

* * *

Несется с ратуши звон...
Как символ свободы
Пронзает века...

* * *

Красный костел.
Как напомнил
О начале страшного века!

* * *

Мальчик и Лебедь —
Этот фонтан источает
Слезы: радость и скорбь.

* * *

Шляхетный сверху —
Мужицкий снизу...
Вот он, город сердца моего.

* * *

Минск из космоса
Так хрупок и нежен...
Одуванчик в ночи...

* * *

Город мой:
Как ни кручусь —
Все дороги к тебе!..

Разумеется, представленные поэты составляют лишь малую часть поэтического пространства «Полоцкой ветви».

А среди множества тех, кто достоин упоминания (а в некоторых случаях и большего, куда большего — и подробного анализа и, порой, слов восхищения), различаются поэты как бы трех «волн», соответствующих разным периодам существования литературного союза.

Первую «волну» составляют старейшины «Полоцкой ветви», чьи строки увидели свет еще до воцарения XXI века. И здесь мы находим блестящего поэта, автора 7 книг поэзии Евгения Матвеева, слишком рано покинувшего нас. Высокой оценки достойно и поэтическое творчество известного белорусского ученого Геннадия Римского, особенно следует отметить его деятельность в качестве переводчика.

Добрых слов заслуживают и поэты Вадим Борисов за особую ритмику стиха и один из первых организаторов союза Сергей Мороз (романтический лирик). К этой когорте может быть отнесен и автор нескольких поэтических книг Александр Супей — в его четверостишиях порой таится глубинное философское начало.

Ко второй «волне» и с начала 2000-х в качестве передовиков могут быть причислены Владимир Демидов (мягкой силой скрепляющего мозаику слов), Ирина Денисова (удивляющая пронзительной искренностью), Виталий Москалев (с присущей ему философичностью стиха).

И, наконец, третья «волна» — поэты 10-х годов начавшегося столетия, нынешние активаторы «Полоцкой ветви». Наиболее активны из них Дмитрий Юртаев (юмор, тонкая стилизация и блестящий художественный перевод), Ирина Мацкевич (сочетание математически выверенной мысли и взрыва чувства, глубокое ощущение белорусской стихии), Тамара Ковалева (энергетическое продолжение восточнославянской стихотворной традиции), Елена Цейко (с ее пронзительной интонацией поисков Света).

И много-много других. Некоторые только приобщаются к словесному искусству, иные уже овладели основами стихотворного мастерства. «Полоцкая ветвь» — демократический литературный союз.

Он строится на внимании к каждому члену, направлен на совершенствование литературной «амуниции» любой «единичной» поэтической индивидуальности.

Открытость союза сказывается и в том, что его двери были всегда открыты и для «людей со стороны», живущих и творящих не на территории Республики Беларусь.

Так, антология «Полоцкой ветви» в 2009 году заострила внимание на своем московском «ответвлении», куда входили поэтесса Галина Красуцкая, прозаик Раиса Осадчая, поэт и прозаик Алексей Слесарев.

Следует еще раз подчеркнуть, что Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь», как никакая другая творческая организация Беларуси, имеет и поддерживает крепкие связи с целым рядом украинских и российских литературных союзов. Более того, многие писатели (и не только родных восточнославянских стран) выказывают желание вступить в Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь». И самим фактом своего творчества, как правило, повышают «планку» литературного мастерства союза, служат наглядным примером для молодых служителей поэзии.

Из «зарубежных» членов белорусского литературного союза мы выбрали 3 яркие персоналии.

1. **Бандорин Алексей** — поэт, публицист, редактор, член СП России, председатель правления Рязанского союза литераторов. Победитель, лауреат и дипломант 50 региональных, российских и международных литературных конкурсов, фестивалей и премий. Кавалер орденов Г. Р. Державина, М. Ю. Лермонтова, В. В. Маяковского, С. А. Есенина, «Золотой есенинской медали», медалей А. С. Грибоедова, А. П. Чехова, С. Я. Маршака. Председатель жюри Международного литературного фестиваля «Под небом рязанским», член жюри ряда Международных поэтических фестивалей, литературных конкурсов, мощный современный российский поэт.

* * *

Зачитал я судьбу до дыр,
Зачитал до зевоты, до слез,
Столько раз на мороз выходил
Под оснеженный шелест берез.
Все в ней лихо, как Божий день,
Все в ней жутко, как Божий суд,
Все желанно, как детская лень,
Все постыло, как рабский труд.
Все дороги ведут в Рим,
Но приводят всегда на погост.
Все молитвы горчат, как дым,
Но всегда достигают звезд.

2. **Салтыкова Людмила** — поэт, переводчик, публицист, литературный редактор. Член ряда Союзов писателей России. Президент Международного литературного конкурса-фестиваля «Под небом рязанским», председатель Международного конкурса — фестиваля творчества детей и молодежи «Во имя мира на земле». Кавалер литературных орденов Г. Р. Державина, М. Ю. Лермонтова, С. А. Есенина, В. В. Маяковского, 10 медалей выдающихся писателей и деятелей культуры. Победитель более 30 международных конкурсов и фестивалей культуры. Интересный поэт, первоклассный переводчик, яркая фигура в детской литературе.

* * *

Наважденьем тех же истин
Жизнь моя стекает в бездну,
Сгустком слез, стихов и писем,
Не желая вдруг исчезнуть.
Те же солнца, ночи, весны...
Дождь ли, снег — под тем же небом.
Серп — вопрос над утром росным:
«Это быль, а может небыль?»

ОСЕНЬ В ЛЕСУ

(Перевод с болгарского)

Ветер листочки на крыльях несет,
Дрозд — Босоножка уже не поет —
С певчими птицами мчится на юг.
Осень здесь стала хозяйкою вдруг.
Кустик притих, одинок стал и глух.
Зайка под солнышком чинит кожух.
Мишка храпит под разваленным пнем,
Спать ему сладко там ночью и днем.
Ветер пусть дует, и дождик пусть льет,
Серый туман пусть по лесу ползет!
Заинька в теплую шубу одет,
Мишку пушистый укутает плед.

3. **Крыжановская Людмила.** Неоднократный победитель в поэтических номинациях различных Международных конкурсов в Беларуси, Украине, России, Германии, Израиле, Чехии. Славится своим переводческим мастерством. Обладает исключительной энергетикой, органичным ощущением мелодики слова.

ЗЛАТОЦВІТ

Гарячо-жовті пелюстки
Так ніжили твої долоні;
Ту пам'ять зберегли роки
Про ясну квітку на осонні...
Про незбагненну высочинь,
Куди від щастя ми літали...
Як часу зупинявся плин
І всесвіту було нам мало...
. . . . . .

Коли яріє златоцвіт,
Повітря ніжним шалом грає...
Твоїм коханням стільки літ
Живу осяйна, як у раї.

РОДНАЯ РЕЧЬ

(Максим Танк, пер. с белорусского)

Из древних сказаний, преданий священных,
Из тяжких колосьев пшеничных полей,
Из солнечной ласки и звезд во Вселенной,
Из огненной мощи бурлящих ключей,
Из птичьего щебета, гула дубровы,
Услады и горечи — изо всего,
Что вечною славой скрепляет основу
Святыни народа, бессмертья его, —
Ты, речь белорусская, соткана словом.
. . . . . .

Ты — пламень негаснущий в сердце народа,
Сквозь время и тьму, словно огненный меч,
В суровых сраженьях дорогу к свободе
Прорубишь, могучая, дивная речь.
Развеется дым. Солнце нивы освятит,
Над ними споешь ты весенним дождем,
И жизнью ты вновь зазвенишь в каждой хате,
В цимбалы вдохнешь их серебряный гром
И вспыхнешь цветущей улыбкой дитяти.

Подводя итоги, можно сказать, что поэты «Полоцкой ветви» — самое многочисленное отделение ныне государственно-признанного Белорусского литературного союза — всегда составляли его основу, его устойчивое, стабильное ядро, начиная с конца 80-х годов XX века, когда провинциальное литературное объединение в районном белорусском городе начало постепенно превращаться в Республиканский литературный Союз. Полнокровный литературный организм, члены которого путем долгого совершенствования превратились в настоящих писателей. Лучшие из них стали известны далеко за пределами Беларуси, они участвуют в международных литературных форумах и фестивалях, семинарах и конференциях, неоднократно оказывались в качестве победителей и призеров разнообразных конкурсов и смотров, награждались медалями и литературными премиями. И — как и весь союз, уникальный в этом отношении, — вступают в активное сотрудничество с литераторами разных стран, хотя восточнославянское «направление» — Россия и Украина — и поныне является приоритетным.

И поэты «Полоцкой ветви» в этом магистральном, широчайшем, всеохватном движении — «вперед и вверх» — всегда играли и поныне играют ведущую роль.

Они — в подавляющем большинстве своем — несут с собой как бы особую миссию: на белорусской земле «колдуют» над русским словом. И тем самым осуществляют, наполняют каждодневным светом связующую нить, которая скрепляет братские узы двух восточнославянских народов, порожденных из одного древнего корня, переживших множество исторических испытаний, включающих последнюю Великую войну. И стремящихся в новом тысячелетии вместе противостоять многочисленным современным вызовам.

И поэты на этом сложном, многотрудном пути, следуя заветам легендарного Бояна, пытаются, в меру своих сил, противостоять всесилию «мира потребления», нацеливать человека на «горнее», на высоту чувств, пробуждать в нем неистощимую жажду творчества (как и завещал столетие назад великий поэтический чудотворец русского слова):

О, я хочу безумно жить:
Все сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся воплотить!

И дай Бог, чтобы в этом благородном деле им сопутствовали Успех, Удача и Радость!

Юрий Клеванец
(г. Осиповичи, Белоруссия)

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ РУССКОЙ И РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ БЕЛОРУССИИ ПОСЛЕДНИХ ТРИДЦАТИ ЛЕТ

Клеванец Юрий Васильевич родился в 1964 году в г. Красноярск-26 (Железногорск), среднюю школу окончил в г. Осиповичи, окончил МАИ в 1987 году. Литературной деятельностью занимается с 1994 года. С 2004 состоит в «Полоцкой ветви», в настоящий момент — заместитель председателя литературного союза.

Настоящий обзор, конечно, можно было бы начать с так называемых «западноруссистов», неформального общественного объединения конца Х1Х — начала ХХ века, но, думаю, тогда доклад превратился бы по размерам в роман. Скажу только, что во все времена на территории современной Республики Беларусь были группы людей, ориентированных на Россию. А если смотреть на эту картину с точки зрения литературы, то можно сказать, что и в Советской Белоруссии, и в Республике Беларусь находилось и находится немало русскоязычных писателей и поэтов, но, скажем так, при общей тенденции к все большей русификации, опубликоваться или вступить в Союз писателей им было, мягко говоря, непросто.

Не претендуя на всеохватность, предлагаю слушателям некоторые примеры того, как решались подобные проблемы в течение последних десятилетий.

1

Первым способом для реализации писательских амбиций русских/русскоязычных авторов Беларуси будем считать отъезд в Москву. Так, например, поступил известный белорусский прозаик, литературовед и критик Алесь Адамович.

Алесь (Александр Михайлович) родился в деревне Конюхи Копыльского района в 1927 году, но все детство и юность провел в поселке Глуша Бобруйского района.

Я бывал в 90-х годах в Глуше неоднократно. По сути, это большая деревня на старой дороге Москва—Варшава. Над дорогой и над деревней нависают корпуса и трубы полуживого стеклозавода, бывшего когда-то ударной стройкой первых пятилеток. Здесь Адамович учился в школе, здесь встретил войну, участвовал в антифашистском подполье, отсюда ушел в партизаны, долгим кружным путем вернулся, потом поступил в БГУ.

Однако надо сказать, что, в отличие от белорусскоязычной в первой половине ХХ века деревни, города и местечки тогдашней Беларуси были в значительной мере русско- или польскоязычными. Поначалу и Адамович, как не деревенский житель, по-русски, наверное, писал побольше, чем по-белорусски. В целом он, как писатель, оставил впечатляющее наследство: романы «Война под крышами», «Сыновья уходят в бой», «Каратели», несколько повестей, рассказы, сценарии фильмов, написанные в соавторстве книги «Я из огненной деревни», «Блокадная книга».

Как писатель Адамович прежде всего лирик и романтик, и не будь в его судьбе войны, он писал бы, наверное, о бригантинах, которые отходят от причалов. Болезненный опыт войны перевернул сознание юноши, привел Адамовича-писателя в ряды авторов, пишущих так называемую «окопную прозу», а Адамовича-человека сделал непримиримым и даже воинствующим пацифистом.

Парадоксальное словосочетание «воинствующий пацифист», наверное, лучше всего подходит для характеристики зрелого Адамовича как человека. Стремление яростно проповедовать милосердие привело нашего героя сначала в ряды тех, кого с началом перестройки стали называть демократами, а в последующем — либералами.

Умер доктор филологии, лауреат Государственной премии БССР, кавалер орденов Адамович в 1994 году, после инфаркта, последовавшего за эмоциональным выступлением в Верховном суде РФ. Причем в минском посмертном издании избранной прозы Адамовича (2012 год) говорится, что он выступал с речью в поддержку Международного литфонда, а белорусский автор Валерий Гришковец, о котором здесь мы еще поговорим, утверждает, что Александр Михайлович просто отстаивал интересы некоей определенной группы литераторов против остальных. Кому верить — как всегда в последнее время, решать самим читателям.

Поэт Игорь Шкляревский моложе Адамовича на 11 лет, но творческая судьба его чем-то похожа на судьбу названного выше прозаика. Родился Шкляревский в Славгороде, в семье учителей, то есть провинциальных интеллигентов, подобных родителям Адамовича. Еще в молодости начал писать и печататься в Минске на русском языке. Затем переехал в Москву, но не затерялся и в столице.

Автор, по-видимому, наиболее адекватного перевода «Слова о полку Игореве» на современный русский язык (более поздних переводов — Е. Евтушенко и Ю. Разумовского я не читал). Безусловный лирик. Лирика природы у Шкляревского некоторыми местами сопоставима с образцами Тютчева, Фета, Бунина. Однако у Шкляревского были и моменты воспевания породы, аристократии, короче, того, чем так увлекалось наше общество в начале 90-х годов прошлого века.

Но еще раньше, в октябре 1984 года, Игорь Шкляревский выступил с вполне гражданственной поэмой «Слово о мире» в журнале «Юность», после публикации которой редакция получила сотни восторженных откликов от читателей. То есть представлять поэта исключительно воспевателем природы, оторванным от социальной жизни, как это делается в некоторых комментариях литературоведов, я бы не стал.

Лауреат Государственной премии СССР, кавалер орденов Игорь Шкляревский — наш современник, недавно отметивший свое 80-летие.

Владимир Некляев и Светлана Алексиевич почти ровесники. Некляев родился в 1946 году, а Алексиевич — в 1948. Обоих тоже можно отнести к категории «отъехавших», правда, не в Россию, а на Запад. Некляев, скажем так, западник, он родился в городке Сморгонь, Алексиевич родилась на Западной Украине, но затем семья переехала в БССР.

Владимир Некляев изначально, похоже, не собирался становиться писателем. Только к тридцати годам он начал публиковаться на русском языке в республиканской молодежной газете «Знамя юности». Затем, написав поэму о строителях БАМа, стал лауреатом премии Ленинского комсомола, неоднократно печатался в Москве. Я, к примеру, нашел его стихи в журнале «Юность» за июнь 1983 года. В конце «перестройки» Некляев сам стал издателем, выпускал и редактировал русско- и белорусскоязычный журнал «Родник/Крыница», а несколько позже вошел в руководство белорусского Союза писателей.

Надо сказать, что тогдашний Союз писателей был очень политизированной организацией, весьма критично настроенной по отношению к власти. Поэтому Некляеву, выражавшему настроения и интересы своих коллег по Союзу, вскорости пришлось

эмигрировать (при этом А. Новиков, к примеру, пишет, что Некляев эмигрировал, чтобы спастись от ревизии его финансовой деятельности, а не от политических преследований — см. А. Новиков, «Неизбежный поворот», Мн., 2012, стр. 44; впрочем, одно у нас другому не мешает). Поэт жил в Польше, Финляндии, Швеции. Написал там несколько повестей, рассказов, множество стихов, теперь уже исключительно на белорусском языке. В целом произведения этого периода мрачны и даже чернушны, что, возможно, соответствует требованиям нового социального заказа для поэта. Я бы специально обратил внимание читателей на рассказ «Хайбах», поскольку он не просто мрачен, а еще и страдает налетом провокационности.

Хочу выделить еще один момент. В журнале «Юность» №6/1983 среди нескольких опубликованных стихотворений Некляева одно называлось «Партизанский суд». В нем говорилось о ночном расстреле какого-то предателя времен оккупации Белоруссии немцами. Спустя тридцать лет автор переделал стихотворение, придав ему мистический смысл и придумал новое название — «Волколак». Здесь, как видно, тоже не обошлось без исполнения социального заказа (стихотворение можно прочесть в книге «Выбраныя творы», Мн., 2010).

В 2010 году поэт Некляев вернулся в Республику Беларусь для того, чтобы быть выдвинутым кандидатом в президенты. В этом же году в Москве издана его книга «Окно» на русском языке.

На выборах поэт получил то ли 1,7, то ли 1,8 процента голосов, после чего постепенно отдалился от политической деятельности, снова вернувшись в литературу.

Путь Светланы Алексиевич к писательству более прямой. Она окончила журфак БГУ, работала в разных изданиях тогдашней БССР. Стать писателем Светлане помог Алесь Адамович. В 1983 году у Алексиевич вышла первая книга «У войны не женское лицо». В этом же году по рекомендации Адамовича она стала членом СП Белоруссии. Немного позже писательнице была вручена премия Ленинского комсомола за первую книгу.

В дальнейшем у Алексиевич вышли еще пять книг, написанных в том же ключе. Это сборники интервью. Сама писательница после «перестройки» много лет прожила за границей. В Европе ее книги выходили большими тиражами, намного большими, чем на родине. Теперь, то есть после получения Нобелевской премии, Светлана Алексиевич вернулась в Минск.

Тексты интервью в перестроечных и постперестроечных книгах Алексиевич обработаны и выстроены в определенном порядке. Сначала идут такие истории, с которыми любой постсоветский читатель согласится в целом или полностью. А ближе к концу появляются словесные «крючки», могущие вызвать неприятие большинства публики, если бы они были напечатаны сами по себе, без предыдущих доверительных рассказов. Но вместе все проходит. Алексиевич, пожалуй, сейчас самый известный современный писатель Белоруссии.

Следующая пара «отъезжавших» или «отъехавших» белорусских авторов родилась в Полесье, Алесь Кожедуб в Ганцевичах в 1952 году, Валерий Гришковец — в Пинске в 1953. Оба окончили Высшие литературные курсы в Москве, при этом у Кожедуба уже был диплом филолога БГУ. Оба много публиковались в российских и в белорусских изданиях, имеют литературные премии. Прозаик Кожедуб в целом успешно поднимался по карьерной лестнице, став, в конце концов, главным редактором издательства «Советский писатель». Гришковец чаще подвизался на разных работах, не связанных с литературой.

С творчеством Кожедуба я знаком по раннему рассказу «Ошибка» из журнала «Юность» № 6/1985 и по большому роману «Мерцание золота», написанному в мемуарном ключе и опубликованному в нескольких номерах минского журнала «Неман» за 2019 год.

Сравнив ранний рассказ с поздним романом, можно сказать, что художественная

отточенность не является коньком Кожедуба-прозаика, и за почти 35 лет, прошедшие между публикациями рассказа и романа в смысле стиля у этого писателя ничего не изменилось. На мой вкус оба произведения несколько рыхловаты. Но также надо отметить, что видимой особенностью творческого метода Кожедуба является использование иронии. В рассказе ирония приглушенная, в романе—разительная.

Однако и в одном, и в другом случае А. Кожедуб просто описывает то, что сам видел или слышал.

Прозаик и поэт Валерий Гришковец, с чьим творчеством я знаком по книге «Я из тех», изданной в Минске в 2012 году, в своих стихах и рассказах также говорит о том, что сам видел и слышал. От А. Кожедуба Гришковец отличается пристрастным отношением к тому, о чем пишет, в своих произведениях он негодует, печалится, радуется. Отдельные стихи Валерия Гришковца стилистически правильны и красивы, но в целом некоторая недоговоренность при обилии слов присуща и этому автору.

И А. Кожедуб, и В. Гришковец занимают видное место в Союзе писателей России, и в Союзе писателей Беларуси, в которых оба автора состоят. При этом Валерий Гришковец вернулся из России в родной Пинск, Алесь Кожедуб остался москвичом.

2

Чтобы рассмотреть вторую тенденцию, определяющую творчество русских и русскоязычных писателей в нашей стране, вернемся в конец 1980-х годов. Я здесь уже говорил, что тогдашний Союз писателей Беларуси, потом переименованный в Союз белорусских писателей, увлекся политикой, как впрочем, и другие творческие союзы, и не только в нашей республике. Не секрет, что основное направление политической мысли тогдашней творческой интеллигенции было националистическим и антирусским. В силу этого для русских и русскоязычных писателей и поэтов появились дополнительные трудности в публикации своих творений, для них в целом закрылись двери в Союз писателей. Поэтому произошло то, что и должно было рано или поздно произойти: появившееся в 1989 году творческое объединение «Полоцкая ветвь» в 1994-ом было переформатировано как Литературный союз. Основателями нового союза стали полоцкие поэты Александр Раткевич и Олег Зайцев. В начале существования союзом руководил А. Раткевич, сейчас уже несколько лет председателем является О. Зайцев.

Александр Раткевич родился в 1954 году в Ивангороде Ленинградской области. В 1965 году семья будущего поэта переехала в Полоцк. Александр окончил филфак БГУ. Стихи Раткевича печатались в разных изданиях с 1972 года. Разработал и декларировал художественное направление «Катарсизм». Автор девяти сборников. Пишет также прозу и публицистику.

Поскольку я сам уже пятнадцать лет состою в «Полоцкой ветви», то могу сказать, что неплохо знаю творчество Раткевича-поэта. Здесь мы рассмотрим два авторских сборника: «Тайна ходьбы», Мн., 2012, и «В сентябрьском круге», Мн., 2009.

Более ранний сборник, на мой взгляд, и более поэтичен. Видимо, сам сентябрь склонил автора к лирике, к неспешным размышлениям. Здесь можно найти и очень неплохие строфы. В целом же мир поэта довольно эклектичен. Заметно сильное влияние поэзии серебряного века. Но автора также увлекает и славянская архаика. Есть элементы того, что в 20—30-е годы прошлого столетия называлось «есенинщиной». Переплетение будничной рутины, модерновых вскриков, картин природы, славянофильства, да плюс неровный ритм, употребление возвышенной лексики, тяга к словотвочеству... Все вместе, по-видимому, и есть катарсизм Александра Раткевича.

Чтобы слушателям или читателям не показалось, что я имею какой-то зуб против катарсизма, скажу, что само направление не вызывает у меня никакой негативной реакции, а люди, способные в нынешней несколько унылой действительности разра-

батывать некие направления в искусстве, даже любопытны. Скажу только, что лозунги и манифесты сами по себе — пустые воздушные шарики, их обязательно нужно наполнять смыслами, текстами, контентом.

Олег Зайцев родился в 1968 году в Новополоцке, окончил факультет журналистики БГУ, работал в редакциях газет, сейчас сам является издателем и редактором. Живет в Минске. Издано несколько сборников стихов О. Зайцева, он же является соавтором коллективных книг прозы.

Писатель Зайцев постепенно прогрессирует от 90-х годов до настоящего времени как в техническом плане, так и по части художественных образов. Кроме того, особенностью творчества Олега Зайцева, на мой взгляд, является то, что в нем заметна густая публицистичность, даже в самой интимной лирике.

Прозаик Федор Конышев состоял в союзе «Полоцкая ветвь» с момента его основания. Он родился в 1932 году в деревне Котельно Полоцкого района. Во время Великой Отечественной войны был в партизанском отряде, затем — сыном полка. Окончил Литературный институт в Москве. Член Союза журналистов СССР. Заслуженный работник культуры БССР. Автор многих рассказов, повести «Тополя на курганах», романа «Ход конем» Федор Конышев был и остается после его смерти, первым лицом среди прозаиков «Полоцкой ветви». Его произведения являют собой пример хорошо сбалансированных текстов как в художественном, так и в чисто «техническом» смысле, а также в подборе фактического материала, в знании истории.

Прозаик и поэт Василий Миронов родился в 1958 году в городе Нижний Тагил. Много лет живет в городе Бобруйске. Является членом нескольких литературных союзов. В «Полоцкой ветви» занимает должность секретаря секции прозы. Книги Миронова издавались в Республике Беларусь, в России, в Израиле. Как прозаик В. Миронов больше склонен к бытописательству. Сравнивая ранние и более поздние публикации этого автора, особенно прозаические, можно заметить прогресс как в смысле идей, так и по части формотворчества.

Романист из «Полоцкой ветви» Валерий Туловский родился в 1965 году в городе Молодечно, где проживает и по сей день. Автор пяти книг прозы. Творчество его начиналось в качестве литературного негра по написанию дамских романов. К сожалению, это самое «негритянство» наложило свой, на мой взгляд, негативный отпечаток на работу автора. В. Туловский пытается, как я вижу, выйти из-под давления литературных штампов и банальностей, обильно усеявших дамские романы, но это ему не всегда удается.

Поэт Василий Мельников родился в 1959 году в Минске. Окончил институт народного хозяйства. Имеет два сборника стихов. В «Полоцкой ветви» с 2014 года. В. Мельников идет в своем творчестве по стопам Бродского и Мандельштама, обволакивая обыденность на европейский манер в одежды красивых метафор.

Вообще же я соглашусь с профессором Вадимом Салеевым в том, что «Полоцкая ветвь» прежде всего сильна своими поэтами.

3

Третьей тенденцией, характерной для сообщества русских и русскоязычных писателей Беларуси можно назвать переход в организованный не без помощи так называемого «административного ресурса» Союз писателей Беларуси. Современный Союз писателей Беларуси сложился, во-первых, в результате административного давления на Союз белорусских писателей, а во-вторых, из-за разногласий внутри самого этого союза. Из уст Олега Зайцева уже прозвучало, что русскоязычные члены СБП в 90-е годы прошлого века отнюдь не чувствовали себя комфортно в среде своих белорусскоязычных коллег. Поэтому они подхватили идею расхождения, предложенную им властью. К этому ядру примкнула и часть белорусскоязычных писателей в надеж-

де на то, что вместе с новым-старым союзом, поддерживаемым административно, вернется и прежняя сытая жизнь литераторов.

Разделение произошло в течение 2002—2006 годов. Некоторое время части бывшего единого союза тужились-пыжились в стремлении доказать, что именно они здесь самые главные в литературе. В полемике «щепки» отлетали и в сторону «Полоцкой ветви». Сейчас, похоже, борьба поутихла или, по крайней мере, утихает.

Рассмотрим поближе творчество некоторых русскоязычных авторов из СПБ.

Анатолий Аврутин родился в 1948 году в Минске, где и живет по сей день. В 1973 году окончил истфак БГУ. Печатался с 1973 года. В России поэт Аврутин известен, наверное, больше, чем в Беларуси, поскольку много публикуется от Калининграда до Ростова. Во всяком случае, я не раз и не два слышал от наших российских гостей прошлых фестивалей «Славянская лира» вопрос: а как вы относитесь к Аврутину? В нашей республике поэт Аврутин широко известен только в узком кругу литераторов. Во всяком случае, в трех осиповичских городских библиотеках есть только один сборник его стихов — «...От мира сего», Мн., 1991. Это поэт сложившийся и профессиональный. Если Шкляревского можно назвать Фетом второй половины XX — начала XX1 века, то Аврутин — заместитель Шкляревского в этом качестве по Беларуси. Ну, или младший брат. Кроме того, он человек, что называется, тароватый, имеет организационную жилку, является издателем собственного журнала.

Однако в своем союзе писателей Аврутин является чем-то вроде боксерской груши для тамошних критиков. Думаю, это следствие того, что поэт был активным застрельщиком создания СПБ, но в силу разных причин не стяжал там ответственных постов. Поскольку критиковать действующих писательских руководителей членам СПБ неполиткорректно и даже опасно (мне известны последствия подобной неосмотрительности), а региональных авторов — неинтересно, то Аврутин, как автор известный, но не начальствующий, хорошо подходит в качестве мишени для критики. Надо сказать, что поэт порой и сам дает поводы для критических стрел.

В свое время я изучил статью Натальи Капы (Капитолянской), как раз и посвященную критическому разбору творчества Анатолия Аврутина (см. «Літаратура і мастацтва», 25.12.2008). Н. Капа утверждала: вот эта метафора взята из такого-то стихотворения поэта, скажем, 30-х годов, а такая-то строчка — из другого стихотворения другого поэта. Для меня, технаря по образованию, такое открытие было внове, я постарался проверить инвективы из той статьи и с некоторым даже пришлось со вздохом согласиться.

Николай Чергинец, многолетний председатель СПБ, родился в 1937 году в Минске, начал взрослую жизнь в качестве футболиста минского «Динамо», окончил Высшую школу тренеров и юрфак БГУ, после чего служил в милиции, где и дослужился до звания генерал-лейтенанта. В 1984—87 годах проходил службу в Афганистане. С 1996 года трижды избирался в Совет Республики Беларусь.

Литературой занимался с 1970 года, с 1977 года член Союза писателей Белоруссии. Издано не менее 50 книг его прозы, в основном — детективы. Я знаком с творчеством Н. Чергинца по романам «Вам задание», «За секунду до выстрела», изданным одной книгой в Минске в 2008 году.

Признаюсь, брался я за чтение романов Н. Чергинца не без предубеждения. Интернет в свое время был завален негативными отзывами о творчестве этого автора. Ознакомившись с текстами, понял, что все так и не так. Как всегда неоднозначно. С одной стороны, сам нашел несколько, скажем так, некорректных моментов, которые, в целом, могли бы быть устранены при более внимательном редактировании. Вот один пример. Стр. 135. Начало нового раздела. Первое предложение. «К концу 1942 года немцы вновь захватили стратегическую инициативу» (вообще в книге говорится о некоей милицейской династии—это была мода такая в 1950—70-х годах в СССР, писать о династиях; вершиной подобного рода я считаю многотомное сочинение

«Пряслины» Ф. Абрамова). Дав кратенькое описание общего состояния дел на фронтах, автор переходит к тому, чем занимался в то время один из главных героев, в то время—командир взвода разведки одного из полков Красной Армии. А герой рыл землю, строил блиндаж, но делал он это летом. «Погода стояла жаркая...» — уточняет автор немного спустя. В приведенном предложении надо бы просто написать «в середине», а не «в конце», и все встанет на свои места и с точки зрения реальной истории, и исходя из логики повествования.

А так — детективы как детективы, может быть, несколько крупноватые, все-таки больше 850 страниц в книге, не шутка. Подобные вещи публиковались в СССР в издательстве ДОСААФ или в «Молодой гвардии». Не будем же мы считать произведение плохим только потому, что оно похоже на те, что печатались 40 или 50 лет назад.

Замечу еще, что автор не очень концентрируется на описании времени действия. Получается, что тридцатые годы прошлого века, что шестидесятые, что эпоха царя Хаммурапи. Все равно полно разбойников, хулиганов, семейных дебоширов. Опер ты или просто сыщик—работы для тебя хватит. Ну, разве что, в конце последнего романа у милиционеров портативные рации появляются. Прогресс все-таки есть.

Елена Попова родилась в 1947 году на территории Польши, где проходил службу ее отец. В 1950 году семья переезжает в Минск. Окончила журфак БГУ и Литературный институт в Москве. Член Союза писателей СССР с 1979 года. Прозаик и драматург.

Рассмотрим творчество Е. Поповой на примере книги «Восхождение Зенты» (Мн., 2007). В ней четыре небольших романа: «Восхождение Зенты», «Большое путешествие Малышки», «Седьмая ступень совершенства», «Пузырек воздуха в кипящем котле».

Проза Елены Поповой показалась мне несколько тяжеловесной, но в то же время весьма качественной. Читать ее нелегко, я бы не назвал перечисленные романы увлекательными. Впрочем, не увлекательны они для меня, возможно, из-за того, что это все-таки женский взгляд на жизнь. Но, тем не менее, повторю — сработано качественно. Особенно хочу отметить построение диалогов.

По-видимому, автор хорошо знает то, о чем пишет — о деятельности иностранного офиса по распределению гуманитарной помощи (примета 90-х годов в Республике Беларусь, роман «Восхождение Зенты»), о закулисье театра («Большое путешествие Малышки»), о полукриминальной и откровенно криминальной подноготной купи-продаевских фирм («Седьмая ступень совершенства), об атмосфере в «творческих» коллективах («Пузырек воздуха в кипящем котле»).

Заметно пристрастное отношение к героиням—женщинам: мужчина может выразиться грубо, но не так едко. Впрочем, героев-мужчин автор тоже не жалует. Без черной краски нарисован, пожалуй, только маг-фокусник из «Седьмой ступени совершенства».

Героини Е. Поповой живут как бы во сне. Или у них такая близорукость, не позволяющая видеть сколько-нибудь отдаленные предметы. А, к примеру, про Малышку, главный персонаж одного из романов, автор говорит прямо: она жила-жила, да и уснула. Во сне вышла замуж, родила дочь, развелась... Короче: проснулась, а дочь уже большая, даже и бизнесом занимается.

Отмечу и то, что Е. Попова почти не показывает течение времени, в этом ее романы как-то напоминают и превосходят рассмотренные выше произведения Н. Чергинца. Вот, к примеру, уже упомянутая здесь Малышка в первый раз робко входит в театр, а вот у нее уже внуки. Жизнь прошла. Что изменилось в мире? Ну, разве что раньше в театре шла пьеса про доменную печь, а теперь на сцене скачет варьете. Скакали-скакали, пока театр не развалился... Все.

Мне было интересно: к какому литературному направлению можно отнести прозу Елены Поповой? Порылся в интернете — посмотреть, что люди об этом пишут. С

удивлением обнаружил, что не очень-то представлена Е. Попова в Сети. Вроде бы и идеи есть, и известность, и рука набита...

Итак, что я нашел: сама писательница в одном из интервью назвала себя символистом. Еще в двух комментариях были даны определения «магический реализм» и «европейский мистический роман». Про символизм — пока не решил. Думаю, возможно, и соглашусь. С остальным — нет. «Магический реализм» — это там, далеко, у Маркеса. От Маркеса до Поповой столько же, сколько от латиноамериканской горячности до белорусской «млявасці».

Вся же наша постсоветская «европейскость» уже просто утомляет своим запахом и привкусом икры «заморской баклажанной». Думаю, что предшественником Е. Поповой следует назвать все-таки не Маркеса, а В. Маканина, который в своих произведениях вывел целую шеренгу вялых «недотыкомок», у которых каша изо рта вываливается. Из наших современников похоже, хотя и более злобно, писал Пелевин.

Юрий Горбачев (Юрась Нераток, Юрий Юлов) родился в 1961 году, в Мостовском районе Гродненской области, в семье учителей. Детство провел в деревне Ходаки Ивацевичского района Брестской области. Окончил политехнический институт, живет в Минске, работает инженером. Поэт, прозаик, публицист. Увлекается музыкой. Член СПБ и Российского союза писателей. Пишет на русском и на белорусском языках.

Вообще говоря, в работе инженера категорически неприемлемо разгильдяйство. А поэтическое творчество чурается педантизма. Как Ю. Горбачеву удается сочетать в себе столь разнонаправленные виды деятельности — бог весть. Тем не менее, у поэта Нератка стихи получаются вполне достойные. Отмечу как редкость в современной литературной среде вообще — Юлов-Нераток может быть очень приличным сатириком.

Автор любезно предоставил мне на рассмотрение свой роман «Комбатанты» впервые изданный в 2012 году. Читал я его, наткнулся на фразу о том, что в болоте возле какой-то выдуманной писателем, но явно западнобелорусской деревни во время Великой Отечественной войны утонули два немецких танка — и тогда все понял. Понял, что это очередная юловская хохма.

Итак, построение романа по Ю. Юлову. Берется некий анекдот, в три слоя оборачивается тщательно выписанными характерами героев, подробностями быта послевоенной деревни, повторюсь — из Западной Белоруссии, мифами, опять же, чисто «западэнскими», да еще зачем-то пришпиливается Вильям наш Шекспир, добавляется всякая ботва типа переноса во времени — и вот на тебе, читатель, ешь, не подавись.

Прочитав, начинаешь думать: а зачем? Какова была цель автора, старательно настукавшего столь многа букав? Зачем писатель парился, до миллиметра выстраивая лексику героев так, чтобы и не уйти от исторической достоверности, и быть понятным для современного читателя, как правило — горожанина? Более того, насколько я понял, книгой предлагается потчевать и российскую публику — зачем это ей? Может, автору кажется, что российскому читателю как раз не хватает западэнских мифов? Или Ю. Юлов пытается убедить всех, что история — это тоже дышло, как повернул — так и вышло?

Несколько лет назад я уже пытался в частной беседе убедить Ю. Горбачева не тратить время и талант на производство многостраничных приколов, не стрелять из пушки по воробьям. Вижу, что у меня это не получилось.

А я знаю, что, например, домашние кошки, если хозяин долго не обращает на них внимание, начинают всячески хулиганить. Дети в тех же обстоятельствах поступают так же. Вызывающе ведут себя и девицы, обиженные невниманием предмета их воздыханий. Да вот еще футуристы столетней давности устраивали «великие кощунства» для привлечения публики, о чем нам поведал А. Толстой в своем большом романе. Возможно, в этот ряд следует поставить и Нератка-Юлова.

А в России, думаю, и своих мифотворцев с избытком.

4

Четвертая тенденция такова: не уезжать, не входить ни в какой литературный союз, но напрямую сотрудничать с российскими издателями. Не секрет, что, во-первых, подобного рода деятельность стала возможной на просторах Синеокой Республики только с двухтысячных годов. А во-вторых, она требует особой осмотрительности и политкорректности с учетом как «своих», так и российских реалий. Поэтому, в свете сказанного, литератор, идущий по четвертому пути, должен реализовывать свои амбиции в жанре детской литературы. Ну, или писать дамские романы. Дети — везде дети, дамы — везде дамы, поэтому именно в этих жанрах минимум риска задеть трепетную и ранимую душу сильных мира сего с одной стороны, а с другой — не сплоховать по части тиражей.

Андрей Жвалевский родился в 1967 году в городе Гродно. Окончил физфак БГУ. В литературе с 2002 года. Совместно с И. Мытько и Е. Пастернак написал около 20 книг. Является также сериальным сценаристом. Живет в Минске.

Евгения Пастернак родилась в 1972 году в Минске, где проживает и по сей день. Окончила физфак БГУ. Автор нескольких книг «для дам». Соавтор Андрея Жвалевского. Рассмотрим небольшую повесть А. Жвалевского и Е. Пастернак «Гимназия № 13», Мн., 2011.

Вообще-то данная гимназия находится все-таки в Минске. А значит, авторский расчет делался и на белорусскую аудиторию. В целом книга неплохая. Язык понятен для детей, скажем так, с небольшими умственными способностями, есть момент незанудливого просвещения по части древней мифологии, а заодно и экологии. Некая щепотка мистики текста не испортила. Дети в книге уже не совсем дети, у них уже есть отношения, что тоже правильно. Но: Гайдар писал лучше, Кассиль писал лучше, Грин писал лучше, А. Толстой, Крапивин, Носов, Михалков и т. д. тоже писали лучше.

Почему? Что, давление среды на тех писателей было меньше? Не в этом дело. В той стране действительно происходили очень резкие и кардинальные изменения, революция была именно революцией, победа — победой, а модернизация — модернизацией, а не имитацией. Кипение великих строек распространялось, скажем так, на всю кастрюлю, и на литературу — в том числе.

Больше всего рассмотренная повесть похожа на произведения Кира Булычева, но, скажем, не на самые лучшие (посреди равнины детской фантастики Булычева есть парочка действительно могучих утесов).

5

Последняя, пятая тенденция заключается в том, что не надо никуда ехать, никуда вступать, биться за признание, и т. д. Надо просто пописывать стихи в стол и надеяться на лучшие времена.

Вениамин Блаженный родился в 1921 году в городе Копысь Оршанского уезда. В 1941 году успел окончить 1 курс Витебского пединститута. Во время Великой Отечественной войны был в эвакуации, поскольку имел третью группу инвалидности по какому-то психиатрическому диагнозу. После войны переехал в Минск. Во время войны работал школьным учителем, после войны — в организации по трудоустройству инвалидов. Писал стихи с 1943 года, первая публикация состоялась в 1982 году, первая книга в 1990, уже перед смертью, последовавшей в 1999, был принят в союз белорусских писателей. Подчеркну: и первая книга поэта была издана в Москве, и первая литературоведческая статья по творчеству В. Блаженного тоже была напечатана в московском издании (В. Аверьянов. Житие Вениамина Блаженного. // Вопросы литературы. Вып. 6/1994). Насколько я слышал, теперь стихи В. Блаженного введены в Белоруссии в школьный курс русской литературы.

Для знакомства с творчеством В. Блаженного я пользовался интернет-публикациями. Там же нашел и части автобиографии, показывающие, что автор, может, и своеобразный, но весьма неглупый человек.

Пастернак, к которому Блаженный приезжал, нашел у минского автора, по его словам, 3—4 хороших стихотворения.

Да, действительно, не все стихи Блаженного одинаково правильны с точки зрения ритма и рифм. Исследователи творчества поэта пишут, что некоторые шероховатости подчеркивают страстность автора. Спорить не буду. Сам поэт не отрицал присущих ему страстей, называл себя «Рогожиным слова», и сравнивал свои стихотворения с поэзией Цветаевой и Мандельштама, людьми весьма пристрастными, как в жизни, так и в творчестве.

Главные и единственные направления поэзии В. Блаженного — религиозная лирика и лирика чувств. В одной из литературоведческих статей, посвященных В. Блаженному, я нашел определение «мистическая лирика», с чем не согласен. Поэт чем-то похож, по-моему, на маленькую героиню Грина, которая утром говорила: «Здравствуй, Бог!», а вечером: «Спокойной ночи, Бог!». Мистики здесь нет, есть свой мир со своей, пусть и несколько детской, системой координат.

Пришло время подводить итог. Итак, если некий человек, живущий в Белоруссии и считающий себя писателем, захочет как-то легализоваться на этом поприще и писать при этом на русском языке, то он может пойти по следующим направлениям: ехать в Россию, желательно — в Москву, вступать в существующие литературные союзы, публиковаться в интернете, а затем заключать соглашения с российскими издательствами, или просто ждать, надеяться и верить, что его и так отыщут. В любом случае желаю всем успехов.

Николай Хохлов
(г. Полоцк, Белоруссия)

ДЖЕК

Хохлов Николай Михайлович родился в 1954 году. Образование высшее военное. Автор тринадцати сборников юмористических рассказов, трилогии и повести о Великой Отечественной войне. Номинант конкурса на соискание премии «Писатель года» за 2020 год; финалист V Всероссийского литературного конкурса «ЛиФФт-2020» и Международного литературного конкурса «Созвездие Духовности — 2020». Член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь», заместитель председателя Полоцкого отделения Беллитсоюза «Полоцкая ветвь».

Бездомная собака Пальма долго искала место для будущего выводка и в конце концов остановила выбор на трубе под дорогой. Ее, по какой-то причине, забыли убрать строители.

С одной стороны, вход в новое жилище прикрывал куст полыни, а с другой оно и вовсе было засыпано. Придорожные канавы находились гораздо ниже уровня убежища. В общем, место оказалось идеальным. Правда пришлось натаскать для подстилки всяких мягких вещей, но эта работа приносила Пальме только радость. Словом, как бы то ни было, а в нужный срок на свет появились семеро щенят.

Пока новорожденные были слепыми, мать принимала меры предосторожности и надолго не отлучалась, зорко охраняя потомство и откармливая великолепную семерку, чтобы выводок голодным писком не привлекал непрошеных гостей.

Время шло, щенки подрастали. Уже во всю светились озорные искорки в любопытных глазенках.

В один солнечный майский день семейство вышло на первую прогулку. Стайка щенят сразу привлекла внимание детей и взрослых. Желающих погладить, поиграть и покормить было достаточно много, что позволяло Пальме отлучаться по своим делам все чаще и чаще.

Слух о малышах разлетелся по окрестным дворам, и ребятня потянулась группками и в одиночку, чтобы повозиться с собачьим семейством.

Игорьку родители обещали подарить собаку на день рождения, если он будет слушаться маму и папу. Узнав от друзей про маленьких ничейных песиков, мальчику очень захотелось взглянуть хоть одним глазком на них. На очередной прогулке мальчишка буквально притащил свою маму к заветному месту. Щенков уже разобрали прибывшие раньше. Только самый маленький и слабый, желтый, словно кусочек солнышка, песик топтался у выхода из трубы и не решался последовать за своими братьями и сестрами, которые во всю уплетали всякие вкусности из рук детей. Его-то и приглядел Игорь:

— Мама! Мамочка, смотри какой замечательный!!!

Мальчик, забыв обо всем на свете, бросился к желтому комочку, взял его на руки

и прижал к груди. Щенок от неожиданности испугался и жалобно заскулил, чем привлек внимание окружающих. Посыпались советы:

— Погладь, погладь, успокой его...

— Отпусти, пусть бежит в свое логово...

— Посмотри какой у нас красавец, возьми нашего. Вырастишь настоящего друга...

Игорь, прижимая щенка к себе, растерянно вертел головой. Подошла мама:

— Отпусти, сынок. Зачем он тебе? Смотри, это же последыш, самый слабый в стае. Хлопот с ним не оберешься...

— Мамочка, миленькая,— взмолился Игорь,— давай возьмем его, хотя бы на время. Откормим, поддержим, а там видно будет. Обещаю, что буду самым послушным ребенком в мире...

Сын так просил, так уговаривал, что материнское сердце дрогнуло. Последыша забрали из собачьего выводка первым. Счастливый обладатель самого замечательного в мире пса еще по дороге домой придумал ему кличку — Джек.

Родители мальчика не были в восторге от того, что им пришлось по просьбе ребенка приютить «двортерьера», но очень быстро привязались к смышленому, добродушному, веселому другу своего сынишки. Папа Игоря сделал из старого кожаного ремня ошейник, на котором крупными буквами вырезал и затушевал имя пса — ДЖЕК. Игорю завидовали все дети во дворе.

Песик, обретя семью, быстро набирал вес, становился интересным и забавным.

Спустя пару месяцев, после значительных перемен в жизни щенка, августовским погожим днем Игорек с отцом отправились на рыбалку к ближайшему озеру, прихватив с собой Джека. Прикормили место и забросили снасти. Клев не заставил долго ждать. Появился первый улов — караси с папину ладонь. Настроение было приподнятое. Все внимание сконцентрировалось на поплавках. Джек крутился под ногами, пытаясь заигрывать, но рыбаки его словно не замечали. Песик откровенно заскучал. Вдруг из зарослей послышались тяжелые шаги. Вскоре на берег вышел пожилой грибник:

— Здравствуйте, люди добрые,— приподнял он поношенный картуз,— клюет?

— Здравствуйте,— не оборачиваясь ответил папа,— клюет помаленьку.

Игорь вообще никак не отреагировал на приветствие незнакомца, поглощенный процессом ловли. Грибник молча присел на берегу, отдохнув, пошагал в сторону ближайшего села. Джек решил проводить мужчину и молча потрусил следом. Вскоре песик устал и, глядя на удаляющегося грибника, остановился. Он решил вернуться к своим и побежал к озеру. Все бы закончилось благополучно, но тут вмешалась любопытная сорока.

Она подлетела очень близко к щенку и подняла стрекот на всю округу. Сорочий галдеж заставил проснуться старого черного ворона, отдыхавшего на макушке огромной ели. Присмотревшись, он узрел песика и, почувствовав сильный голод, решил попытать счастья на охоте. Взмахнув крыльями, птица набрала высоту и стала полого планировать на добычу.

Только что-то пошло не так. Снижение получилось крутоватым из-за встречного ветра и, чтобы поймать жертву, ворону пришлось сделать несколько взмахов. Услышав свист крыльев за спиной, щенок припустил что есть сил куда глаза глядели, и в тот момент, когда он оглянулся, на его пути оказался мостик через канаву. Песик промахнулся и с разбега провалился в густую траву. Перекувыркнувшись несколько раз через голову, взвизгнул от боли и шмыгнул под настил, где царил сумрак. С противоположной стороны послышалось злобное шипение. Щенок посмотрел в сторону звука и его сердце забилось так, словно хотело выскочить из груди: на пса смотрели колючие маленькие глаза бусинки. Гадюка, свернувшись кольцами, подняв голову, зло оценивала непрошенного гостя. Решив, что для нее он бесполезен и не представляет опасности, змея тихо уползла прочь по своим делам.

Щенок долго успокаивался и в конце концов затих.

Рыбалка — занятие увлекательное, особенно если клюет рыба. Наловив полный садок карасей, Игорек с папой засобирались домой. Тут-то и обнаружилась пропажа щенка. Мальчик разрыдался от досады:

— Я, я виноват,— говорил он, обливаясь горючими слезами,— бросил Джека, вот и результат...

— Успокойся,— обнял его отец, гладя по голове,— мы попробуем найти нашего пса.

Поиски продолжались до сумерек, но безрезультатно. Расстроенные рыбаки ушли домой. Мальчик не смог сдерживать слез и проплакал весь вечер.

Ранним утром вся семья отправилась к озеру. Они звали щенка, расспрашивали грибников, но все напрасно.

Прошла неделя. На развешанные объявления никто не откликнулся. Мальчик плохо ел. Не хотел ни с кем общаться. Замкнулся. Крепился, но в глазах постоянно стояли слезы. Настали выходные. С утра родители о чем-то шептались и папа, тяжело вздохнув, куда-то ушел. Он появился часа через два. Поставил посреди коридора картонную коробку и позвал:

— Игоречек, посмотри, что я принес.

Мальчик нехотя вышел из своей комнаты и равнодушно взглянул:

— Опять какой-нибудь конструктор?

— А ты открой.

Вышла мама. Присев возле коробки, улыбнулась:

— Сынок, иди, взгляни...

Мальчишка, тяжело вздохнув, приблизился, вяло принялся раскрывать створки коробки. Когда открылось содержимое, замер: на него смотрел рыжий щенок, отчаянно махая хвостиком. Пушистый и обаятельный, песик сразу понравился мальчику. Прижав к груди подарок, Игорек закрыл глаза. По его щекам катились слезы. Слезы счастья. Папа тоже растрогался и взволнованно произнес.

— Мы решили подарить тебе породистого пса. Это щенок карело-финской лайки. Чтобы и он не потерялся, возьми ошейник и поводок,— и протянул вещи мальчику.

С этого времени в семье воцарился покой, а у мальчишки и щенка началась счастливая и содержательная жизнь. Неразлучная парочка была вместе круглые сутки.

Пропавший щенок провел тревожную ночь. Вокруг кипела незнакомая жизнь, издавая пугающие звуки...

Взошло солнышко и стало припекать. Песик осторожно выглянул из укрытия. Ему хотелось есть. Джек жалобно заскулил, прося помощи. Его зов услышала пожилая пара, возвращавшаяся в село после сбора грибов. Мужчина спустился в канаву и обнаружил щенка, взяв в руки, поднял:

— Смотри, какая прелесть,— протянул он женщине желтый комочек,— давай заберем?!

— Куда нам? — последовало в ответ,— у нас же Рекс есть...

— Рекс староват, уже плохо слышит...

— Староват,— согласилась спутница,— ай, ладно, берем.

Песик перекочевал за пазуху мужчины и, почувствовав себя в безопасности, тут же успокоился и уснул.

Согревшаяся животинка вытянулась во весь рост и блаженно посапывала. Щенку привиделось, что его новым хозяевам угрожает неприятность. Чтобы защитить их, он начал отталкивать задними лапами опасность, а затем и вовсе открыл глаза и громко тявкнул, от чего лица у грибников просветлели. Скоро они пришли к домику в деревне, перебрав грибы, сели в машину и уехали в город, захватив с собой найденыша.

Дома было тепло. Квартира, которая на собачьем языке называлась конурой, оказалась похожей на ту, в которой жил Игорь, поэтому щенок сразу же желтым шариком покатился, осматривая все вокруг и вынюхивая мальчика, но не находил. Друга нигде не было. Щенок растерялся, загрустил.

Хозяйка тем временем налила в миску молока. Песик начал аппетитно лакать. В миг его мордашка покрылась капельками, которые, как росинки, белыми точками разместились на усах и ресничках. Хозяин принес кусочек вареного мяса и положил на блюдечко. Что тут было!!! От одного ароматного запаха голова пошла кругом... Забыв обо всем на свете, щенок вцепился в подношение и грозно зарычал... Мужчина укоризненно покачал головой, взял несмышленыша за загривок и поднял в воздух. На умильной мордашке было выражено такое огорчение и растерянность, и вместе с тем решимость, поскольку лакомый кусочек остался зажатым крепко-накрепко еще не окрепшими зубами. Хозяйка рассмеялась:

— Ну что, жадина, понравилось мяско? Привыкай. Воля хозяина всегда выше твоей. Таковы правила сытной жизни, - и ласково погладила щенка между ушками.

Ее взгляд упал на ошейник. Одев очки, женщина прочитала:

— Джек! Так вот как тебя зовут...

— Джек, так Джек, будем с тобой усваивать всякие премудрости с такой кличкой,— заявил мужчина.

Учиться щенок хотел и уроки жизни буквально впитывал всем своим собачьим умом. Во всяком случае сразу понял, кто в доме вожак.

Зима пролетела быстро. Весенняя распутица уступила место теплу. На лето решено было перебраться в деревню. А поскольку Джек был там только наездами, радость переселения воспринялась восторженно. Еще бы, ведь помимо всего прочего его ждало интересное времяпровождение с деревенским старожилом, опытным и мудрым Рексом. Они за зиму подружились и трогательно приветствовали друг друга, всякий раз звонко лая.

Деревенская жизнь внесла свои коррективы. Нужно было охранять территорию от непрошенных гостей: зайцы норовили попробовать нежно — зеленые всходы на грядках, лиса кружила вокруг, учуяв запах наседок, сороки норовили своровать куриные яйца, а по дороге ходили чужие люди и высматривали что-то. В общем, дел хватало.

Наступили жаркие денечки. Солнышко палило так, что место для отдыха приходилось искать в тени деревьев, предварительно выкопав лапами яму...

Глядя на это, хозяин покачал головой, сходил в дом, взял полотенце и, поманив собак, направился к речке. Джек, не подозревая подвоха, весело носился по цветущему лугу, вспугивая бабочек.

Беспокойство охватило после того, как они спустились с крутого берега, и хозяин, сняв одежду, остался в одних штанишках, которые, как позже уяснил Джек, назывались плавками. Он удивился, когда человек и старый пес молча стали погружаться в воду, а потом поплыли рядышком, достигнув противоположного берега. Рекс стряхнул воду. Оба повернулись, и хозяин позвал:

— Джек! Ко мне.

Собачье сердце похолодело. Было страшно и стыдно. Опустив низко голову, пес посеменил прочь от воды:

— Что, струсил? — обожгли собачий слух обидные слова хозяина...

Не оборачиваясь, пес добрел до вершины обрывистого берега. Развернулся. Постоял, оглядывая все вокруг, словно прощаясь. Глубоко вздохнул и бросился вниз. Он не бежал, а стелился... Достигнув уреза воды, прыгнул, ввинчиваясь желтой молнией в воздух... Ему казалось, что таким образом удастся перепрыгнуть реку и приземлиться на противоположном берегу, и он взлетел! Было волнительное ощущение парения в воздухе! Так хотелось верить, что цель достигнута! Сейчас он будет рядом

с любимым хозяином и верным другом! Это мгновение счастливого полета длилось доли секунды, но он летел! Летел словно птица!

Летел пес не долго и не далеко. Метра через четыре плюхнулся в воду, подняв мириады брызг. Красоту полета и отчаянно-героический поступок наблюдали хозяин и Рекс. Человек катался со смеха по песку, а старый пес, словно несмышленый щенок, прыгал вокруг и радостно лаял. Джек в последний момент своего приводнения успел инстинктивно закрыть уши и не набрать воды. Отчаянно замолотив лапами, к своему удивлению, почувствовал, что не тонет, а кружит на месте. Придя немного в себя, увидел своих и поплыл. Нащупав дно лапами, выбежал на берег, остановился рядом с весельчаками, и отряхнулся так резво, что окатил своих спутников с ног и лап до головы.

Пес сразу оценил блаженство, полученное от купания в реке, и с тех пор при любой возможности лез в воду, причем, делал это всегда в прыжке.

Прошло лето. Джек заматерел. Набрался жизненного опыта.

Осень в том году выдалась теплой. Пес по привычке бултыхнулся в воду и неспешно устремился к противоположному берегу. Доплыв до средины, учуял запах дикого зверя, что могло быть явной угрозой для хозяина. Не раздумывая, развернулся и решительно направился к противнику. Соперника увидел сразу. Блестящая от воды морда двигалась навстречу. Животные сблизились до метра, и тут дикарь оглушительно хлопнул чем-то по воде и... утонул... От неожиданности Джек заработал так интенсивно лапами, что почти взвился над водой...

Поднимая буруны воды, он стремительно выплыл к берегу. Выбрался. Отряхнулся. Оглянулся. Хозяин присел на корточки, сотрясаясь от смеха.

Так они и пошли вниз по течению: хозяин и желтый пес, каждый по своему берегу, и бобр, а это был он, сопровождал их, держась средины реки.

Закончился дождливый сезон. Слякотная осень уступила место первым морозцам, которые усилились настолько, что сковали льдом лужи.

Игорь выгуливал своего породистого красавца пса Джека. Мальчик назвал его так в память о пропавшем щенке. Паренек с разгона скользил по накатанному льду, но дорожки были короткими и удовольствие от катания казалось не полным. И тут на память пришла картина водоема, находившегося в паре километрах:

— Айда на озеро,— позвал мальчик приятелей по двору.

— Ты что,— возразили те,— без взрослых туда нельзя, лед тонкий, можно провалиться.

— Так мы вдоль берега, на пляже, я знаю, там мелко.

— Нет, мы не пойдем и тебе не советуем.

— Как хотите, а я с Джеком схожу. Если лед крепкий, покатаемся. Вернусь, расскажу.

Мальчишка шел, что-то напевая себе под нос, в сопровождении пса, направляясь к озеру... Тропинка, петляя между кустарниками, привела к замерзшему водоему. Пес остановился у кромки льда, не решаясь сделать следующий шаг. Игорь обратил на это внимание и осторожно ступил на лед, который крепко держал мальчика. Сделав несколько шажков, парнишка пришел к выводу, что у берега можно кататься без опаски. Разогнался и заскользил по поверхности. Так продолжалось некоторое время. Мальчику захотелось сделать разбег интенсивнее и прокатиться подальше. Взор остановился на заводи, углубляющейся в берег. Место было с виду удобное и позволяло разбежаться и скользить долго и далеко. Не раздумывая, Игорь осуществил свой план. Он несся через заводь. Пес бежал по берегу повернув голову в сторону друга.

Не доехав до кромки, парнишка услышал треск. Лед под ним провалился и в одно мгновение ребенок оказался по плечи в воде, упершись ногами в зыбкое дно. Холодная вода в первый момент обожгла тело. Одежда набухла мгновенно. Выбросив руки на лед, Игорь закричал:

— Джек! Ко мне! Джек!

Пес метался на берегу, скулил, не решаясь ступить на лед, но в конце концов, приседая на лапах, осторожно пополз на зов хозяина.

В это время желтый красавец, в которого превратился пропавший когда-то в этих местах щенок, гулял со своим нынешним хозяином в лесу, рядом с озером. В какой-то момент пес насторожился, подняв уши, и застыл на месте с поднятой лапой. Он услышал знакомый голос, звавший на помощь, и рванул со всех сил к озеру. Поняв, что там, куда побежал пес, что-то происходит, ускорил шаг и хозяин.

На водоеме шла отчаянная борьба за жизнь. Игорь пытался выбраться из полыньи. Ему помогал его рыжий питомец, ухватившийся мертвой хваткой за рукав. Он упирался всеми четырьмя лапами, скользил, но не отпускал своего маленького хозяина.

Вдруг на берег выскочила желтая собака. На мгновение остановилась и бросилась на выручку мальчику. Подбежав, она вцепилась в свободный рукав и принялась помогать утопающему. Общие усилия дали результат. С помощью двух псов мальчик подтянулся и выбросил ноги на лед. Его спасатели продолжали тянуть и не успокоились, пока не достигли берега.

На выручку поспешил запыхавшийся мужчина:

— Как же тебя угораздило?

— Катался. Лед провалился,— стуча зубами, пролепетал мальчишка.

— Там же, в заводи, родники бьют. Они лед-то и подмывают,— просветил незнакомец,— ладно, не время разборки устраивать. Спасать тебя от переохлаждения надобно.

Мужчина решительно снял с себя куртку, шарф, который расстелил на земле. Раздел Игоря. Поставил на шарф. Укрыл курткой. Подумав немного, стянул свитер, и, просунув ноги парнишки в рукава, укутал дополнительно. Сам, энергично двигаясь, принялся собирать валежник. Развел огонь. Псы, успевшие обнюхаться, дружно принялись таскать палки для костра. На рогатинах хозяин желтого Джека развесил вещи мальчика для просушки.

Отец Игоря, приехав с работы, насторожился, не обнаружив сынишку, ни дома, ни во дворе. Узнав от мальчишек о прогулке мальчика на озеро, быстро завел автомобиль и помчался на пределе возможности на поиски. Приехав к водоему, застал картину: пылал огромный костер. Вокруг на безопасном расстоянии развешаны детские вещи. Игорь, закутанный в чужую одежду, о чем-то оживленно беседовал с незнакомцем. По берегу носились два пса: желтый и рыжий. На шее желтой собаки был тот самый ошейник, который папа мальчугана собственноручно когда-то смастерил для пропавшего щенка из своего кожаного ремня. Правда, застегнут ошейник был на последнюю дырку. Узнав историю спасения сына, мужчина украдкой смахнул слезинку, обнимая псов:

— Да расскажи кто-нибудь, не поверил бы. Не зря в народе говорят, что настоящие друзья познаются в беде. Будем дружить псами? — и протянул руку незнакомцу.

— Годится,— улыбнулся мужчина.

Так закончилась эта трогательная история.

Добавлю: Игорь все-таки простудился, но болел не долго. Он с родителями и рыжим Джеком часто навещают желтого Джека и подружились с его хозяевами.

Екатерина Ларионова
(г. Бобруйск, Белоруссия)

ГДЕ ЛЕХА?

Ларионова Екатерина Владимировна родилась в г. Чаусы (Белоруссия). Пишет произведения в приключенческом жанре, рассчитанные на подростковую аудиторию. Член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь».

Синопсис: Ночь перед экзаменами. Все общежитие усиленно готовится к началу сессии. Правда, нашлись и те, кто в такое непростое время занят совершенно другими делами, да еще и мешает остальным. Алексей Воробьев — староста, отличник и будущее светило отечественной инженерии — решает навести порядок и с самыми радикальными намерениями отправляется в блок нарушителей устанавливать справедливость.

Ночь медленно спускалась на город, на улицах загорались фонари, машин и людей становилось все меньше, а в тесно сбившихся многоэтажках один за другим гасли яркие квадратики света. Даже пятиэтажное пошарпанное здание общежития местного университета постепенно погружалось во тьму и тишину. И дело было даже не в злющей, словно не выгулянный Цербер, комендантше Агафье Полиграфовне, которая неусыпно следила за соблюдением распорядка и дисциплины.

Завтра начиналась сессия.

Многие студенты, отложившие зубрежку на последний день перед экзаменом, в итоге просто призывали халяву и шли спать. В то же время их более ответственные сокурсники видели десятый сон, сжимая под подушкой драгоценные конспекты и бормоча про себя положения квантовой механики или законы лингвистики. И лишь в одном из блоков на четвертом этаже жизнь по-прежнему била ключом, чему были крайне не рады их соседи снизу.

Когда потолок содрогнулся в очередной раз от гулкого удара, Алексей Воробьев яростно откинул одеяло в сторону и принялся шарить ногами по полу в поисках тапочек.

— Я не считаю это хорошей идеей,— оторвавшись от учебника по математическому анализу, заметил его сосед по комнате.

— Я так совершенно не могу сосредоточиться,— Алексей поправил массивные очки на переносице и отряхнул с пижамных брюк с единорогами несуществующие пылинки.

— Алексей,— многозначительно произнес сосед и погладил жиденькие усики.— Мне кажется, они шумят не настолько громко, чтобы потом ходить со сломанным носом.

— Я староста, они не посмеют! В моей власти их посещаемость!

Сосед лишь закатил глаза и тут же вздрогнул от сильного грохота сверху. На этот

раз удар был такой силы, что с потолка упал кусок штукатурки и разбился вдребезги у самых ног Алексея. Тот гневно сжал кулаки и решительным шагом покинул комнату.

Буквально взлетев по лестнице на четвертый этаж, Алексей торопливо приблизился к двери злополучного блока. Он замер на мгновение, прислушиваясь,— именно отсюда доносились громкие голоса, музыка и ритмичный грохот — и постучал. Вполне ожидаемо, никто не отозвался. Молодой человек постучал более настойчиво. И вновь не последовало никакой реакции.

Собравшись с духом, он несколько раз с силой пнул хлипкую дверь. Та же открылась так неожиданно, что нога Алексея чуть было не угодила в колено рослому парню в борцовке и спортивных трениках.

— Э, ты че шумишь? — буркнул тот.— Люди же спят.

— Вы издеваетесь? — собрав остатки смелости, пискнул Алексей.— Это вы шумите на все общежитие!

— Вот разорался,— с этими словами парень сгреб его за воротник и затащил внутрь.

Алексея обдало плотным букетом из ароматов нестиранных носков, пота, сигарет и кислого пива. Едва сдержавшись, чтобы не закашляться, он обвел комнату слезящимися глазами. Помимо громилы тут находилось еще четверо, двое из которых неуклюже выплясывали напротив громадного телевизора, пытаясь поспеть за движениями мелькающих на экране персонажей.

— Пацаны, я себе пару нашел! Теперь я тоже могу с вами тренить! — радостно объявил парень в борцовке.

— Что? — растерянно переспросил Алексей.— Но я возражаю!

Однако громила пропустил его слова мимо ушей и просто толкнул вперед, из-за чего Алексей наступил ногой на чей-то кусок пиццы. Рядом же валялись еще чипсы, нарезанная колбаса с огурцами и пластиковые бутылки с недопитым пивом. Судя по запаху и поблескивающим лужицам, часть драгоценного напитка была бездарно пролита, что совершенно не смущало обитателей блока.

— О, Леха, привет! — протянул руку Алексею парень, в котором тот узнал своего сокурсника Виталика. Сидящий же рядом с ним Костя, еще один одногруппник, не отрываясь от телефона, просто кивнул головой.— Тут все просто: смотришь на экран, следишь за...

— Так! — воскликнул Алексей, грозно поправив сползшие со вспотевшего носа очки.— Никаких игр! Спать! Завтра экзамен!

— Я выкину его обратно в коридор? — предложил громила.— А то он душный какой-то, поищу кого-нибудь другого.

— Не, погоди,— остановил его Виталик.— Леха дело говорит. У меня матан завтра.

— Настоятельно рекомендую всем разойтись,— ощутив собственное превосходство, заявил Алексей.

— Не, погоди,— сказал Виталик, обратившись уже к нему.

— Значит, я все-таки могу выкинуть этого зубрилу? — обрадовался громила, и Алексей ощутил на своих щуплых плечах крепкую хватку.

— Да нет же! — воскликнул Виталик.— Отпусти Леху, он сейчас сломается, посинел уже весь.

Громила, обиженно что-то бурча себе под нос, разжал руки и отвернулся. Заметив на полу коробку с недоеденной пиццей, он поднял ее и уселся на кровать, жалобно скрипнувшую старыми пружинами.

— Мы с ребятами хотим пройти отборочные на танцевальный турнир по «Just Flex». Может, слышал о таком? — Виталик махнул рукой в сторону танцующей парочки, с которой уже градом катился пот.— Завтра стрим в пять вечера, вот и готовимся.

Алексей сложил тонкие ручонки на впалой груди и, недовольно поджав губы, произнес:

— Вы своим топотом мешаете мне спать. Лучше бы шли учить билеты, танцуете все равно отвратительно.

В комнате моментально воцарилась тишина, и на Алексея устремились злые взгляды всех присутствующих, а громила многозначительно смял пустую жестяную банку из-под напитка.

— Это вызов? — Костя мгновенно вскочил с места и навис над Алексеем.

— Это констатация факта,— поправив очки, пискнул тот и зажмурился в ожидании удара.

— Думаешь, это так просто, дрыщ ты недоделанный? — рванулся вперед один из танцоров. Второй просто молча хрустнул кулаками. Оба были достаточно хорошо развиты физически, чтобы Алексей безо всякого математического анализа оценил свои шансы как нулевые.

— Так, парни, спокойно,— вмешался Виталик.— Леху бить нельзя. Он не виноват, что такой дремучий, и не шарит ни в чем, кроме своих формул.

— Это я-то дремучий? — возмутился Алексей.— Во-первых, чтобы понять, насколько вы ужасно танцуете, не нужно быть экспертом, а во-вторых, это обычный симулятор на реакцию. Моя бабуля в свои семьдесят и то лучше справляется.

— Ах ты!..

— Сюда иди!

— Щас проверим твою реакцию!..— Виталику пришлось сдерживать собой сразу троих разозленных приятелей.

— Раз это так легко, покажи класс,— произнес Костя.

— Нет уж, меня ваши забавы не интересуют,— отрезал заметно осмелевший Алексей.— Я лишь хочу тишины.

— Ага, как доказать на деле — так сразу хвост поджал,— ухмыльнулся громила.

— Я не поведусь на ваши глупые провокации! Идите спать или я позову Агафью Полиграфовну.

Алексей повернулся, чтобы уйти, как за его спиной раздался панический крик Виталика:

— Нет, ты не посмеешь!

— Еще как посмею! Вот прямо сейчас к ней и направлюсь. Я хотел договориться с вами по-хорошему, но стоило сразу пойти к ней!

— Еще шаг, и я отпущу своих корешей!

— Виталий, мне казалось, мы с вами на одной стороне,— замерев на месте, проговорил вмиг побледневший Алексей.

— Твоя жертва будет во имя великой цели,— с заметным сожалением в голосе ответил тот.— Боюсь, ты не сможешь покинуть эту комнату до завтрашнего вечера.

— Нет! А как же экзамен?! — Алексей рванулся к двери, но ему преградил путь резво вскочивший на ноги громила.— Отпустите! Это похищение! Я староста!..— заметив занесенный над своей головой массивный кулак, Алексей поспешно выпалил: — Погодите! Ладно!

Ребята переглянулись, и Виталик велел громиле опустить кулак. Тот с явным неудовольствием повиновался.

— Я... я станцую против любого из вас! — нервно продолжил Алексей.— И если я наберу больше очков, тогда вы меня отпустите и не будете шуметь.

— А если проиграешь? — спросил явно заинтересованный Виталик.

— Напишу победителю шпаргалки к завтрашнему экзамену,— ответил тот и, ощутив на себе испепеляющие взгляды остальных, поспешно добавил: — Хорошо! Я напишу шпаргалки для всех! Довольны?

— Отлично,— удовлетворенно кивнул Виталик.— Сейчас объясню, в чем принцип...

— Да не стоит,— буркнул Алексей и, подойдя к телевизору, взял со стоящего перед ним столика пульт.— Я вас и так смогу одолеть. Где тут какие кнопки нажимать?

Виталик молча отобрал у него пульт и показал рукой на закрепленный на телевизоре кинект*:

— Вот эта штука будет ловить твои движения.

— Может, ты сразу начнешь писать шпоры? — заявил Костя.— Толку время зря тратить.

— С кем мне сразиться? — проигнорировал его выпад Алексей.

— С лучшим, конечно,— ответил Виталик и показал пальцем на себя.— Играем до двух побед. Можешь выбрать песню.

— Я пас. Дам вам фору,— скромно потупил глазки тот и шаркнул ножкой по липкому полу. Все, включая Виталика, не удержались и рассмеялись, однако, Алексей и бровью не повел. Он лишь в очередной раз поправил очки и заправил футболку в штаны.

— Ну, как скажешь, чемпион,— утерев выступившие слезы, произнес Виталик и после непродолжительного поиска выбрал трек, который знал лучше остальных.

— О, так тут еще и подсказки есть? — пробормотал Алексей, едва началась музыка.

Его движения были неуклюжими и заторможенными, однако он сосредоточенно продолжал, не отрывая глаз от нижнего угла экрана, где бежала полоса с подсказками. Виталик кинул быстрый взгляд на статистику противника, на которой вспыхивали одни крестики, означающие, что танцор абсолютно мазал мимо движений, и довольно усмехнулся. Его собственный счетчик стремительно заполнялся очками, и уже на подходе к припеву Виталик получил свою первую звезду. У Алексея же все было куда печальнее: он, конечно, стал кое-где попадать, однако этого оказалось явно недостаточно, чтобы сократить разрыв в очках хотя бы вдвое.

В итоге со значительным перевесом ожидаемо победил Виталик. Он торжествующе вскинул руки вверх и, переглянувшись с друзьями, обратился к Алексею:

— Может, все-таки сам выберешь следующую песню?

Тот ответил не сразу. Погруженный в свои мысли, он увлеченно бормотал что-то себе под нос. Лишь когда Виталик повторил свой вопрос в третий раз, Алексей, наконец, обратил на него внимание и ответил:

— Я бы повторил предыдущую.

— Леха, подумай хорошо. Я знаю эту песню наизусть,— почувствовав небольшой укол совести, решил признаться Виталик.— Давай станцуем то, что даже я не знаю, так будет честно.

— И все же, Виталий, я настаиваю,— повторил Алексей.

Пожав плечами, Виталик оглянулся на друзей и снова запустил тот же трек. Он действительно отлично знал все движения, поэтому практически не смотрел в монитор, полностью сосредоточившись на точности. Услышав такой приятный для ушей звон первой вспыхнувшей звезды, Виталик вскинул голову и замер на месте: звезда сияла у Алексея, а сверху мерцала корона, означающая, что в данный момент лидирует именно он. Позабыв, что надо танцевать, Виталик перевел взгляд на Алексея и оторопел окончательно. Тот четко, словно машина, повторял абсолютно каждое движение, а его губы едва заметно шевелились.

— Эй, братан, ты че?! — вывел Виталика из ступора возмущенный возглас громилы.— Тебя очкарик уделывает!

---

* Кинект — бесконтактный сенсорный игровой контроллер, считывающий непосредственно движения самого игрока.

Виталик тряхнул головой и продолжил танцевать, стараясь не думать о том, как сильно отстал. Однако, несмотря на все усилия, в этом туре безоговорочно победил Алексей. Непривыкший к таким физическим нагрузкам, он тяжело дышал и пытался протереть толстые запотевшие линзы очков взмокшей футболкой.

— Ну, держись,— чувство гордости вчерашнего чемпиона общежития было уязвлено, поэтому Виталик яростно листал список, пока не выбрал песню с самым сложным уровнем. Сам он не надеялся, что повторит даже половины танца, однако ботан и подавно его не осилит. Хорошо, если просто доживет до конца трека.

— Готов? — буркнул Виталик и, не дожидаясь ответа, запустил песню.

В начале ожидаемо на стороне Алексея вспыхивали сплошные кресты. В принципе, у самого Виталика ситуация складывалась немногим лучше, и тем не менее он уверенно лидировал. Пока не начался второй куплет.

Почти стоявший до этого на месте Алексей будто с цепи сорвался. Его взмахи местами все еще были неуклюжими, а где-то он просто физически не мог успеть все выполнить как надо, и все равно счетчик Алексея резко устремился вверх. Заметивший это Виталик попытался сохранить лидерство, но охватившее его волнение мешало ему сосредоточиться. Поэтому вместо того, чтобы танцевать аккуратнее, Виталик лишь стал допускать больше ошибок, потерял дыхание и, зацепившись ногой за бутылку, растянулся на полу.

Друзья ринулись его поднимать, пока Алексей методично продолжал танец. Музыка стихла, но победа ботана не стала ни для кого неожиданностью: он успел обогнать соперника еще до того, как тот упал. Поэтому, скрепя сердце, Виталик хлопнул Алексея по плечу и произнес:

— Хорошо, ты победил. Можешь идти. И мы тоже сейчас разойдемся. Видимо, это действительно была пустая трата времени, и на отборочных нам ничего не светит.

— Не драматизируйте, Виталий,— Алексей снял помутневшие очки и близоруко заморгал.— Во всех играх есть алгоритмы и закономерности. Если бы вы внимательнее отнеслись к такой великой дисциплине, как высшая математика, то уже давно стали бы чемпионом в любом виде киберспорта. Особенно с вашей физической подготовкой.

Все, как по команде, обернулись к «учебнику по математическому анализу», который подпирал хромоногий столик перед телевизором.

— Вот как,— выдавил Виталик и, глянув на часы, заметно поник.— Сомневаюсь, что я успею выучить материал за семестр в оставшиеся шесть часов до экзамена.

— Леха, так это,— подал голос громила и, чуть помявшись, добавил: — Может, ты бы завтра тоже принял участие в отборочных?

— Что? — сузил глаза Алексей.— Помимо того, что это совершенно глупая затея, вам что с этого?

— Ну мы, тип, все один универ, а, значит, победа любого из нас — наша победа,— смутившись, ответил тот.— Ну че тебе стоит? А мы потом матан твой выучим и в следующем году зажжем!

Алексей открыл было рот, чтобы сказать свое последнее категорическое «нет» и уйти спать, как его осенило.

— Хорошо,— вертя в руках очки, кивнул он.— Но у меня есть условие: если вы все завтра сдадите экзамен. В противном случае я буду вынужден вам отказать.

Ребята переглянулись между собой. До ушей Алексея донеслись обрывки фраз вроде: «Ну да, справедливо», «Надо постараться» — и в том же духе. Наконец, короткое обсуждение завершилось, и общее решение озвучил Виталик:

— Хорошо, мы согласны, но нам нужна помощь. Как я уже сказал, я ни за что не выучу все билеты за оставшееся время.

— А у нас сопромат... — грустно проговорили парни, что танцевали до этого в паре.

— Физика,— скривился громила.— Я в ней ни бум-бум.

Алексей лишь закатил глаза и вышел из комнаты. Вопреки ожиданиям, он вернулся, да еще и не с пустыми руками: высоченная стопка книг и конспектов с заметками едва умещалась в его хилых объятьях. Аккуратно разложив все на чистой части пола, он произнес:

— На ваше счастье, программа наших курсов в некоторых моментах пересекается, поэтому у меня есть систематизированные материалы по необходимым вам предметам. Этого, конечно, будет недостаточно, чтобы вы изучили дисциплины как следует, однако пересдачи вы избежите. Все довольно компактно, как раз до восьми утра управитесь.

— Компактно? — переспросил Виталик, пролистав толстый конспект, написанными бисерным почерком и обклеенный цветными заметками.

— Либо так, либо на пересдачу,— отрезал Алексей.— Приступайте. Если что-то непонятно — спрашивайте.

Ребята послушно разобрали материалы, и спустя несколько минут комната заполнилась едва слышным равномерным бормотанием. Алексей, устроившийся в компьютерном кресле, больше напоминал надзирателя, чем студента, предложившего свою помощь нуждающимся. Пару раз его окликали, чтобы он расшифровал почерк или объяснил значение непонятного термина, однако по большей части Алексей просто скучал, из-за чего его начало клонить в сон. В борьбе с дремотой Алексей открыл в телефоне заметки к завтрашнему экзамену и принялся повторять. На какое-то время это помогло, пока он снова не заметил, как его голова устремилась вниз. Протерев глаза, он открыл дополнительные материалы по математическому анализу и углубился в чтение.

Виталик, а с ним и все остальные синхронно вздрогнули от глухого удара в пол. Задремавший в кресле Алексей выронил из расслабленных рук телефон и теперь тихо посапывал.

— Надо его, наверное, уложить спать,— шепотом подал идею громила.— Могу уступить свою кровать.

— Может, просто разбудить его и пусть валит к себе в блок? — спросил Костя.

— Думаю, не стоит его уже будить,— отозвался Виталик.— Ботанам нужен здоровый сон. Еще не заснет потом. Пусть выспится человек. Леха — нормальный пацан. Он все-таки согласился нам помочь.

Остальные ребята согласно закивали. Громила осторожно вытащил тщедушное тельце Алексея из кресла и перенес на кровать. Тот моментально в ней освоился и рулетиком закрутился в одеяло.

— Нужно только разбудить его вовремя,— произнес Виталик.

— Да, надо.

— А во сколько будить будем?

— Может, за час до экзамена разбудим?

— Главное не забыть его вообще разбудить...

Тихо переговариваясь, ребята продолжили подготовку. Первые часы все шло замечательно, однако во второй половине ночи стали сдавать даже организмы сильнейших из них: один за другим студенты все сильнее клевали носом в конспекты, пока в итоге вся комната не заполнилась громким асинхронным храпом пяти человек.

Виталик проснулся от бьющего ему прямо в глаза яркого солнечного света. Он попытался перевернуться или отодвинуться, однако лишь уткнулся лицом в чью-то дурно пахнущую подмышку. Остатки сна улетучились окончательно, а вместе с этим вернулось осознание того, что он сейчас в своей комнате, а на дворе уже наступило утро.

«Утро?!» — от внезапной мысли Виталика прошиб холодный пот. Он судорожно начал рыскать по карманам в поисках телефона, пока просто не нащупал в общей куче из тел чью-то руку с часами.

— Проспали!!! — воскликнул Виталик и первым вскочил на ноги. Щедро зарядив храпящим друзьям серию пинков, он забегал по комнате в поисках зачетки. Ребята неохотно заворочались и стали вставать.

— Резче, придурки, экзамен через пять минут!!! — заорал на них Виталик, прыгая на одной ноге в попытке натянуть чистый носок.

С одной стороны, это сработало: сон мгновенно пропал у всех. Но в то же время хаоса в комнате стало в пять раз больше. Теперь, помимо Виталика, по комнате носились все.

— Кто-нибудь, разбудите Леху!

— Где мой студенческий?!

— Отдай мои носки!

— Леху разбудил кто-нибудь?

— Кто пролил на мою зачетку пиво?!

— Пацаны, дайте шнурки!

— Не забудьте про Леху!

— Да мы помним, где туалетная бумага?

— Пошли уже!

— А Леха?

— Парни, у меня в ширинке рубашка застряла!

— Нормально, пойдем уже!

— Так че с Лехой?

— Блин, у тебя тоже кроссы синие, а я думаю, че не налазят...

— Все, парни, время вышло! Валим скорее!

Запыхавшаяся компания взъерошенных, помятых студентов притормозила лишь у лестницы, ведущей из холла главного корпуса университета на верхние этажи.

— Ну, ни пуха, ни пера,— первым произнес громила, незаметно пытаясь выдернуть подол рубашки из ширинки.

— К черту,— быстро ответил Виталик и первым рванул на лестницу. За ним последовал и Костя. Громила направился в коридор сбоку, а парочка, сдающая сопромат,— в противоположную сторону.

Возле аудитории, где должен был проходить экзамен по математическому анализу, все еще толпились студенты. Шумно выдохнув, раскрасневшийся от бега Виталик примкнул к общей толпе, которая потихоньку вливалась внутрь. Еле догнавший его Костя чуть не сбил зазевавшуюся однокурсницу.

— Эй,— окликнул тот Виталика, когда уже все расселись по местам.— Ты Воробьева видел?

— Кого? — поморщился Виталик.

— Ты серьезно? Старосту нашего!

— Леху, что ли? Я же вам сказал его разбудить.

— Я думал, ты его разбудишь.

— В смысле?! — зашипел Виталик.— С чего мне его будить, если я думал, это вы сделаете?

— Может, его кто другой разбудил, и он просто от нас отстал?

— То есть, лично ты даже не попытался его разбудить?!

— Да я вообще кроссы искал...

— Пс, парни,— окликнул друзей еще один их одногруппник.— А где Леха?

Нежась в уютной мягкой постели, Алексей мечтательно улыбнулся во сне, почесал коленку и, тихо всхрапнув, перевернулся на другой бок.

Летняя сессия официально началась.